

ОГОНЁК

№ 26 ИЮНЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СТРАНА ГОРДИТСЯ ЗВЕЗДНЫМИ БРАТЬЯМИ

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан 1 апреля 1923 года
№ 26 (2243) 27 ИЮНЯ 1970

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЭКСПЕРИМЕНТ ЗАВЕРШЕН

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ РАДОСТНО ВСТРЕТИЛИ ВЕСТЬ О ТОМ, ЧТО БЕСПРИМЕРНЫЙ ПО СВОЕЙ ДЛИТЕЛЬНОСТИ КОСМИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ АНДРИЯНА НИКОЛАЕВА И ВИТАЛИЯ СЕВАСТЬЯНОВА УСПЕШНО ЗАВЕРШЕН. НИ ОДИН ЧЕЛОВЕК НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ ЕЩЕ НЕ БЫЛ ТАК ДОЛГО В УСЛОВИЯХ НЕВЕСОМОСТИ. СОВЕРШЕН НОВЫЙ ШАГ НА ПУТИ СОЗДАНИЯ ДОЛГОВРЕМЕННЫХ ОРБИТАЛЬНЫХ СТАНЦИЙ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС, ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР И СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР НАПРАВИЛИ ПРИВЕТСТВИЕ УЧЕНЫМ, КОНСТРУКТОРАМ, ИНЖЕНЕРАМ, ТЕХНИКАМ И РАБОЧИМ, ВСЕМ КОЛЛЕКТИВАМ И ОРГАНИЗАЦИЯМ, УЧАСТВОВАВШИМ В ПОДГОТОВКЕ И УСПЕШНОМ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДЛИТЕЛЬНОГО ПОЛЕТА КОРАБЛЯ «СОЮЗ-9», КОСМОНАВТАМ АНДРИЯНУ НИКОЛАЕВУ И ВИТАЛИЮ СЕВАСТЬЯНОВУ. В ПРИВЕТСТВИИ ГОВОРИТСЯ:

«ЖЕЛАЕМ ВАМ, ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ, ДАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ В ВАШЕЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ. ПУСТЬ ЭТИ УСПЕХИ ПРИНЕСУТ НОВУЮ СЛАВУ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЕ И ПОСЛУЖАТ БЛАГОРОДНОМУ ДЕЛУ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ВСЕЛЕННОЙ».

20 июня. Подмосковный аэродром. Здесь советских космонавтов А. Г. Николаева и В. И. Севастьянова — героев длительного 18-суточного полета на корабле «Союз-9» — тепло встретили члены государственной комиссии, руководители полета, ученые, инженеры, конструкторы, друзья-космонавты, родные и близкие.

На снимке: встреча экипажа корабля «Союз-9» на аэродроме. Слева направо: В. И. Севастьянов, А. С. Елисеев, А. Г. Николаев и В. А. Шаталов.

Фото Н. Акимова (ТАСС).

МАЛАЯ ОРБИТАЛЬНАЯ В ДЕЙСТВИИ

Валерий ПОЛЯНСКИЙ, Димитрий ОВДЕНКО, научные сотрудники

«Космическим марафоном» окрестила пресса восемнадцатисуточное путешествие Андрияна Николаева и Виталия Севастьянова по околоземной орбите.

424 часа в объятиях вечного вакуума, слепящего солнца и ледяной ночи, когда весь орбитальный дом не превышает по кубатуре десятка метров, а рядом только один верный товарищ,— это уже подвиг. Но если эти четыре сотни часов заполнены напряженной, расписанной по виткам и минутам работой во имя науки, во имя будущего — это подвиг вдвойне.

Несмотря на небольшой срок существования, космонавтика имеет на своем счету много примеров выдающегося героизма. Это и первый полет Юрия Гагарина, и выход в космос Алексея Леонова, и лунные шаги Нейла Армстронга. Да, впрочем, любой космический полет сопряжен пока еще с таким риском и отдачей всех физических и духовных сил, которые естественным образом делают космонавта национальным героем.

В последние годы космонавтика вступила в качественно новый этап своего развития. Наряду с постоянным усложнением решаемых задач меняется, может быть, незаметно подход к оценке результатов того или иного эксперимента. При этом решающим фактором является практический вклад космического эксперимента в науку, в развитие отраслей промышленности или землеведения. И с этой точки зрения новый философский смысл приобретают внешне малоэффектные «космические будни» — это та работа, которой почти три недели были заняты Николаев и Севастьянов.

Человек уже не просто летает в космосе, он обживает его. Вы помните последние дни полета корабля «Союз-9»? Николаев и Севастьянов сообщили, что они настолько привыкли к условиям невесомости, к своему орбитальному дому, что чувствуют себя так же уверенно, как на Земле, в тренажере. И готовы дальше продолжать полет.

Но не так прост путь освоения космоса. Это выяснилось при возвращении на Землю. Первые же шаги по родной Земле показали, что космонавты отвыкли от земной тяжести. Стало трудно удержать что-либо на весу, просто поднимать руку, даже в неподвижном положении ощущалась тяжесть, как на центрифуге. Оказалось, что требуется некоторое время, чтобы организм приспособился к земным условиям.

Сейчас космонавты находятся под тщательным наблюдением медицинских специалистов, исследующих все изменения, вызванные длительным полетом.

Каковы же некоторые итоги полета Николаева и Севастьянова, каково значение его для многих задач, связанных с созданием обитаемых орбитальных станций?

Большие надежды связывают сегодня с орбитальными станциями геологи, астрономы, океанологи, метеорологи, специалисты сельского и лесного хозяйства.

Как известно, большую часть поверхности Земли занимают океаны и моря. Несмотря на дальние рейсы рыболовецкого флота, все же большая часть улова приходится на сравнительно близкие, прибрежные районы. Связано это в первую очередь с тем, что в просторах Мирового океана трудно обнаружить скопления промысловой рыбы. Как же можно использовать в этом плане орбитальные станции?

Во время полета космонавты Николаев и Севастьянов сообщали интересные факты о наблюдениях морской поверхности. Так, пролетая над Черным, Азовским и Каспийским морями, они хорошо различали границы районов, имеющих разную глубину, соленость, степень загрязнения.

Специалисты предполагают, что скопления промысловой рыбы, находящейся в основном в поверхностном слое глубиной до 50 метров, могут просматриваться с орбиты спутника. Так же успешно могут быть обнаружены места, богатые рыбным кормом — планктоном. Подсчитано, что эта информация о скоплении рыбы и планктона вместе с картами течений, температуры воды и надводного слоя воздуха может способствовать увеличению ежегодного улова на 20 процентов.

Корабль «Союз» очень напоминает орбитальную станцию малого масштаба. Действительно, он обладает всеми необходимыми признаками.

Во-первых, как и на будущих станциях, на корабле есть два специализированных отсека: кабина — командный отсек и орбитальный отсек — научная лаборатория и комната отдыха.

Во-вторых, корабль «Союз» очень маневренный аппарат, он может находиться в любом ориентированном положении для разных видов исследований. С его помощью могут также осуществляться любые транспортные операции: доставка грузов и экипажа на орбитальные станции и т. д.

В-третьих, на корабле установлена универсальная научная аппаратура для исследования Земли, небесных тел и окружающего пространства. Имеется возможность проводить исследования и в условиях открытого космоса, стравливая атмосферу из орбитального отсека.

Все эти качества присущи и орбитальным станциям, проектов которых существует множество. А теперь посмотрим, насколько близка работа экипажа «Союз-9» к характеру деятельности будущих обитателей «эфирных поселений».

Ввиду широкой программы, выполненной Николаевым и Севастьяновым, остановимся только на двух народнохозяйственных аспектах исследований — геологии и метеорологии.

Космонавты неоднократно фотографировали поверхность планеты, а в один из дней проводили комплексный эксперимент по изучению недр нашей страны. Фотосъемка с борта корабля районов на юге Украины, в Поволжье, Казахстане и Западной Сибири велась совместно с аэрофотосъемкой и работой наземных изыскательских партий.

Параллельно с групповым полетом трех кораблей «Союз» в октябре прошлого года по программе Министерства геологии в Прикаспийской низменности находилась специальная экспедиция лаборатории аэрометодов, проводившая в районах, фотографировавшихся из космоса, аэрофотосъемку и наземные работы. После сопоставления и дешифрования полученных снимков, в частности снимков полуострова Мангышлак, были обнаружены новые разрывные геологические нарушения. Дешифрование снимков залива Кара-Богаз позволило внести определенные коррективы в составленные ранее карты залива: были обнаружены значительные изменения в контурах береговой линии, происшедшие за последние годы. Периодическая съемка залива позволит определять рост соляного пласта и, в свою очередь, правильно планировать разведочные и эксплуатационные работы, связанные с добычей соли.

Аналогичные съемки по заданию Министерства геологии проводились и в полете «Союза-9». Исследовались и новые, ранее малоизученные районы. Фотоснимки будут обрабатываться, подвергаться дешифровке и систематизации.

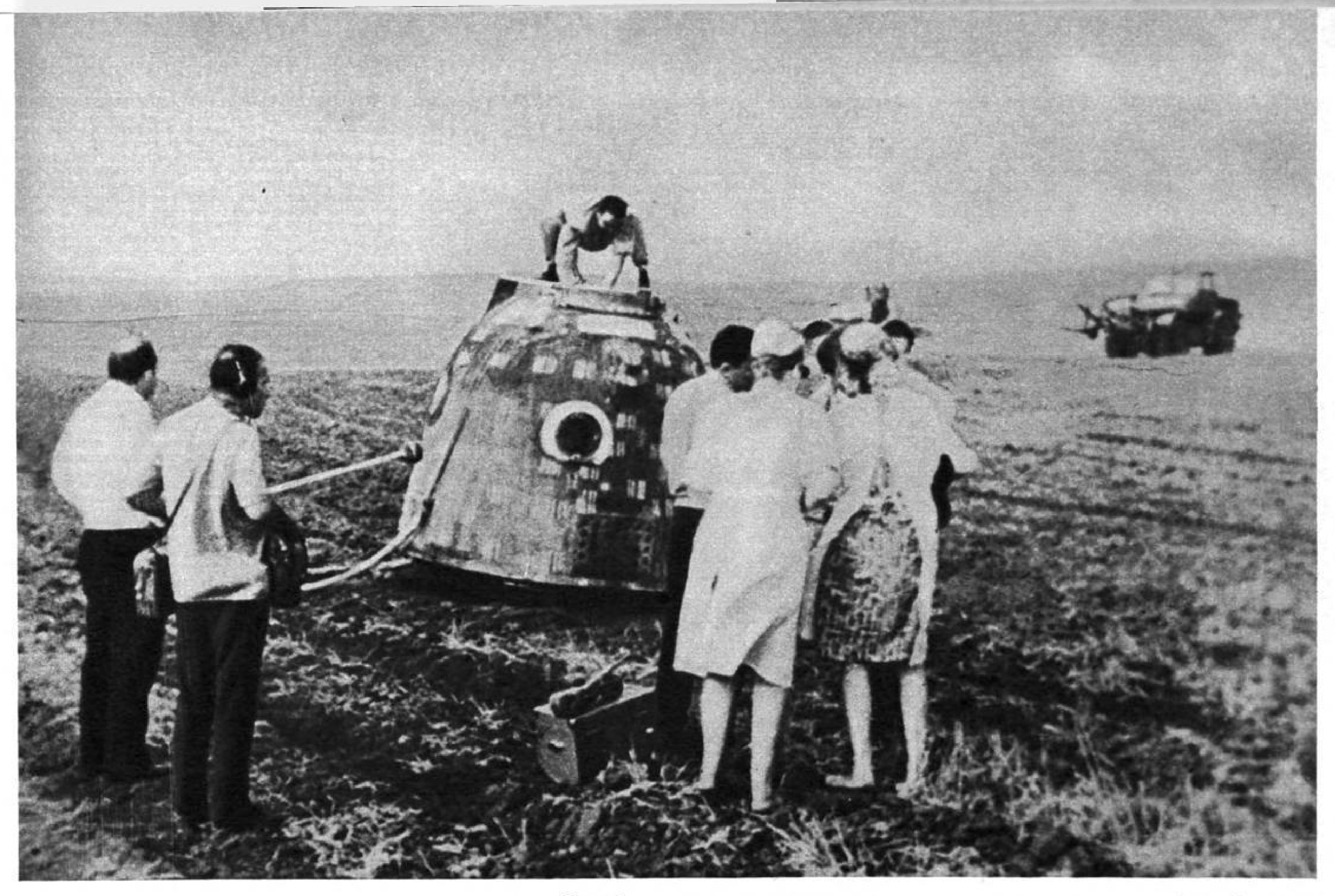
В полете дальнейшее развитие получили космические методы землеведения.

Серьезная болезнь земли — эрозия почвы. Где и в каких направлениях развивается эрозия? В какой стадии эрозии находятся те или иные районы? На эти вопросы должны отвечать карты, составленные по фотоснимкам из космоса. Подобные снимки выполнял и экипаж корабля «Союз-9».

Пылевые бури, песчаные потоки в засушливых районах земли принимают угрожающие размеры. Пыль и песок, как видно по космическим снимкам, путешествуют на грандиозные расстояния — от Сахары до Ближнего Востока. Один из таких пыле-песчаных потоков над Аравией впервые наблюдал Георгий Тимофеевич Береговой. В полете «Союза-9» Андриян Николаев и Виталий Севастьянов наблюдали и фотографировали пылевую бурю в Иране.

Известно, что положительные результаты в разведке полезных ископаемых дает сочетание наземных изысканий и аэрофотосъемки. По фотографиям, полученным с самолета, можно выявить геологическую структуру района и предсказать залежи полезных ископаемых. Этот метод достаточно хорошо разработан, и, если составлены карты какого-нибудь района, полученные с помощью аэрофотосъемки, район считается геологически разведанным.

Новые возможности для геологов открыла космическая техника. Ведь с орбиты корабля «Союз» за один виток можно сфотографировать площадь, на съемку которой с самолета потребуются месяцы. Правда, масштаб космической съемки будет несколько меньшим, чем с самолета. Но зато по орбитальным фотографиям можно изучать протяженные геологические структуры, исследовать земную поверхность в

«Союз-9» только что совершил мягкую посадку точно в заданном районе. Через несколько минут откроется люк, и космонавты А. Г. Николаев и В. И. Севастьянов попадут в теплые объятия встречающих.

Кадр из телефильма. ТАСС.

глобальном масштабе. В связи с этим присутствие на борту корабля космонавта-геолога крайне важно для квалифицированного отбора объектов фотографирования.

При поиске полезных ископаемых из космоса могут быть использованы как фотографии выходов на поверхность коренных пород, так и снимки растительного покрова. Так, например, залежам цинковых руд сопутствуют растения — галмейные фиалка и ярутка, залежам урановых руд — астрагал. Сейчас становится очевидной перспективность геоботанического метода для поиска таких ископаемых, как никель, кобальт, медь, хром.

Многочисленные фотографии, полученные в полете корабля «Союз-9», будут тщательно изучаться специалистами — геологами и геоботаниками. А пока можно сказать, что аналогичные съемки геологических образований, проведенные ранее Г. Т. Береговым, Г. С. Шониным и В. Н. Кубасовым, дали очень ценные результаты. Несомненно, что эти методы разведки недр Земли будут с успехом применяться при изучении многих пока еще в геологическом смысле белых пятен нашей Родины.

Пожалуй, метеорологические наблюдения из космоса стали одним из первых способов применения спутников в народном хозяйстве. Спутники «Метеор» так же прочно вошли в обиход метеорологов и так же регулярно дают информацию, как сеть наземных автоматических станций погоды: мы узнаем об облачности, покрывающей планету, о тайфунах и циклонах и т. д.

И тем не менее скорее всего одним из первых обитателей орбитальной станции станет метеоролог. Ведь только квалифицированный наблюдатель сможет оценить метеорологическую обстановку в глобальном масштабе: определить характер и плотность облачных образований, судить о состоянии ледовых полей и снежного покрова.

Но еще более важным преимуществом космонавта-метеоролога является его способность сообразно с обстановкой подробно исследовать, сфотографировать и быстро сообщать на Землю об отдельных атмосферных явлениях: развитии циклона, грозовом фронте, тайфуне или смерче на море.

Великолепные возможности наблюдения за погодой с борта космического корабля показали Николаев и Севастьянов. Так, половину рабочего времени шестнадцатого дня полета они посвятили наблюдениям Земли с целью оценки метеообстановки. По ходу полета они сообщали в Центр управления погодные условия на пролетаемой территории. Очень интересными были сообщения о постепенном переходе от ясного неба над Средней Азией к небольшой поначалу, но все сгущающейся облачности в Западной Сибири и, наконец, сформировании мощного циклона в районе Новосибирска.

В этом полете вообще много времени уделялось метеонаблюдениям. Космонавты неоднократно сообщали о фотографировании облаков, обнаружении циклонов, пылевых бурь и штормов.

Уникальный эксперимент был осуществлен с участием спутника «Метеор» и научно-исследовательского судна «Академик Ширшов». В районе Мозамбикского пролива была проведена одновременная съемка облачности с борта «Метеора», находившегося на высоте около 600 километров, с корабля «Союз-9» с высоты 210 километров и зондирование атмосферы с судна «Академик Ширшов». В руки ученых будут предоставлены ценные фактические данные, которые позволят уточнить методику расшифровки телевизионных изображений, получаемых от «Метеора», и космических фотографий, сделанных на борту «Союза-9».

Мы рассказали только о двух направлениях деятельности космонавтов Николаева и Севастьянова. Полет корабля «Союз-9» был настолько насыщен научной работой, так четок его трудовой ритм, что сегодня можно с полным основанием сказать: малая орбитальная лаборатория в космосе создана.

Геройские сердца

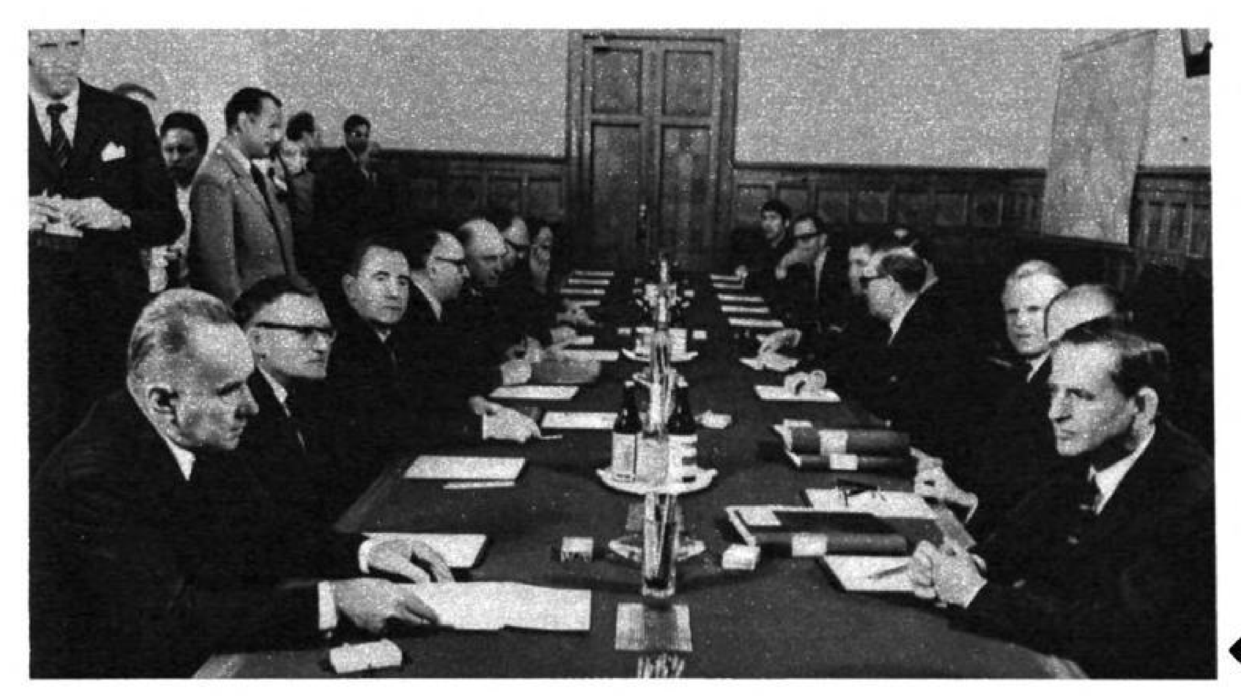
Аркадий КАНЫКИН

Огромною вспышкою света
от старта отброшена мгла.
В легенды и песни
ракета
чудесных парней повела.

И вот
над песчаной равниной,
в загадочных безднах немых
пульсируют
в шаре кабины
два сердца,
две жизни людских.

Стекают цепочкой сигналы
с антенны...
И больше сейчас
волненья и гордости стало
в душе у любого из нас.

Мы чувствуем сердце друг друга...
Помимо программы своей,
успешно решает наука
задачу
сближенья людей!

По приглашению правительства СССР с 16 по 19 июня 1970 года в Советском Союзе с официальным визитом находился Премьер-министр Швеции Улоф Пальме.

Во время визита Премьер-министр Швеции имел встречи и беседы с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным. В обстановке откровенности и взаимопонимания состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам современного международного положения и развития советско-шведского сотрудничества.

Особое внимание в ходе переговоров было уделено вопросам европейской безопасности.

«Хорошо подготовленное общеевропейское совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе с участием всех заинтересованных государств будет содействовать разрядке напряженности на европейском континенте и укреплению международного мира»,— говорится в совместном советско-шведском коммюнике.

Обе стороны выразили удовлетворение состоявшимся обменом мнениями и подчеркнули ценность поддержания регулярных личных контактов между руководящими деятелями обеих стран.

Премьер-министр Швеции Улоф Пальме передал главе Советского правительства А. Н. Косыгину приглашение посетить Швецию с официальным визитом. Приглашение было с благодарностью принято.

На снимке: во время переговоров.

Фото А. Устинова.

Новым проявлением отношений дружественного добрососедского и плодотворного сотрудничества между Советским Союзом и Пакистаном явился визит в СССР Президента Исламской Республики Пакистан генерала Ага Мохаммада Яхья Хана.

Высокий гость прибыл в нашу страну по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства.

Президент Исламской Республики Пакистан генерал Ага Мохаммад Яхья Хан нанес визиты Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному и Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину.

В Кремле 22 июня состоялись переговоры между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Президентом Исламской Республики Пакистан генералом Ага Мохаммадом Яхья Ханом.

В ходе переговоров, проходивших в теплой, дружественной обстановке, были обсуждены вопросы дальнейшего развития советско-пакистанского сотрудничества, а также состоялся откровенный обмен мнениями по ряду международных проблем.

Фото А. Устинова.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СНОВА КОНСЕРВАТОРЫ

Даниил КРАМИНОВ

Потрясение, вызванное сенсационно неожиданным исходом парламентских выборов в Англии, постепенно сменяется стремлением понять, почему лейбористы, которым предсказывали большую победу, потерпели сокрушительное поражение, а консерваторы, даже сами не верившие в возможность успеха, оказались у власти. Погода, на которую иногда сваливают неудачу на выборах, была на стороне лейбористов: по распространенному убеждению, хорошая погода содействует правящей партии, а погода в день выборов была великолепной. Газеты, поддерживающие, за редким исключением, партию крупного капитала — консерваторов и обычно выкидывающие накануне выборов самые невероятные трюки, были парализованы забастовкой печатников. Лейбористское правительство шло на выборы с казной, в которой впервые за многие годы не было зияющей дырки дефицита; наоборот, доходы превысили расходы, показав, что лейбористы могут быть более бережливыми, чем министры-капиталисты. И расположение избирателей к лейбористам было продемонстрировано в последнюю неделю перед выборами опросом общественного мнения, который дал правящей партии перевес в 12 процентов, что означало увеличение лейбористского большинства в парламенте до 140 человек.

Поражение лейбористов — они получили 287 мест в парламенте вместо 346 — и победа консерваторов — 330 мест вместо 262 — оказались не только полной неожиданностью, но и необъяснимой загадкой, вопиющим нарушением правил английской политической игры. Партия, находящаяся у власти, обычно назначает выборы в тот момент, когда внутренняя обстановка гарантирует не только сохранение, но и улучшение ее позиций в парламенте. Лейбористы, получившие на выборах в октябре 1964 года большинство в несколько голосов, воспользовались благоприятной обстановкой и провели новые выборы через год с четвертью (вместо 5 лет), обеспечив себе большинство в 97 голосов. Им казалось, что обстановка нынешней весны также благоприятна для них, и потому, не ожидая истечения срока этого парламента — весной 1971 года,— они назначили выборы, твердо веруя в свою победу. Их противники, точнее говоря, политические соперники,— консерваторы резко критиковали

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин 19 июня принял в Кремле генерального секретаря Организации Объединенных Наций У Тана, посетившего СССР с официальным визитом по приглашению Советского правительства.
Во время беседы, проходившей в теплой, дружественной обстановке, были затронуты актуальные проблемы современного международного положения, а также вопросы деятельности ООН.
Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин дал в Большом Кремлевском дворце завтрак в честь генерального секретаря ООН У Тана.
Говоря о задачах ООН, А. Н. Косыгин подчеркнул, что на предстоящей XXV сессии Генеральной Ассамблеи должна быть принята резолюция по коренному вопросу современности, выдвинутому на обсуждение ООН по инициативе Советского Союза,— об укреплении международной безопасности.
У Тан выразил согласие с тем, что вопрос об укреплении международной безопасности должен занимать видное место на предстоящей XXV сессии Генеральной Ассамблеи, как и вообще в деятельности ООН.
По поводу событий в Юго-Восточной Азии У Тан заявил, что его мнение почти полностью совпадает с позицией Советского Союза.
Генеральный секретарь ООН подчеркнул также необходимость выполнить ноябрьскую резолюцию Совета Безопасности для справедливого мирного урегулирования на Ближнем Востоке.

Фото Ю. Абрамочкина (АПН).

В Будапеште состоялось совещание министров иностранных дел социалистических государств — участников Варшавского Договора — Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, Социалистической Республики Румынии, Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республики.
Совещание было посвящено рассмотрению актуальных проблем, связанных с подготовкой общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе.

Телефото МТИ — ТАСС.

правительство за это «манипулирование властью». Они не только опасались своего поражения, но ожидали его. Провал лейбористских надежд и консервативных опасений «был,— как передавал из Лондона корреспондент «Нью-Йорк таймс» Льюис,— одним из величайших сюрпризов среди всех послевоенных выборов в западном мире».

Это тем более удивительно, что руководители и ораторы обеих партий избегали касаться на предвыборных митингах и собраниях острых и волнующих англичан вопросов внешней политики Англии — давних усилий Лондона добиться приема в «Общий рынок», политики на Ближнем и Среднем Востоке, неблаговидной роли пособника США как в Европе, так и в Азии и Африке. Некоторые газеты, начавшие выходить после удовлетворения требования печатников о повышении заработной платы, с возмущением отметили, что обе партии лишили избирателей возможности, а значит, и права высказать свое мнение о политике Англии.

Лишь более внимательное изучение итогов голосования показывает, что английские избиратели, отказавшись голосовать за лейбористов (а многие из них отказались голосовать за кого бы то ни было — почти треть избирателей не явилась на выборы), протестовали против антинародной политики правительства. Лейбористское правительство добилось улучшения позиций английских монополий на международном рынке за счет чувствительного понижения жизненного уровня широких слоев населения. Внутреннее потребление было сокращено путем постоянного и крутого взвинчивания цен на все товары. Техническая революция, оплачиваемая в значительной мере за счет средств налогоплательщика, вытеснила из промышленности и транспорта большую массу рабочих, увеличив безработицу до такого уровня, который неизвестен нынешнему поколению. Во всех северных, то есть наиболее промышленных, районах страны безработица в последние четыре года увеличилась в два с половиной раза. Половина безработных — это люди моложе сорока лет. На работающих легло бремя налогов, которого еще не знала английская история.

Недавние ожесточенные столкновения между лейбористским правительством, пытавшимся протащить через парламент антирабочие законы, в частности закон о запрещении так называемых неофициальных забастовок, и профсоюзами, несомненно, ослабили позиции лейбористской партии в стране. Претендуя на защиту «интересов всего народа», лейбористские лидеры фактически предавали интересы профсоюзов — единственной массовой опоры, которая заставляет правящие круги Англии считаться с лейбористской партией, и это не могло не вызвать разочарования правлением лейбористов.

Некоторые обозреватели склонны увидеть в исходе парламентских выборов в Англии «поправение» английских избирателей, и лидеры консервативной партии показали своими первыми шагами, что они понимают результаты голосования как мандат на проведение более активной империалистической политики. Выбор новым премьер-министром Эдвардом Хитом своего главного помощника в области внешней политики свидетельствует именно об этом.

Старый мюнхенец Алек Дуглас-Хьюм, будучи министром иностранных дел, активно поддерживал агрессивную политику США, сведя роль Англии на положение младшего и послушного партнера американского империализма. Уже объявлено, что новое правительство пересматривает отношения с Южно-Африканской Республикой, намереваясь предоставить ей оружие, поставка которого была запрещена в соответствии с решением Совета Безопасности ООН. В Лондоне также открыто говорят о возможности изменения политики в отношении расистского режима в Родезии и португальских колонизаторов. Консерваторы, как предсказывают английские газеты, намерены подать и тем и другим руку помощи. По уверениям газет, предстоит также пересмотр английской политики в Азии: новое правительство намерено сохранить английское военное присутствие к востоку от Суэца, то есть силой удерживать позиции, которые английский империализм занимал в этом районе и которые лейбористы решили оставить, потому что, как говорят, амбиции не соответствовали амуниции — финансовое бремя было для Англии непосильным.

Пока трудно предсказать, какой будет политика нового консервативного правительства Англии внутри страны и особенно за ее пределами. Политика, как известно, определяется возможностями страны, а возможности Англии — экономические, военные, политические — невелики, и их перенапряжение может оказаться опасным, а прислужничество перед Вашингтоном не приносило Лондону ни особой славы, ни укрепления международного авторитета.

Закончился 4-й Международный конкурс имени П. И. Чайковского. Четвертый раз Москва становится ареной соревнований молодых талантов. Самые разнообразные точки зрения, вкусы, привязанности сталкиваются в оценке игры исполнителей. И это вполне закономерно, потому как не было и не будет точных, абсолютных мерок, приложимых к произведениям искусства, исполнительскому мастерству, художественности, талантливости.

Каковы же должны быть индивидуальные качества музыканта-исполнителя, чтобы подняться **над** привычным прочтением произведения, дать новое, свое, чтобы тысячи раз слышанное зазвучало, как впервые... И это свое собственное прочтение, открытие, должно быть убедительным, то есть органичным, без нарушений мудрых традиций прекрасного исполнительского искусства.

Есть таинственное, не поддающееся точному анализу состояние, которое актеры, исполнители называют контактом с залом. Тот самый прекрасный, самый счастливый момент, ради которого и затрачивается столько труда, сил, здоровья. Тот момент, когда исполнитель на эстраде ощущает полное свое всевластие, полную и бескорыстнейшую отдачу всего себя тем, кто сидит в зале; тот момент, когда между залом и артистом возникает самое высокое, самое полное доверие, раскрывающее всю глубину духовных человеческих возможностей.

Вызвать эти благороднейшие возможности способно только искусство. Но даже завоевав, подчинив себе зал, слушателей, артист никогда не может быть спокоен, удовлетворен своей победой, ибо при всей своей кажущейся покорности они, слушатели, не теряют того настороженного, критического чутья к неправде, к неточности, которая может мгновенно разрушить обаяние таланта, победителя. И потому зал всегда судья. Но специфика конкурса в том, что, кроме извечного этого судьи, между залом и исполнителем за длинным столом, покрытым зеленым сукном, сидит жюри — еще более взыскательные судьи. Избранники. Каждый из них постиг таинство исполнительского мастерства, коварство эстрады и сложность судьбы артиста. И вот если зал, уверенный в законном на то своем праве, принимает или не принимает то или иное исполнение, если зал как целостный и многосложный организм нельзя упрекнуть в пристрастии, так как пристрастие его всегда объективно, то в жюри каждый его член — судья, наделенный самыми ответственными полномочиями, самостоятельный и обособленный,— имеет поддержку только в собственной художнической совести; и беспристрастие его гораздо более сложно, чем у зала. Он обязан понять, объяснить себе то, что часто бывает ему противоположно всей системой мышления, всей сутью привычного и принимаемого.

Победители названы

Надежда **КОЖЕВНИКОВА**

В этом сказывается известная сложность конкурсных оценок. И это — основное, чем знаменательна вся атмосфера конкурса — ответственностью. Ответственностью не только жюри, не только исполнителей, но и самих слушателей, сидящих в зале с утра до вечера, наскоро глотающих бутерброды в буфете и спешно обменивающихся впечатлениями. Конкурс — испытание для всех. И обстановка его деловая, серьезная. Даже орган в Большом зале Консерватории словно выглядит будничней, и буднично непривычен бледный свет в высоких окнах зала, за которыми обычное московское утро.

Но самое важное в конкурсе — открытие таланта. И именно ожидание этого открытия делает атмосферу конкурса такой радостной, такой серьезной. На эстраду Большого зала Консерватории выходит юный исполнитель. Все участники конкурса примерно равны по возрасту, все они молоды, но Аркадий Севидов своей особенной юношеской строгостью и некоторой неловкостью, еще даже не начав играть, заставил приглядеться к себе, заронил в слушателях надежду на радость открытия нового таланта. Итак, «Думка» Чайковского. Каждое «слово» «Думки», каждая ее нота сосредоточенны и неспешны, требуют от «собеседника» той же доверчивости и искренности, с которой сама обращается к нему. Для откровения, что-

---

Бразильцы танцуют самбу

Радости бразильских болельщиков нет предела. Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, Ресифи и Бразилиа танцуют самбу в честь футбольной команды, в третий раз завоевавшей титул чемпиона мира. Бразильские игроки остались без футболок и мячей, которые поклонники команды растащили как сувениры. Теперь эти футболки продаются на черном рынке за большие деньги. Майка Пеле стоит столько же, сколько новый автомобиль. Выиграв в третий раз титул чемпионов мира, бразильцы добились права, чтобы богиня Нике навечно поселилась в их стране. Финальный матч команда Пеле выиграла у сборной Италии со счетом **4 : 1**. Сам Пеле забил в матче свой 1 028-й гол. 6 встреч провели бразильцы и все 6 выиграли. В их активе 19 забитых мячей, а пропущено всего лишь 7.

На чемпионате в Мексике было сыграно несколько красивых матчей, которые мировая спортивная

Победитель конкурса виолончелистов Д. Герингас (в центре).

Фото С. Хенкина.

Проникновенно звучал Чайковский у Гидона Кремера.

бы оно не стало назойливым, необходимо найти верный тон, необходимо быть бережным и тактичным, только тогда оно оправданно. Аркадий Севидов сумел быть откровенным в своем исполнении «Думки» Чайковского, сумел постичь ее мудрость, и слушатели поверили ему. А си-минорная соната Листа требует от музыканта уже совсем иных качеств, иная истина там постигается. Фауст и Мефистофель — вот два образа, на которых строится эта музыка, образы, проходящие через целые поколения мыслителей, писателей, художников. Трагичность музыки си-минорной сонаты, бездны, открывающиеся заблудшей душе, вечная борьба добра и зла — все это требует не поверхностного упоминания, а детального, кропотливого разбора. Но в прочтении этого произведения Аркадием Севидовым мы услышали коварство, строгую торжественность первой, мефистофельской темы, ее губительную вкрадчивость, искушение, смятенность человеческого сознания, услышали высокое, светлое звучание хорала, мы стали соучастниками этой драмы—борения добра и зла в человеческой душе.

Конкурс открывает нам новые таланты, дает прогнозы на будущее. Его прогнозы, как и все остальные, могут сбыться и не сбыться, но вера в появление нового незаурядного музыканта имеет немалые основания, и можно рассчитывать, что надежды наши сбудутся.

Англичанину Джону Лиллу двадцать шесть лет. Но зрелость таланта определяется не возрастом. Исполнение этого пианиста отличается особенным, внутренним темпераментом, он осмысливает произведение со всем тщанием мастера, с бережной объективностью уже сложившейся зрелой индивидуальности. Масштабность, разносторонность Джона Лилла определяется именно этими его качествами. Он способен проникнуть в глубину духовного мира разных композиторов именно потому, что сам обладает собственным духовным миром.

Артур Морейра-Лима (Бразилия) — пианист совсем иного типа. Артистизм его выражается не только в счастливом умении захватить зал, но и в самом отношении к исполняемому произведению. Его игра не только свободна, раскованна, в ней ощущается еще некоторая импровизационность, но строго вымеренная музыкантским тактом. Этот такт особенно необходим в исполнении классики. Соната Моцарта у Виктории Постниковой прозвучала с тем самым чувством меры, от которой так легко отклониться и которая отнюдь не лишает пианиста радости раскрытия себя в музыке...

Из всего богатства дарований на конкурсе должен быть выбран первый, достойнейший. Нет нужды объяснять, как трудно оторваться от соперников и выйти победителем,— ведь не существует точной финишной черты! А как трудно судить о победе, как трудно определить дистанцию, на которую кто-то опережает остальных! И все-таки победители названы...

* * *

Владимир Крайнев — музыкант, обладающий всем тем, что необходимо для достижения высших задач исполнительского мастерства. Он разделил первое место среди пианистов с Джоном Лиллом (Англия).

Среди виолончелистов победителями стали Давид Герингас (СССР)—первая премия, Виктория Яглинг (СССР) — вторая премия и Ко Ивасаки (Япония) — третья премия.

У скрипачей звание лауреатов получили Гидон Кремер (СССР) — первая премия, Владимир Спиваков (СССР) и Маюми Фудзикава (Япония) — вторые премии.

У вокалистов первые премии — Елена Образцова, Тамара Синявская, Евгений Нестеренко, Николай Огренич (все — СССР).

Победители конкурса названы, еще много испытаний предстоит им на трудном пути артиста, но слушатели встретятся с ними уже не в конкурсной обстановке.

ПАМЯТИ ДРУГА

Трудно поверить, что это горячее, мужественное сердце могло остановиться. Мы слишком привыкли к его боевой неутомимости, к его постоянному звучанию. Мы выверяли по его сердцу свои сердца. И когда наши сердца бились в унисон с его сердцем, мы никогда не ошибались в своем труде, в своей борьбе, в выборе друзей. Таким замечательным дружбообильным сердцем обладал наш друг—замечательный писатель, выдающийся певец советской детворы Лев Абрамович Кассиль.

Если представить на мгновение, что с полок библиотек исчезли книги Льва Кассиля, какой ущерб был бы нанесен советской литературе, делу воспитания патриотизма, новому, вступающему в жизнь поколению строителей будущего. Какого огромного заряда лишились бы наши дети. Но книжки Кассиля остаются в строю. И сам он, как боец, совершивший подвиг, навечно зачислен в списки нашего литературного полка. И много-много лет еще на вечерней поверке будет звучать его имя. И мы, его товарищи по оружию, будем отвечать: «Всю жизнь он отдал Родине, ее детям и умер на боевом посту!»

С именем Кассиля связана вся замечательная история советской детской литературы. Он был у истоков создания Союза писателей. Он жил в окружении прекрасных друзей — Маяковского, Маршака, Чуковского... Создавая прекрасные книжки для детей, он уделял огромное внимание воспитанию литературной смены. Сколько раз пустовал его рабочий стол, потому что в это время он помогал молодым писателям делать первые шаги в литературе. Сколькими вдохновенными часами пожертвовал ради вдохновения товарищей. Детские писатели моего поколения в той или иной мере все были учениками Льва Кассиля.

Лев Абрамович Кассиль был и детским писателем, и военным корреспондентом, и драматургом, и публицистом, и педагогом, и общественным деятелем. Но во всей своей многогранной деятельности он был всегда самим собой — человеком добрым и принципиальным, по-юношески влюбленным в свою Родину и в ее детей.

И еще он любил футбол страстной, многолетней любовью. Он бывал на лучших матчах века и на состязаниях дворовых мальчишеских команд. И, по иронии судьбы, его сердце остановилось как раз в тот момент, когда шел матч, приковавший к себе внимание миллионов людей. Лев Абрамович Кассиль был вратарем республики советских детей. Мужественно защищал эти дорогие ворота от незаслуженных обид, от пошлости, от лицемерия и неискренности. Оберегая ребячьи сердца, он не сумел уберечь свое сердце. Он дружил с детьми всерьез. И эта дружба не умрет.

Юрий ЯКОВЛЕВ

печать единодушно отнесла к разряду «футбольных спектаклей». Эти встречи удались прежде всего потому, что команды играли в открытый атакующий футбол и заботились не о завоевании победы любой ценой, а о демонстрации своего мастерства. И наоборот, команды старались избегать сугубо оборонительной тактики — будь то «бетон», «замок» или «глухая стена». Примечательна в этом отношении тактика, избранная итальянской командой. В групповом турнире она действовала в оборонительном плане, вследствие чего в каждом матче была на шаг и от победы и от поражения. Всего один мяч был забит итальянцами в трех встречах. И совсем иной, атакующий футбол продемонстрировала сборная Италии в четвертьфинальном и полуфинальном матчах, что и позволило ей дойти до финала.

Четыре первых места заняли команды Бразилии, Италии, ФРГ и Уругвая, а нашим футболистам досталось в итоговой турнирной таблице всего лишь пятое место. Это на ступеньку ниже, чем на прошлом чемпионате в Англии. Результат сам по себе, может, и неплох, но вот игра наших футболистов не может принести удовлетворения. Это прежде всего относится к результативности игроков. Лишь в матче с бельгийцами наши нападающие и полузащитники действовали агрессивно и забили 4 мяча, а во встречах с мексиканцами и уругвайцами так и не распечатали ворот противников.

В Мексике важное значение имела физическая подготовка спортсменов. Ведь некоторые матчи проводились при температуре + 35—38 градусов. Но для чего организаторы чемпионата назначали встречи на самые знойные часы? Почему матчи в воскресные дни начинались в полдень, когда невыносимо пекло солнце? Это, несомненно, сказалось на действиях футболистов, особенно из европейских стран. А сколько огорчений и спортсменам и зрителям доставило нечеткое судейство! Сколько раз мы были свидетелями грубых ошибок арбитров! Очевидно, в будущем ФИФА следует более тщательно учитывать все детали, касающиеся проведения матчей. Но это все уже вопросы следующего чемпионата, который состоится через четыре года. А пока бразильцы еще раз доказали, что являются сильнейшей командой мира. Да, они по праву получили в вечное пользование золотую богиню Нике.

Лучшие футбольные команды мира с 1974 года будут разыгрывать новый почетный трофей — кубок ФИФА.

В. ГАВРИЛИН

Мехико — Москва.

На снимке: чемпионы мира 1970 года — футболисты Бразилии.
Фото ЮПИ.

Сибирские находки

Академик

А. П. ОКЛАДНИКОВ

отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Ванды БЕЛЕЦКОЙ.

Фото Г. КОПОСОВА.

Возраст этих вещей — двести лет... тысяча... пять тысяч... наконец, двести тысяч лет!

Академик Окладников бережно раскладывает передо мной колоссальное богатство, которому позавидовал бы любой музей мира: и Лувр, и сокровищница Ватикана, и знаменитый Британский музей.

Вся жизнь Алексея Павловича Окладникова связана с Сибирью. Его детство прошло на верхней Лене, в деревне Константиновке, студенческие годы — в Иркутске. По Сибири и Дальнему Востоку пролегли тропы его экспедиций. И хотя потом, став известным ученым, он жил и работал в Ленинграде, Сибирь по-прежнему оставалась предметом его исследований. И вполне закономерно, что, когда под Новосибирском создавался комплексный научный центр, академик М. А. Лаврентьев приглашает Окладникова руководить сначала сектором, а с осени 1966 года — Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР. Трудами А. П. Окладникова и его института создана пятитомная «История Сибири», включающая ее прошлое и настоящее.

Я рассматриваю недавние находки, каждую из которых ученые считают настоящей сенсацией.

Где и в каких экспедициях они собраны! Какой художник начертал странный лик на древнем сосуде! Кто эта женщина, чья фигура вылеплена из желтоватой глины! Кто владел этими стрелами! Когда и почему были созданы каменные звери! О чем рассказывают, с чем спорят, что подтверждают эти археологические памятники!

Я расспрашиваю Алексея Павловича Окладникова об истории Сибири и Дальнего Востока, о деле всей его жизни, и он начинает рассказывать...

КОНДОНСКАЯ НЕФЕРТИТИ

— В жизни археолога бывают случаи, когда совершенно разные, найденные далеко друг от друга предметы вдруг соединяются сначала тоненькой, едва намечающейся, а потом прочной нитью, и постепенно раскрывается тайна их возникновения.

Личина с древнего сосуда, петроглифы на камнях Сакачи-Аляна и глиняная скульптура женщины, которую мы откопали в Кондоне и за ее изящество и очарование назвали кондонской Нефертити... На первый взгляд эти три памятника ничто не связывает. А на самом деле...

...Тысяча девятьсот тридцать пятый год. Моя первая экспедиция на Амур. Скалистый берег вблизи нанайского села Сакачи-Алян. Огромная базальтовая глыба, выступающая из воды,— черная, изъеденная временем. Но даже неумолимая рука времени не стерла с камня изображение подводного страшилища — по древним нанайским преданиям, властителя Амура. Рядом на камнях высечены другие рисунки.

Какой художник и когда их создал? Определить это тогда было не так-то просто. На петроглифах нет предметов, относящихся к конкретным культурам прошлого. «Вот если бы раскопать изделия людей, которые тут жили»,— подумалось мне тогда.

Ответ пришел совсем недавно, спустя больше трех десятков лет после моей первой поездки в Сакачи-Алян. Наша экспедиция опять работала на Амуре, близ села Воскресенского. Стояло начало сентября, я помню, что в тот день с утра заморосил мелкий дождик.

Редко бывает, чтобы счастье так сопутствовало археологам. Мы раскопали много древних каменных орудий, хорошо зашлифованный топор, наконечники стрел, ножи, скребки, копья...

И вдруг раздался радостный возглас научного сотрудника Анатолия Деревянко. Он держал в руках ярко-малиновый черепок с каким-то непонятным орнаментом.

На следующий день, вооружившись лопатами и ножами, мы аккуратно, слой за слоем, расчищали это место, извлекая каменные орудия и осколки таких же красных лакированных черепков.

Днем мы работали на раскопе, а вечерами колдовали над черепками, складывая их то так, то эдак, и однажды из осколков сложился кусок сосуда с удивительными личинами.

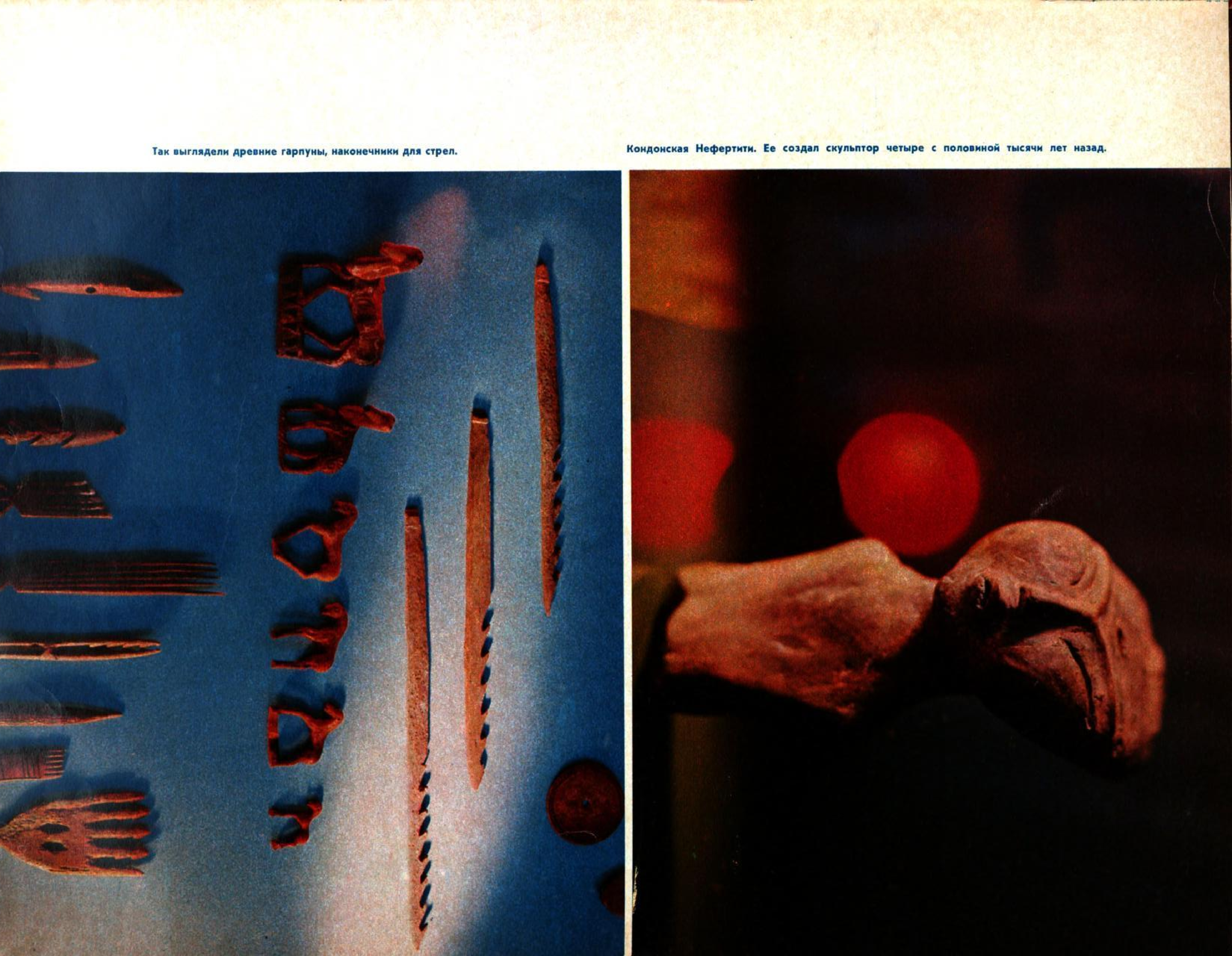
По-видимому, сосуд был ритуального назначения, вполне возможно, что на нем изображено какое-то божество. Поэтому оно странное, с медвежьими лапами, непохожее на людей. Вокруг — орнамент из кружков, спиралей, волнистых линий. Эти рисунки по технике выполнения, по художественной манере напомнили мне «властителя Амура» из Сакачи-Аляна. Изображения на сосуде не копировали одно другое, каждое имело свой собственный индивидуальный облик, как и петроглифы на Сакачи-Аляне. Там и тут был одинаковый орнамент, напоминавший современный национальный орнамент нанайцев и ульчей.

Рядом с осколками сосуда мы раскопали орудия и древние жилища людей.

Однако это еще не было концом поисков. Нам удалось протянуть ниточку от Сакачи-Аляна еще дальше. Мы вели тогда раскопки у нанайского села Кондон, в ста двадцати километрах от Хабаровска. И вот там-то мы и нашли фигурку женщины, кондонскую Нефертити. Помню, всех поразило ее удивительное сходство с нанайской девушкой, помогавшей нам при раскопках. Там же рядом были откопаны орудия труда, домашняя утварь, похожие на те, что мы уже знали.

Совершенно четко угадывалось, что женская скульптура — конкретный портрет реального человека. Так вот как выглядел народ, создавший сакачи-алянские петроглифы, эту древнюю культуру!

Кондонскую Нефертити, а также и другие находки подвергли радиоуглеродному анализу, позволяющему установить время их появления на свет. Ответ был ошеломляющим. Их делали около четырех с половиной тысяч лет

Так выглядели древние гарпуны, наконечники для стрел.

Кондонская Нефертити. Ее создал скульптор четыре с половиной тысячи лет назад.

назад? Это меняло обычные представления археологов. Ведь самые древние находки на Амуре относились к восьмому веку нашей эры. А тут четыре с половиной тысячи лет назад. Вот с каких седых времен ведут свою родословную современные нанайцы и ульчи, исконные жители Амура!

Так три разных археологических памятника объединились в единое целое и помогли сказать новое слово в исторической науке, раскрыли перед всем миром богатую материальную и духовную культуру древнейших обитателей Дальнего Востока, предков нанайцев и ульчей, которые и сейчас живут на этой земле.

Кондонская Нефертити, несмотря на то, что была найдена сравнительно недавно, уже приобрела популярность на Всемирной выставке в Японии, а вот женскую личину на глиняном сосуде еще мало кто видел. «Огонек» впервые так широко показывает ее миру.

О ЧЕРНОЙ ОСПЕ, БЕЗЛЮДНОМ ГОРОДЕ И ДРЕВНЕМ ЗАПОЛЯРЬЕ

О Мангазее — древнем северном городе на краю света — знают теперь почти все. А вот чем примечателен Зашиверск, где ведет раскопки экспедиция вашего института? Что искали и что нашли тут археологи?

— Сколько раз спрашивали нас: меня, профессоров И. В. Маковецкого и Е. А. Ащепкова, знатоков деревянной архитектуры, и других участников экспедиции,— где, на какой карте значится Зашиверск. Спрашивали в Новосибирске, Братске, Якутске, в Зырянке, на Колыме—словом, везде, где останавливался наш самолет. И, наконец, даже на Индигирке, совсем рядом с Зашиверском, можно было по пальцам сосчитать людей, которые знали этот город. Причины его таинственности не только в том, что он давно исчез и стал достоянием истории, но и в страхе, который до сих пор живет в легендах, рассказывающих о его гибели.

Когда-то у стен казачьей крепости Зашиверска устраивались многолюдные ярмарки, на которые с драгоценной пушниной собирались люди со всей тайги и тундры. А навстречу им из ворот крепости выходили купцы с разноцветным ярким бисером, железными изделиями. И вот однажды на такой ярмарке появился богато окованный сундук с драгоценными украшениями, яркими тканями. Товары мгновенно расхватали.

А наутро пришла в город черная оспа...

Таким, согласно легенде, был конец некогда известного на все Заполярье города.

Находки экспедиций академика А. П. Окладникова чрезвычайно разнообразны: знаменитая личина на сосуде, обнаруженная археологами на берегу Амура (конец третьего тысячелетия до н. э.); фигурки животных из детского могильника на Алтае; древнерусская книга XVII века; нанайские бурханы — деревянные божки, которые, по преданиям, охраняли владельца от всяких недугов.

Если конец Зашиверска нашел отражение в тунгусских легендах, то начало его теряется в скудных письменных документах. Он изображен в знаменитой Чертежной книге Семена Ремезова, созданной на рубеже московской и петровской Руси. Из этого города шли к берегам Ледовитого океана не только отряды служилых людей, но и рудознатцы. Через Зашиверск проходила сухопутная дорога, соединяющая Якутск с Колымой, и, наконец, здесь находился самый северный в Сибири очаг земледелия. Об этом сообщает Ф. П. Врангель.

И вот мы начали раскопки на берегу пенной порожистой Индигирки. Кто копал в Заполярье, знает, как это нелегко. И главный враг тут не столько комары и гнус, которые тоже ухитряются сделать жизнь человека просто невыносимой, а вечная мерзлота, твердая, как гранит, почва.

Вы спрашиваете, что мы раскопали в Зашиверске?

Прежде всего острог, который, судя по рисункам, исчез еще в XVII веке. Под бревнами лежал тонкий слой угля и пепла. Не от того ли они времени, когда ламуты осаждали крепость? Выше шел слой ила. Значит, Индигирка во время разлива затопляла Зашиверск, оставляя лишь самую высокую площадку с церковью.

Затем последовало время расцвета Зашиверска. Оборонительные стены исчезли, в них отпала нужда. На месте стены мы нашли мастерскую костореза. Поперечные срезы с гигантского бивня мамонта, гладко отшлифованные плашки свидетельствовали о большом размахе производства изделий из мамонтовой кости. Откопали мы сами изделия — в том числе фигурку, которую назвали «юкагирским богом» за ее сходство с деревянными и костяными идолами таежных племен. С «юкагирским богом» перекликались типично ламутские и юкагирские скребки для выделки шкур. Нашли мы и украшения: белые и голубые бусы, тот самый стеклянный «одекуй», о бойкой торговле которым с северными племенами писали служилые люди, тяжелые монеты — свидетели того, что дела мастерской шли неплохо. Но особенную радость доставила нам находка шахматной фигурки из мамонтовой кости, украшенной тончайшей резьбой, собрат шахмат в коллекциях из Мангазеи.

Все это раскрывало черты жизни древнего Зашиверска, того культурного синтеза, который возник в Сибири в результате взаимодействия русской культуры и местной северной.

Раскопки в Зашиверске только начались (то, что я рассказываю вам, еще не публиковалось в научных журналах). Но я не могу не поделиться своими тревогами. То, что мы увидели, приехав в древний Зашиверск, до сих пор наполняет меня ужасом. Стены старинной церкви оказались исписаны отнюдь не древними надписями, из потолка трапезной вырваны доски, расколоты на полу, и на печи разложен из них свежий костер. А ведь достаточно искры, чтобы все здание вспыхнуло, как смолистый факел! Я убежден, и мои коллеги полностью поддержат меня: необходимо организовать в Сибири музей под открытым небом и перевести туда этот замечательный памятник древнерусской культуры, свидетеля героической истории освоения Севера нашими землепроходцами, где ему не будет угрожать ни стихия, ни невежество.

ВОИНЫ ИЗ ПЛЕМЕНИ МОХЭ

На слое ваты покоится кинжал в бронзовых позолоченных ножнах. Прямой, узкий, типа короткого палаша клинок. Богато украшенная рукоять, покрытая мелкими зелеными камешками, будто сделанная из крокодиловой кожи. А рядом — поющие наконечники для стрел, стремена, фрагменты уздечки, богатые позолоченные украшения, золотые массивные серьги.

Как появились тут эти предметы? Кто носил кинжал? Кому принадлежали богатые украшения?

— Чтобы ответить на ваши вопросы, придется нам из Заполярья опять вернуться на берега Амура, а из XVII века — снова в несравненно более глубокую древность.

Некогда жило на берегах Амура и в Зейской долине воинственное племя мохэ. До самого последнего времени археологические данные о нем были очень скупы.

Из летописей известно, что это племя поразило своей храбростью китайского императора. В летописи сказано, что его охватил ужас, когда явившиеся ко двору как равные к равному мохэские послы начали по обычаю своего народа воинственный танец, который скорее «напоминал вид сражения». Уже потом мохэсцы не раз одерживали военные победы над китайцами, их поющие стрелы вселяли ужас в китайские войска. Когда могущество Танской династии в Китае достигло апогея, император начал опустошительную войну против своего соседа — древнекорейского государства Когурё. На помощь когурёсцам пришли с севера мохэ.

«В каждом сражении,— рассказывает летописец,— мохэсцы обычно находились впереди». Император запомнил это: плененных корейцев он отпустил на волю, а три тысячи пленных мохэских воинов живыми закопал в землю.

Мохэские племена оказались у самой Китайской стены и стали на передней линии обороны против агрессии танских феодалов и прочно держали эту линию.

И вот в 1968 и 1969 годах экспедиция нашего института раскопала целое мохэское городище и нашла массу домашней утвари. Это было укрепленное убежище, своего рода цитадель. Она была обнесена когда-то мощными укреплениями, от которых еще сохранились заросшие лесом высокие валы и глубокие рвы, вплотную примыкающие к обширному поселению с полуподземными жилищами. Мы нашли предметы обихода, мохэскую керамику с характерным карнизом под венчиком и нередко покрытую шахматным тиснением. А на скалах рядом с цитаделью были высечены фигуры всадников с луками и стрелами и другие изображения, судя по всему, оставленные жившими в этом поселении мохэсцами. В рисунках отражены черты их повседневного быта, занятие скотоводством, разведение лошадей, их одежда, верования, их воинственный характер.

Об этом же говорят и раскопки Троицкого могильника на реке Белой, близ Благовещенска. Все вещи, которые вы тут видите: и кинжал, и наконечники стрел, и украшения,— относятся примерно к VI веку. Сейчас они изучаются и описываются специалистами и скоро займут свое почетное место на выставке работ нашего института.

САМАЯ ЦЕННАЯ НАХОДКА

Среди искусно отделанных украшений, ножей и статуэток грубо выделяются желтовато-бурые камни с едва намеченными следами обработки.

Как попали они в коллекцию? И почему так бережно хранятся?

— Эти камни — наша самая ценная недавняя находка, они дороже золота, дороже драгоценных металлов. Я бы сказал, что они делают революцию в археологии Сибири. Сто, а может быть, и двести тысяч лет назад древний человек держал в руках это скребло, работал этим каменным рубилом. Двести тысяч лет назад!

Мне самому, пока тщательно все не было проверено, это казалось невероятным.

Осенью мы копали на реке Улалинке, недалеко от Горно-Алтайска. Нашему институту помогали будущие историки и археологи — студенты Барнаульского педагогического института вместе со своим преподавателем Алексеем Павловичем Уманским. И вот нам удалось раскопать древнейшую стоянку человека в Сибири.

В определении времени слоев, где были найдены орудия, принимали участие геологи. Я бы сказал, что выводы их были решающими.

В общей массе находок преобладают грубо расколотые гальки кварцита, служившего материалом для орудий первобытного человека. Гальку расщепляли как бы одним ударом, направленным вдоль ее длинной оси. В ряде случаев заготовки имеют плоскости сколов не только с одной стороны, но и с обеих. Интересно, что древние обитатели Улалинки расщепляли гальку таким способом: камень сначала накаливали, а затем бросали в воду, чтобы он потрескался. Так же расщепляли камень древние люди на Алдане, индейцы Северной Америки и австралийские аборигены.

Найденные экспедицией изделия на Улалинке—это прежде всего рубящие орудия. Один конец оставлен без обработки, он удобно умещается в руке. Противоположный конец представляет собой рабочее лезвие. На нем видны следы обработки двумя этапами. Нашли мы изделия типа скребел. Интересно, что на них видна дополнительная подправка вдоль края лезвия.

О чем говорят эти раскопки? О том, что Алтай был одним из древнейших центров расселения человека на Север и Восток Азии, что там существовал на протяжении десятков и сотен тысячелетий очаг древнейшей культуры. Мы надеемся, что будущие находки принесут еще немало ценного, в том числе кости ископаемых животных. Но и сейчас улалинские раскопки мы считаем самыми важными из наших последних работ. Они помогают сделать совершенно новые исторические выводы, изменяют казавшиеся незыблемыми представления о времени появления древнего человека в Сибири.

ТАТАРСКОЙ АССР — 50 ЛЕТ

БУДЕТ РАСТИ

Марат ЦЕБОЕВ

История любого народа складывается из великих и малых событий. Из них же складываются человеческие судьбы. Есть люди, биографии которых настолько типичны, что выходят за рамки жизни одного человека, они сливаются с историей народа, страны.

На кафедру философии Казанского государственного университета имени В. И. Ленина пришло письмо из колхоза. Получил письмо заведующий кафедрой, доктор философских наук профессор Мансур Ибрагимович Абдрахманов. «Организованный Вами колхоз «Усяр» отмечает свой юбилей. Вас и Вашу жену Зайнаб Махмудовну как ветеранов колхоза приглашаем принять участие в этом торжестве. Парторг колхоза К. Ахметшин, председатель колхоза И. Батыршин».

К письму мы еще вернемся, а пока немного об истории республики или о биографии Абдрахманова.

1914 год. Империалистическая война. Отец маленького Мансура ушел на фронт. Он не вернулся, как тысячи других.

1918 год. Гражданская война. Мансур учится в татарском медресе. А мать, Рабига Хусаиновна, днями и ночами шьет рубашки для бойцов Красной Армии.

1920 год. На заседании Совета Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина была создана специальная комиссия по разработке конкретных мероприятий, связанных с образованием Татарской АССР. Обстановка в Поволжье тяжелая. Голод.

— Хорошо помню то время,— говорит Мансур Ибрагимович.— Питались лебедой и желудями. Собирали крапиву и липовые листья, сушили их, растирали — получалась мука. Из нее пекли лепешки. Мать умерла от голода... Я беспризорничал. Но жизнь уже налаживалась. Я стал учиться.

В 20-е годы Мансур Ибрагимович учится в школе и работает бетонщиком на строительстве мехового комбината. Школу окончил и по путевке комсомола на год поехал в деревню Ново-Ибрайкино. Сельский учитель, «культармеец». В той же школе работает Зайнаб. Кто такая? Преподаватель татарского языка. Очень симпатичная девушка. Помните, в письме из колхоза, пришедшем на кафедру философии, тоже упоминалось имя Зайнаб — Зайнаб Махмудовна, жена Абдрахманова.

В комсомольской путевке срок был указан точный — год: дескать, наладил дело и поезжай домой или в институт иди учиться. Абдрахмановы не уехали через год. Я спросил, почему.

— Да, путевка кончилась, но мы, Гариф, Нургали, Абдулла Батыршины и другие бедняки, были одержимы тогда одной идеей — создать в Ново-Ибрайкине колхоз. Грамотных людей не хватало. Я был секретарем комсомольской ячейки и первым внес пай в семенной фонд будущего колхоза. Три пуда зерна. Сначала в колхоз вошло всего шестнадцать хозяйств. Кажется, будто совсем недавно это было, а посмотришь сегодня на село — светлые большие дома, покрытые шифером, частокол телевизионных антенн, магазины...

У Мансура Ибрагимовича сохранился старый блокнот. На нем вытиснено: «Делегату Всетатарского съезда ударников социалистических полей. Май. 1933 год». Вот несколько выписок из блокнота: «Классовая борьба. От рук кулаков погибли первые вожаки колхозного строя Федор Беркутов, Шарифулла Хаммиддулин, комсомолка Фатима Газизова, Филипп Пушкарев...»

«В Татарии успешно претворяется в жизнь ленинский кооперативный план».

«10 лобогреек, 10 молотилок, 2 жатки, 30 лошадей...»

В 1935 году колхоз «Усяр» приобрел первую грузовую автомашину и сейчас в хозяйстве десятки мощных тракторов и комбайнов.

Название колхоза «Усяр» символично. Оно означает по-русски «будет расти». А история этого имени такова. 1931 год. Тогда колхозу грозил развал. Люди, поддавшиеся кулацкой агитации, оставляли колхоз. «Чахнет твое детище»,— говорили они М. И. Абдрахманову. «Нет,— отвечал он,— будет расти». Не прошло и полугода, как колхоз действительно начал расти. Очень стремительно. Так и назвали колхоз — «Усяр».

Мансур Ибрагимович рано научился читать. Когда-то у него была единственная книга — сказки Габдуллы Тукая. Ее он знал чуть ли не наизусть. Теперь в его кабинете во всю стену книжные полки. Видимо, не один год пополнялась эта обширная библиотека. И первые книги большой библиотеки

ЧУВАШСКОЙ АССР — 50 ЛЕТ

ЧИСТЫЕ КЛЮЧИ

Борис СМИРНОВ

В деревне спать ложатся рано. В десять часов вечера все затихло, только уличный репродуктор сообщал последние известия. И вдруг... Знакомые позывные, торжественный голос диктора. Советский космический корабль на орбите! А один из двух космонавтов, Андриян Григорьевич Николаев, родился здесь, в чувашской деревне Шоршелы...

Дверь в доме Николаевых распахнута настежь. В небольшой комнатке несколько человек сидят на лавке, слушают, как директор шоршельской школы диктует по телефону текст телеграммы матери космонавта. Анна Алексеевна сейчас в санатории. Еще одна телеграмма — Валентине Николаевой-Терешковой. Долго еще в доме Николаевых горит свет и идут разговоры о том, что второй раз лететь в космос, пожалуй, чуть легче, чем в первый. Вспоминают, что творилось в деревне восемь лет назад, когда Андриян полетел впервые. А об этом полете говорят, что он будет подарком к празднику — к пятидесятилетию Чувашии.

Утром парторг колхоза Петр Демидович Демидов взял текст телеграмм и сообщений ТАСС и поехал по бригадам проводить летучие митинги: весь народ в полях, самый разгар посадки картофеля. Я поехал вместе с парторгом. Обратно возвращался уже в полдень, на колхозной телеге. Обгоняя нас, по шоссе одна за другой мчались в Шоршелы «Волги» и «газики»-вездеходы.

Возница — человек пожилой, слегка сгорбленный, с загорелым морщинистым лицом — казался неразговорчивым. Я вспомнил, что в бригаде его называли Николаевым. Может, родственник? Спросил.

— Нет, однофамилец,—отозвался он.— У нас много Николаевых. Чувашские фамилии часто давались по имени отца.

Телега медленно проезжала мимо ставшего знаменитым дома Николаевых. У забора, рядом с разноцветными «Волгами», сновали деревенские ребятишки. Когда-то, лет тридцать назад, здесь вот так же бегал маленький Андрейка Николаев. А в эту минуту он, наверное, смотрит на Землю из кабины космического корабля... И мне вдруг представилась вся несоизмеримость вот этой, такой обычной деревни, проселочной дороги — и стартовой площадки космодрома.

...Мы говорили о прошлом Шоршел, сидя с Василием Николаевичем Николаевым на толстом старом бревне, что лежит у околицы. Деревня обрывается на склоне крутой заросшей горы, а внизу, под горой, раскинулась широкая луговая долина реки Цивиль. Из горы выбиваются тонкие ручейки родников и сбегают к реке. Название деревни Шоршелы так и переводится на русский язык — «Чистые ключи». Такими же чистыми ручейками стекаются судьбы людей, образуя короткую, но очень емкую историю Шоршел. Может быть, все это звучит не в меру романтично? Не знаю. Но ведь именно последние пятьдесят лет истории привели старую деревню к сегодняшней ее космической славе! А в историю вместе с громкой биографией Андрияна Николаева вплетается судьба Василия Николаевича Николаева, первого председателя шоршельского колхоза.

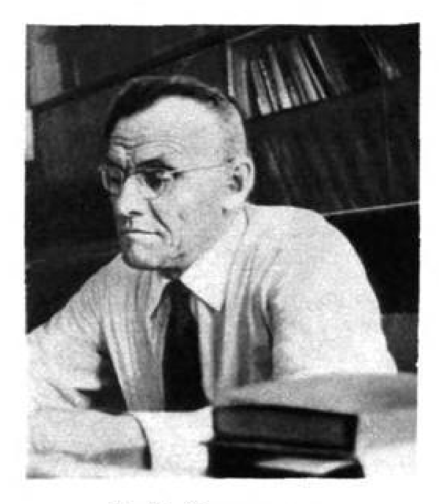
Василию пришлось с детских лет быть хозяином в доме, как, впрочем, и всем деревенским мальчишкам той поры. Всех мужиков забрала война, империалистическая... Ребятишки летом ходили за сохой, жали серпами рожь — да мало ли дел у хозяина, даже если сам он с вершок. Жизнь текла для них трудно и привычно. Да и какие особые новости могли добраться сюда, в забытое царем и богом Поволжье? В одном только не оставляли крестьян: чуть ли не каждый месяц облагали все новыми налогами да сборами.

Вернулся с фронта отец и с

Чебоксары, пассажирская пристань. ◀

Фото А. Гостева.

СТИ

М. И. Абдрахманов.

Мансура — тома самого первого издания собрания сочинений В. И. Ленина — награда за создание интерната. Вот как это было.

В начале 30-х годов Мансур Ибрагимович был директором школы. Время тоже нелегкое, снова голод. Но дети... Их надо спасать.

Мансур выхлопотал у колхоза участок земли, купил на свои средства лошадь. Участок обрабатывали сами ребята. В интернате детей кормили, одевали, обували, учили. Раздобыли спортинвентарь — коньки, лыжи. Мансур Ибрагимович сам любил спорт, был тренером по гимнастике.

За эту работу и вручили молодому учителю собрание сочинений В. И. Ленина. Кто знает, может, благодаря этому и появился у М. И. Абдрахманова интерес к философским наукам.

Во всяком случае, решение пришло твердое — учиться, и в 1936 году Мансур пришел в Казанский педагогический институт. Лекции, семинары — все, как положено. И, конечно, спорт. Легкая атлетика и лыжи. Стал даже чемпионом республики. Увлечение лыжами пригодилось. Война с белофиннами. Вместо студенческой группы — лыжный батальон. Институт окончить не удалось тогда.

Так все и шло. Стране было трудно — и Мансуру несладко. Страна воевала — и он становится солдатом. Страна строила и училась — и он был строителем и студентом. А институт он окончил все же — в перерыве между двумя войнами.

В июле 1943 года под Белгородом, в районе Курской дуги, командир пулеметной роты Мансур Абдрахманов был тяжело ранен. Старшина Пинский, боевой товарищ и друг, вынес Абдрахманова с поля боя.

...Вернулся М. Абдрахманов в родную Казань нерадостный. Левую ногу хирурги отняли выше колена, правая сломана. Что теперь делать? Но не таким он был человеком, чтобы предаваться отчаянию. Надо жить. Надо работать. Мансур поступает в аспирантуру Казанского государственного университета. Защищает диссертацию, а в 1958 году еще одну — теперь уже докторскую.

Разве могла когда-нибудь его мать Рабига Хусаиновна предположить, что ее маленький Мансур, оборванный, голодный, станет ученым, доктором философских наук? Конечно, не могла. По пальцам можно пересчитать, сколько татар окончило Казанский университет за сто с лишним лет его существования при царизме. Сколько окончило за последние полвека — со счета собьешься. Можно только сказать, что Татария дала стране 53 доктора и 596 кандидатов наук. Это только татар, не считая ученых других национальностей.

Сейчас у профессора Мансура Ибрагимовича Абдрахманова, помимо основной работы в университете, есть еще одна. Уже семь лет подряд он председатель Верховного Совета Татарской АССР. Получает массу писем. Каждую неделю принимает избирателей.

Летом прошлого года в Казань приехали американские философы, попросили устроить им встречу с учеными города. Встреча состоялась и продолжалась три часа. Зарубежных гостей интересовали проблемы экономической реформы, отношения между нациями. Американцы чрезвычайно удивились, узнав, что в Татарии можно получить образование на татарском, русском, чувашском, марийском, удмуртском и башкирском языках.

Еще американцы спросили:

— Развивается ли в вашей стране экзистенциализм?

Ответил профессор М. И. Абдрахманов:

— Теория одиночества и страха перед жизнью не считается у нас серьезной теорией. Нашему народу она чужда. Мы оптимисты. Мы верим в людей, в жизнь, в счастье человека. Эта вера родилась давно. Она не уменьшается, а все время растет. Вера в человека всегда будет расти...

Татария — край черного золота. Большую помощь в освоении новых месторождений нефти оказывает авиация. На снимке: вертолет с бригадой нефтеразведчиков из Елабужской конторы бурения прилетел на буровую.

Фото Б. Мясникова (ТАСС).

жадностью взялся за хозяйство: надоело воевать. И вот как-то глубокой осенью директор школы Христиан Николаевич объявил ученикам: «В Петрограде произошла революция!» В Шоршелах впервые увидели красные флаги...

Нелегкое детство досталось поколению Василия Николаева. Многие его сверстники так и не пережили тягот гражданской войны, голода. Когда в июне двадцатого года разнеслась весть, что Ленин подписал декрет об образовании Автономной Чувашской области, мало кто догадывался, какие огромные перемены ждут чувашское село.

В 1924 году Василий вступил в комсомол. Комсомольцы жили интересно: ставили агитспектакли, занимались в кружках, выпускали стенгазеты, дружно помогали беднякам. Постепенно Василий с друзьями стали заметными в деревне людьми, с мнением которых все считались. И когда в Шоршелах создавался колхоз, первым его председателем выбрали Василия Николаева.

— Начинали мы зимой с семи объединенных хозяйств, а на весенний сев вышло уже тридцать пять,— рассказывал Николаев.— Сейчас бы, наверное, такой колхоз называли комсомольско-молодежным. Все правление состояло из молодых. Помню, сам поехал в Мариинский Посад и купил на колхозные деньги двенадцать плугов. Вот радость была... По вечерам все, как правило, собирались в правлении, обсуждали свои дела, со стариками советовались. Дружно жили, одной семьей. Через год уже вся деревня в колхозе была...

Василий Николаевич продолжает свой рассказ, а я пытаюсь представить, каким он был в те далекие годы, хочу рассмотреть сквозь сетку морщин прежние черты его лица. Наверное, и тогда был спокойным и немногословным. Ходил в армейской шинели — ведь в середине тридцатых годов он служил в армии. Уверенная походка, острый и проницательный взгляд, скупые, точные движения... Пожалуй, этот портрет чем-то напоминает Андрияна Николаева. Да, в них немало общего, хотя эти две молодости разделяют многие годы. Василий Николаев также тянулся к знаниям, но тогда в его распоряжении были лишь краткосрочные курсы. Он был таким же, как Андриян, упорным парнем, брался за любые дела, будь то организация колхоза, постройка избы-читальни или срочная заготовка леса.

Райком дал ему самое важное по тем временам задание — учить народ. Больше, чем от недостатка машин и продовольствия, республика страдала от повальной неграмотности. Николаев стал преподавателем на курсах ликбеза. Видно, этот человек умел находить нужные слова, если пожилые крестьяне могли сидеть при свете коптилки и слушать его...

Стоит ли говорить, что я здесь и не пытаюсь сравнить две такие непохожие судьбы двух, может быть, похожих людей. Слишком уж разные годы пришлись на жизнь каждого из них. Дело, которому посвятил себя Василий Николаев, намного проще и незаметнее, и нет в его жизни бурных, стремительных взлетов. Да и наград у него не особенно много, хотя в 41-м сражался под Вязьмой, под Москвой. Но я запомнил, что на домах обоих Николаевых висят одинаковые деревянные таблички: одна сообщает, что здесь дом Героя Советского Союза, летчика-космонавта, а другая висит на доме Заслуженного колхозника. Каждая из этих табличек — знак уважения к человеку, признание его заслуг перед родной деревней, республикой, страной.

Заслуженный колхозник, пенсионер Василий Николаевич Николаев долго рассказывал мне о чудесных переменах в жизни села.

Колхоз в Шоршелах разросся. Это — большое, передовое хозяйство с почти миллионным годовым доходом. Сегодняшний председатель, Герой Социалистического Труда Василий Васильевич Зайцев, предполагает, что в нынешнем году на трудодень колхозника придется по три с половиной рубля, что еще больше возрастут доходы колхоза от продажи государству зерна, картофеля, мяса, молока, шерсти и яиц. Строятся новые колхозные производственные помещения, отрабатывается генеральный план новой застройки деревни, прокладывается шоссе. Столько дел, что и не перечислишь.

С горы, где сидели мы с Василием Николаевичем, открывалась удивительная по красоте картина. К горизонту уходили зеленые луга долины Цивили, густыми шапками темнел на холмах лес. Река прорезала зеленую равнину извилистой серебристой лентой. А за рекой, вдали, видны были белые корпуса Новочебоксарска. Шоршелы давно перестали быть глушью: неподалеку строится огромный химический комбинат, совсем рядом, на Волге, скоро встанет плотина Чебоксарской ГЭС. А ведь раньше эти места были печально знамениты лишь тем, что неподалеку проходил Владимирский тракт, дорога царских ссыльных. Правда, теперь об этом мало кто помнит...

В. Н. Николаев.

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Б. РОМАШОВА

РЕВОЛЮЦИЕЙ ПРИЗВАННЫЙ

Особенно дружески мы сошлись с Борисом Сергеевичем Ромашовым в Литературном институте имени А. М. Горького, где он вел семинары по драматургии, воспитывал будущих театральных писателей. Делал он это поистине артистически, вдохновенно, не жалея сил, здоровья, всегда по-молодому бурной фантазии. Большой честью считалось быть учеником Ромашова. Он не просто учил мастерству, он передавал молодым поколениям эстафету революционного советского театра...

...Это было на заре победившей Советской власти. Театры еще не имели новой драматургии. К рабоче-крестьянскому зрителю приходили пока что только старые писатели, классики, чей голос, поднятый когда-то во имя добра и справедливости, теперь был особенно близким, особенно слышным. Но нужна была и своя революционная драма.

Среди пионеров новой литературы был и Борис Ромашов, в прошлом актер, отлично чувствующий театр, соединявший острую злободневность с блестящей выучкой у старых мастеров. Для Ромашова не было вопроса, с кем идти дальше — с народом или против народа. Он всегда был в демократическом лагере: театр Соловцова в Киеве, на котором воспитался Борис Сергеевич, пользовался доброй репутацией у студенчества, будил честные, славные мысли.

«Банкет Капитала» — так называлась первая пьеса Ромашова, где в обобщенных символических образах рассказывалось о недавнем восстании, о победе народа. Стилистика этой пьесы была близка огромным массовым зрелищам на площадях Москвы и Ленинграда, где народ в живых картинах воспроизводил героическую историю великих битв Труда и Капитала.

Борис Ромашов был и среди тех, кто зачинал бытовую советскую драму. «Воздушный пирог» — название сатирической комедии Ромашова — стало нарицательным, как имя и ее героя, авантюриста Семена Рака. Реальные события — дело директора одного из молодых советских предприятий Краснощекова, запутавшегося в хитрых сетях нэпманов,— положил драматург в основу своей комедии. Зритель увидел на сцене сегодняшнюю жизнь, постепенное становление социалистического хозяйства, его победу над нэпманским, частным сектором. Это была веселая, злая комедия, реплики из которой мгновенно разошлись на пословицы и анекдоты.

А потом — «Огненный мост», драма, позволившая Малому театру закрепить недавний успех, одержанный в «Любови Яровой». «Огненный мост» говорил также о существенных явлениях действительности, о переходе интеллигенции к революции, о вступающей в свои права мирной жизни. Это была примечательная пьеса: в ней впервые появился характер, который вскоре стал ведущим в советской драматургии. Образ красного директора Хомутова, созданный Ромашовым, стоит у изначалия будущих образов героев труда, героев мирной битвы за счастье народа. Будет потом и погодинский Григорий Гай и многие другие, но советская сцена помнит: первым вышел на нее ромашовский красный директор Хомутов.

Свое слово сказал Ромашов и в драме, посвященной Советской Армии. Его «Бойцы» до сих пор остаются классическим примером остросовременного конфликта в мирных условиях. Поединок между комкором Гулиным и начальником штаба Ленчицким, один из которых считает, что будущего врага можно закидать шапками, а другой делает технику фетишем, еще отзовется в таких, например, произведениях времен Великой Отечественной войны, как «Фронт» Корнейчука. Это были живые приметы действительности, и Ромашов сумел увидеть их не в статике, но в движении, он предупредил об опасности, с которой реально столкнулись советские люди в первые же дни войны.

С комедии начинал Борис Сергеевич, комедия и венчала его путь. Последней его пьесой была сатирическая комедия «Великая сила», где писатель гневно клеймил низкопоклонство перед западной «цивилизацией». Прошли годы, но живы мотивы этой пьесы, и сегодня острое ее слово разит тех, кто полагает, будто нет борьбы идеологий, будто западный образ жизни существует отдельно от политики милитаризма.

Но не только пьесы были достоянием Бориса Сергеевича Ромашова. Его достоянием была богатая эрудиция, знание мировой культуры, страстный интерес ко всему новому, огромная увлеченность делами советского театра, советской драматургии.

Вокруг Бориса Сергеевича Ромашова всегда толпилась молодежь. Чего искала она у него? У него искали знаний и опыта, мудрого слова и отеческого совета, товарищеской поддержки, умной критики, веселой шутки. К нему приходили, чтобы посмотреть на человека, который когда-то начинал писать славную первую страницу советской драматургии.

...Уже много лет нет в Литературном институте профессора Б. С. Ромашова. Но мы, все те, кто работает здесь сегодня, никогда не забываем его, учимся у него требовательности и мастерству педагога. Не забывает Ромашова и советский театр: идет и сегодня «Огненный мост», идет «Воздушный пирог», заново издаются его комедии, сборники его интереснейших публицистических статей.

Профессор Вл. ПИМЕНОВ

Раздумья
о сельской молодежи

Николай БЫКОВ

ОТЦ

Есть в России заветное поле. Я до сих пор не был на его меже, но вижу то поле ясно, потому что такое же видел когда-то под Гжатском и в Крыму, у ржавых валов Перекопа, и нынче летом за околицей Спасского-Лутовинова. А то, заветное,— за Волгой, близ саратовской деревни Смеловки, Терновского района. На парующий пахотный взмет опустился Юрий Алексеевич Гагарин, сын смоленского крестьянина,— было 10 часов 55 минут 12 апреля 1961 года. На русское поле вернулся сын Земли из первого внеземного полета. Сейчас там стоит обелиск.

Поле... Как и человеку, ему дается собственное имя. Об этом хорошо знают те, кто живет или жил в деревне. У Смеловки есть Гагаринское поле. На Украине есть Давыдово поле. И там стоит обелиск. В честь Давыда Броваря, тракториста, пахавшего то поле. Говорят, он умер от старых ран. Но все так же, как до войны и после нее, когда солдат снова повел трактор, все так же и сейчас, когда он уже умер, пашется поле у большой Валуйской дороги. На тракторе теперь сын Давыда Броваря — Владимир.

Умирают пахари, а поле остается. Пашется, живет...

В моем сознании, очевидно, не случайно возник сегодня тревожный образ поля — поле брани, хлебное поле, поле славы. Нечто принципиальное и отнюдь не символическое связывает их. Хлеб и звезды, звезды и хлеб!.. Наши, вполне земные заботы, наше сегодня и завтра...

Кому оно остается, поле? Кто твой наследник, нива? Было, когда поле резали на полосы, деля между наследниками. Было, когда его продавали. И предавали, будучи никак не заинтересованными в его жизни. Из-за него, из-за поля, хватались за дубины. Его пахали на себе. Было, было... До Октября семнадцатого. Давно у нас коллективисты сменили частновладельцев земли. Да и не одно уже поколение прошло через поля без межей...

Кому же ты остаешься, поле? Давыдово осталось сыну...

Передо мной старое, еще осеннее, газетное сообщение о делах гагаринцев — колхозников Гагаринского района, что на Смоленщине. Они намолотили больше ста пудов зерна на круг, а в колхозе имени Радищева — по двести пудов с гектара! И это на бедных землях... Нет, теперь уже нельзя считать те земли смоленские бедными. Урожайными их сделала наука. И прилежание. Главный сдвиг отмечен после мартовского Пленума ЦК КПСС (1965 г.), когда были восстановлены и получили дальнейшее развитие те самые принципы, которые В. И. Ленин положил в основу своего плана постепенного кооперирования деревни. Именно с ними связаны и новый подход к планированию, и хозрасчет, и безнарядные звенья — все то новое, что народилось нынче в колхозах. В том числе и новые проблемы.

«Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы»,— писал в свое время Ф. Энгельс. Так учили классики марксизма. Переход деревни к крупному социалистическому хозяйству означал великую революцию в экономических отношениях на селе да и в самом укладе крестьянской жизни. Социализация шла дальше механического обобществления земли, она вела к коренной ломке крестьянской психологии. Владимир Ильич понимал неизбежность революции в самом мужике. Он учил партию помогать крестьянину одолеть в себе частника, не затрагивая при этом сугубо личной его заинтересованности в судьбе земли. План кооперирования как раз и предполагал такую сугубую заинтересованность каждого коллективиста в судьбе «ничьей» теперь земли без межей. При этом Владимир Ильич не уставал остерегать от ошибок торопившихся «внедрить в деревню коммунизм» до того, как будет завершено ее техническое перевооружение. Он требовал громадной осторожности и постепенности с тем, чтобы учесть условия «живой жизни».

Живая жизнь... Каждый день приносит новые заботы. Нынешний коллективист не похож на крестьянина, стоявшего в раздумье перед порогом «коммунии»... Исторически иная задача стоит перед новыми поколениями советских селян...

Я все не могу забыть первой встречи в Спасском-Лутовинове с председателем колхоза имени Тургенева Виктором Андреевичем Волковым. Первой, потому что была еще и встреча на съезде колхозников, и тут уж настроение Виктора Андреевича было иным, поскольку разговор в Кремле зашел не только о земле вообще, но и о тех, кому время вступать в права наследования ею. О детях доблестных солдат и пахарей. Ну, а тогда, летом... Волков пересказал как-то мне самый для него страшный сон — доярка бросила коров, они остались недоеными, а замены нет. Добро бы только во сне, а то и наяву ее не сыскать. И это несмотря на то, что с некоторых пор доярки зарабатывают неплохо, часто наравне с механизаторами. А поди ж ты!..

Виктор Андреевич каждое утро, бреясь, видит в окно, как автобус, минута в минуту по расписанию, увозит бывших колхозников на предприятия Мценска... Каждое утро. Он уже устал видеть такое.

ОВО ПОЛЕ

* ОБЕЛИСК НА МЕЖЕ
* ЧЬЯ ТЫ, ПАШНЯ!
* СЫН КОЛХОЗНИКА — КОЛХОЗНИК!
* ПОМНИТЬ АНТЕЯ...

— Правда, остаются в селе дети, школьники. Но чьи они? Города или родного села?

Он спрашивал меня. А я ждал ответа от него. Виктор Андреевич местный, его в колхоз не привозили. По образованию он агрономом. Окончил ВПШ и вот вернулся, его снова избрали председателем. Хозяйство в Спасском-Лутовинове неплохое. И все-таки болит сердце у Волкова. А тут еще каждое утро одна и та же картина: автобус, битком набитый бывшими колхозниками, уходит в город точно по расписанию...

Вспоминается одновременно и другое. В усть-лабинском колхозе «Кубань» сынишка секретаря парткома А. Олейникова, белоголовый Вовка, охотно ездил с нами по полям, а в пути еще и лепетал: «Вон тыквочки. Вон много теленков, а еще там самобегающая тележка. Она с кузовом... Мы с детским садом были в степу, я запомнил...» Ребятишек четырех-пяти лет однажды вывозили в знаменитую четвертую бригаду М. И. Клепикова, и они видели там и «теленков» и новенькое самоходное шасси с кузовом. Да еще обедали в бригадной столовой — наравне с мужчинами в замасленных спецовках. И это здорово! Даже одна такая поездка в степь может определить всю жизнь. Как нынче ценен каждый маленький человечек, попавший в плен хлебного поля! Потому что там же, на Кубани, замечено и другое. На собрании краевого партактива председатель каневского колхоза имени Кирова Иван Николаевич Переверзев, затронув «модную проблему сельской молодежи», сообщил, что у них в станице многие хлопцы и девчата нигде не работают, а если кто и начал работать, то не на ферме и не в мастерских. Не в поле!..

— Но даже и тот, кто не работает, все равно ест в нашем колхозе! — продолжал Иван Николаевич.— Высокая оплата труда главы семьи сегодня дает возможность быть сытым, не работая. И быть сытым не одному, а нескольким членам колхозной семьи. Чаще всего это молодые. Они пользуются всеми благами культурной жизни станицы — библиотеками, кинотеатром, Дворцом культуры, парком с аттракционами... Наказать? Не имеем права, сами они не члены колхоза. Читать мораль? Читаем и довольно часто... А надо и другое, надо понять нам, руководителям колхозного производства, стремление молодежи не вообще жить, но и работать по-современному. Нам нельзя не учитывать, что у молодежи сложилось верное представление о нашем времени как о времени научно-технической революции, индустриализации и интенсификации сельского хозяйства. Какой бы ни была содержательной деятельность Дворца культуры, но свинарка или доярка появляются там реже подруг из полевой бригады. У них просто нет на это времени, а нередко не остается ни сил, ни желания... Увлечь молодых могут современные специальности, современная технология, не обезличенный труд вообще, а возможность работать интересно, высокопроизводительно, с помощью машин...

Понять кубанского председателя нетрудно. «Тыквочки и теленки» занимают воображение пятилетних. Романтика косьбы вручную, звон молока в подойнике умиляют преимущественно горожан. А те, кому один путь — на нынешнюю ферму, в промерзшую мастерскую или на тракторы нынешних марок, те не спешат. И дело не только в воспитании, не только в том, что многие за годы обучения в сельской школе не приобрели навыков труда. У многих детей доярок и механизаторов не развит даже вкус к нему. И. Н. Переверзев помог понять — старо охать по поводу того, что молодежь из деревни старается непременно уехать в город. Нет, теперь уже и не старается — во всяком случае, в станице Каневской молодежи все больше, но это не значит, что она с охотой заменяет уходящих на пенсию колхозников. Молодежи стало больше, но где? В клубах, парках, на станичных улицах по вечерам, а не на фермах, не в поле наших южных районов, где иной раз встретишь наемных сезонников из более северных областей, республик, частенько из колхозов, в которых условия труда ничем не хуже кубанских.

А что же, например, в Центральной России? В колхозе у Волкова молодых нет — только школьники, но чьи они? И в соседнем селе Шашкине тоже нет, точнее, опять же только те, кто ходит до времени в новенькую восьмилетку. Помню, водил меня по этажам этой школы старый плотник, персональный колхозный пенсионер Семен Егорович Абросимов. Он и обронил как бы невзначай: «Поставили школу за свои, за кровные... Для детишек не жалко... Нынешний год восемь человек стариков схоронили, а на смену им один родился. И больше вроде не предвидится, хотя кто их знает... Вот тебе и сальдо-бульдо». На что же намекнул Семен Егорович? Через семь лет, мол, в такой же погожий золотой денек войдет в это прекрасное здание первоклассник в единственном числе. Я переспросил, не это ли он имел в виду? Старик, не ответив прямо, доверительно сообщил: «Слышь, какой-то социальный процесс обнаружили. По телевизору сказывали...» (Он выговорил «протез».) Но процесс этот председатели колхозов наблюдают не на экранах голубых, а в окно поутру. Волков из-под Мценска, например, видит: у него «сальдо-бульдо» похуже, чем в соседнем Шашкине, где трудоспособных и колхозных пенсионеров так на так, а в сумме вовсе не богато. Пашни на одного колхозника в этом районе Орловской области приходится свыше всякой нормы. Здесь и у соседей горожане не только убирают, но и сеют вот уже который год. А ведь по-прежнему прекрасна серединная Россия, страна Тургенева и Лескова! Почему же поля ее «обессыновели»? Есть тут деревеньки в три-четыре избы. Объяснить такое можно по-разному, в том числе и тем, что город забирает тысячи рук, сманивая детей пахарей и сеятелей. Да чем сманивает-то? Манят, как теперь совершенно ясно, не асфальт и не кинотеатры. Что же? А ведь года через два проблема рабочих рук в селах серединной России, нечерноземной полосы напомнит о себе такими потерями, что куда там пыльным бурям и неурочным дождям. Так что разговора на эту тему не избежать. Да его и не пытались избежать на съезде колхозников.

Виктор Андреевич Волков мудро говорил о тех, кто сегодня за партами сельской школы. Музыке учат с детства. Рисованию тоже. А земледелию, ветеринарии? Редко кто нынче помогает матери на фермах, в саду, в поле — это факт. Разве что когда мать прихворнет. Есть, правда, в школьной программе часы сельскохозяйственной практики — их надо «отработать в обязательном порядке». Иначе табель не выдадут... Такая практика ни на шаг не приближает к полю. Не приобщает к братству земледелов. Значит, полоть да с вожжами на телеге восседать? Ну, еще хлопок в фартук собирать или обирать вишни. А сесть на трактор? Ни-ни... А если пойти на лето помощником к комбайнеру? Нельзя. Даже в экипаж к отцу под его личную ответственность нельзя. Но скольких же отвадили от поля, от извечной ребячьей тяги к машине, к механизмам на току! К таинству инкубаторов и ветеринарных лечебниц! А вот тяги на прицеп, где и взрослому-то небо кажется с овчинку, тяги к скотному двору у ребят, естественно, нет...

Значит, все-таки важно приохотить к полю, к машине с детства? Важно, а вот каждого ли ждать потом на поле? Каждого ли удерживать в селе? Каждого ли понуждать к труду животновода, механизатора? Призвание, оно что — только для будущих скрипачей и хоккеистов? И вообще, считать ли, что сын колхозника от рождения колхозник? Волков замотал головой: ни в коем случае, только не это! Чепуха! Даже он, Виктор Андреевич, у которого нехватка рабочих рук, не тянет в колхоз любого. Коли земледелие — искусство (а это бесспорно так,— рассуждал В. А. Волков), значит тем более нельзя от каждого родившегося в деревне требовать, чтобы он умел с выгодой вести хозяйство. Умел делать землю, делать урожай. А их — и плодородную землю и урожай — нынче, в конце XX века, именно делают.

— Значит, отбор?

— Значит, отбор, селекция всего талантливого, готового к радостям и известным неудобствам деревенской жизни. Город для себя давно уже такой селекцией занимается. Деревня отстала. Поэтому-то здесь сегодня нередко остаются лишь те, кто не нашел себя в городе. А ведь есть люди, чей талант может расцвести именно в деревне. Таким только условие создай! Таких и надо улавливать с детских лет! Ищут же по городам и весям селекционеры от науки и спортивные селекционеры будущих математиков, футболистов для специальных юношеских школ...

Такой поворот рассуждений для меня был в общем-то неожиданным. Деревне нужны не вообще молодые, абы руки-ноги целы, а лишь те, чье призвание быть земледелом. Кто уже сегодня готов к индустриализации сельского хозяйства. Это уже качественно иная постановка вопроса.

Мы справедливо считаем своих детей наследниками всего, что в стране сделано, готовыми к осуществлению новых, не менее грандиозных планов. И дети колхозников в этом смысле не исключение. Но задавались ли мы всерьез такими вопросами: как они, ну хотя бы старшеклассники, люди во многом уже сознательные, относятся к той роли, которую играют сегодня их родители-колхозники или колхозные специалисты в жизни родного села? Знают ли они о тех радостях и трудностях, которые пережили и переживают родители в поле, на ферме, на заседаниях правления, в сельском медпункте? Что знают дети колхозников о своем колхозе — об урожайности, о надоях, о доходах, даже о числе выходов на работу? Каким они видят будущее сельского хозяйства вообще и грядущий XXI век в их родном селе конкретно? Каково у них самих отношение к призванию, к праву и возможностям выбора профессии? А вот еще интересно бы узнать, в каких городах побывали до совершеннолетия деревенский парнишка или девочка, что им там запомнилось, что в городе смогло бы их увлечь? И еще — проблемы деревни вот уже несколько лет волнуют многих в стране, это особый предмет забот партии и правительства, особая тема в творчестве многих писателей, деятелей культуры, так вот интересно бы узнать: а у самой сельской молодежи вызвала ли интерес какая-нибудь проблема дальнейшего развития отечественного сельского хозяйства? Какая именно? Почему? И что знают дети колхозников о научном поиске, о достижениях сельскохозяйственной науки и техники? И кто же сегодня властители дум?..

Подобных вопросов лично у ме-

ня немало. И мне кажется, от того, как ответили бы на них юноши и девушки села, во многом и зависит, кто же готов стать наследником отцова поля. А кто-то ведь и недостоин такой судьбы. Не всякому человеку живое поле, живое зерно, живую скотину доверишь...

Хозрасчет первый вопиет против принципа «сын колхозника — колхозник». В любом городе, где нет, предположим, ни реки, ни озера, юноша или девушка все же могут стать чемпионами по плаванию. Для этого достаточно иметь в городе бассейн. Даже в теплице с автоматическим управлением климата можно стать исследователем, мастером урожаев ранних овощей или цитрусовых. Но не хлеборобом, не хозяином поля — цеха без крыши, завода под открытым небом. Слух у музыканта — это, как говорилось встарь, от бога. Талант быть земледелом тоже. И тут ничего не поделаешь.

Мы годами ратовали за культуру на селе. Теперь в большинстве колхозов и совхозов есть электричество, все больше клубов, Дворцов культуры. В богатых южных селах асфальтируются главные улицы, а в парках там есть и карусель и тир. И за те же годы, когда все это с напряжением сил и средств строилось, возводилось, мы убедились, что вовсе не развитие культурно-бытовых комплексов определяет судьбу сельской молодежи, ее собственное отношение к участию в сельскохозяйственном производстве. Как точно сказал кубанский председатель Переверзев, не устроительство досужего часа, а характер и уровень организации труда прежде всего и главным образом привлекают молодых. Или отталкивают. Ребята видят, как проходит жизнь родителей. И этого достаточно. Забегая на ферму, девочки наблюдают нелегкий труд матери, и выбор ими — пусть даже бессознательно,— по существу, уже сделан. Хоть мороженым торговать, только не на ферму, после которой руки делаются «невладащими».

А за околицей — век ЭВМ, автоматики... И молодежь знает об этом. Тот же телевизор однажды вдруг показал, как живут люди в городе и как живут в лучших колхозах. И предложил невольно выбор: сиднем сидеть в родительской избе у того же голубого экрана или пуститься на поиски прекрасного за горами, за долами? Те, кому с детства безразлична судьба поля, выбирают дальнюю дорогу. Даже и не комфорт в быту, а именно то место, где можно и себя показать и людей интересных увидеть — непременно в работе, в настоящем деле!

Владимир Алексеевич Наумов, председатель мордовского колхоза «Заветы Ильича», рассказал, что лет двенадцать назад, когда его, директора средней школы, избрали председателем в Константиново, в колхозе числилось более семисот трудоспособных. Сейчас втрое меньше. Втрое!

— Да, я ощущаю нехватку рабочих рук. Но жалею ли, что две трети трудоспособных перекочевали в город? Не очень. После того, как полвека назад были порваны сословные и частнособственнические связи с землей, многих уже ничто в деревне не держало. И не держит... Я жалею о другом. О том, что правление не может пока создать необходимые условия для тех, кто в селе остался. Особенно для молодых людей, грамотных и начитанных, для тех, кто уже сделал выбор, связал свою судьбу с колхозом. Мне жаль наших доярок и тех, кто на тракторе в зной и в стужу... Но я бессилен предложить им что-либо иное, так сказать, на уровне века... Научная организация труда? Несомненно, это рычаг мощный, но специфика сельского производства остается. Ее-то и нельзя игнорировать при отлаживании системы «человек — земля».

И я подумал: призвание и не однажды воспетая любовь к земле — это лишь как минимум. Вот когда должно бы сработать ленинское: строить экономику не на энтузиазме непосредственно, а с помощью энтузиазма! Таким образом, именно экономика, уровень производства диктуют выбор той части молодежи, которой «все равно, где работать». Тот же В. А. Волков при случае как-то сказал, что мы, мол, не без гордости говорим о чувстве коллективизма, вошедшем в плоть и кровь наших селян. Теперь, мол, попробуй раздай землю — никто не возьмет! Пожалуй, он прав. Один не возьмет, потому что он понятия не имеет, что делать с ней в одиночку. Другой — коллективист по натуре, и третий тоже, и тысячный... А вот тысяча первый не возьмет, потому что, хоть он и в деревне родился, да негодящ, неспособен. Не хочет — риска боится. Иметь дело с землей, с живым полем и впрямь рискованно, урожай часто от залетной тучки зависит. Да и результатов сегодняшнего труда, прилежания, знаний приходится ждать год как минимум, а вообще-то многие годы. Если ты талантлив, как от природы талантливы Терентий Семенович Мальцев или Владимир Яковлевич Первицкий. А если нет?

Говорят, не жаден человек до земли... Хорошо ли это? Всем ли доступно понимание земли, жизни поля? Государство увеличило оплату, даже гарантировало ее. Но после исторического решения некоторые стали диктовать председателю, будто он какой-то работодатель, а не такой же член колхоза: «Положи сто двадцать, тогда пойду в поле». Такого не земля кормит, а сдельщина, закрытые наряды. А ведь что ни говорите, но мужика земля должна кормить. Главным образом она. Гарантированная оплата — историческое завоевание колхозников, но есть и такое понятие: «риск земледельца». Рисковать может только удачливый и искусный. И печально, что утрачено в психологии нынешнего поколения колхозников нечто исконно крестьянское. Именно в отношении к земле как основному средству производства. Было время, когда нужда заставила вспомнить о «живой копейке», о хозрасчете, теперь надо думать о живом поле, о его хозяине. И вот почему выше всех похвал поступок комсомольца Володи Броваря из колхоза «Ленинский шлях», который попросил отцово поле отдать ему, прямому наследнику старого Броваря. Теперь Володя — хозяин поля. Таково уж древнее хлеборобское дело, что поле должно иметь хозяина. Взять многолетнюю работу звена механизаторов Героя Социалистического Труда Владимира Яковлевича Первицкого, тут успех социального и научно-производственного поиска явный. У него все больше последователей. Почему? Да потому, что люди, вооруженные современнейшей техникой и современнейшей социальной психологией, тем не менее получили свое поле. Они коллективисты, но поле у них свое. И работают на нем уже достаточно долгий срок. И год от году добиваются поразительных, высокоэкономических показателей. Тут сказались и врожденный талант, который вряд ли бы с такой силой проявился в городских условиях, тут и хозяйственный расчет и сугубо личный интерес. Безнарядное звено положило конец сдельщине, обезличке поля.

Видели вы, как подолгу высматривают свой участок пахари перед всесоюзным соревнованием? Один выравнивает его боронами, другой перепахивает так, чтобы взмет к взмету лег, третий все бродит, ищет камни, без устали нагибается, отбрасывает их на межу. И каждый — еще до стартового сигнала — уже любит свой участок. Старается полюбить. Иначе работа на земле малопроизводительна, а потому и малопривлекательна. Тем более, если не ты полю хозяин. А председатель колхоза, он хозяин? Да, и еще как свои права заявляет! И агроном — хозяин поля. А человек из района? И он тоже, именно его руководящее слово бывает необходимым, а нередко и последним. Их много, хозяев поля...

Ну, а власть земли? Ох, как, бывало, иссушала она душу мужика, как отчуждала его от всего мира. И сколько ж о нем, о «сиволапом жадюге», насочиняли некрасивого, а все из-за нее, из-за душащей власти земли... Нынче же есть все основания опасаться, как бы не потеряла земля своей власти над душами молодых колхозников. «Производство» — слово, многими своими гранями славное в городе, на селе звучит подчеркнуто холодно, как-то не так, как прочие живые слова о поле, о зеленом и снежном поле. Да, конечно, «технология», «производство» — понятия эти вошли давно в лексикон колхозников, и все-таки очень тревожит, что власти земли дети колхозной деревни в общемто не испытывают. Неужели же ни о чем не говорит им память об Антее?.. Она не менее дорога человечеству, чем память об Икаре.

А ведь есть, есть притяжение земли, притяжение полевого раздолья, и лиловых гроз июля, и снежной пурги, которая застигла, шальная, в поле, и вот уже не видно ни зги, и нет ему ни конца, ни края. Только белый взвихренный свет вокруг да огонек впереди, не дающий сбиться со следа, остаться в поле навсегда. А как освобождающе действуют на душу октябрьские дожди, когда непогодь поит поля, а у земледельца устало ноет спина после страды и когда мечет на стол пироги любимая или старушка мать. И когда огонь в печи, и запотелая антоновка — только из погреба, и грузди по случаю и в честь... У них своя власть! Пусть она тоже крепнет на селе. Богатый стол с разносолами в новом доме — за ними тоже не последнее слово. В общем, нельзя, чтобы «обессыновели» поля. Отцово поле ждет...

ХРАНИТЕЛЬ НЕБЕСНОГО КЛЮЧА

Летом прошлого года большая группа наших писателей совершила поездку по частям противовоздушной обороны. Литераторы были гостями ракетчиков, летчиков, воинов радиолокационных постов. Своими глазами видели они, как перехватываются и уничтожаются ракетами воздушные цели, как в условиях дня и ночи, в ясную и пасмурную погоду совершают взлеты и посадки сверхзвуковые реактивные истребители, как работают пункты наведения, помогая воздушным бойцам, охраняю-

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЧАСЫ ПИК

Игорь Горбачев — Кшись Максимóвич в спектакле «Час пик».

Виталий БЕРЕЗИНСКИЙ

На южном побережье

щим наше мирное небо, своевременно обнаруживать и уничтожать цели. Что и говорить! Плодотворная была поездка. И когда писатели возвратились в Москву, то на заседании Военного Совета они с жаром говорили о своих впечатлениях, обо всем увиденном, о грозной боевой технике и ее применении. Внимательно слушал своих гостей человек в форме Маршала Советского Союза, а когда последний из выступающих покинул трибуну, он встал и, улыбнувшись, сказал звучным, удивительно чистым голосом:

— Я очень хорошо вас понял. Действительно, знакомство с современной боевой техникой производит неизгладимое впечатление. Но я хотел бы сказать о другом — о людях, которые ею овладели.— Он прищурился, пытливо на нас посмотрел и продолжил: — Это особые люди. Они обладают глубокими знаниями, большой культурой, тонкими, психологически богатыми характерами, высокой эмоциональностью. Человек, пилотирующий в стратосфере сверхзвуковой истребитель, руководящий ракетными пусками или наведением,— это не просто талантливый человек. Это очень талантливый человек. И как было бы хорошо, если бы он привлек внимание писателей, если бы в ближайшем будущем появилось интересное художественное произведение, героем которого был бы наш современник — командир подразделения или части ПВО.

Всем нам глубоко запомнились эти слова. Их произнес главнокомандующий войсками противовоздушной обороны страны Маршал Советского Союза Павел Федорович Батицкий.

Этому выдающемуся советскому военачальнику, верному сыну своего народа и Коммунистической партии, исполнилось шестьдесят лет. Павел Федорович Батицкий прошел большой и славный жизненный путь, активно участвуя в строительстве наших доблестных Вооруженных Сил, службу в которых начал в 1927 году. В суровые годы Великой Отечественной войны П. Ф. Батицкий находился в рядах действующей армии. Он участвует в боевых операциях в должности начальника штаба и командира дивизии, затем командира корпуса. В своих воспоминаниях о действиях 28-й армии в Бобруйской операции генерал армии А. Лучинский рассказывает о том, как при участии Г. К. Жукова готовилось наступление. Перед началом боевых действий надо было укрепить армию надежными кадрами, и маршал Г. К. Жуков так сформулировал свое решение:

...— На должности командиров корпусов направляю двух генералов, которых лично знаю с самой лучшей стороны.

Одним из этих генералов был Павел Федорович Батицкий, полностью выполнивший поставленные перед ним задачи в этой ответственной и одной из успешных наступательных операций.

После войны П. Ф. Батицкий занимает ряд ответственных должностей; работает начальником Главного штаба Военно-Воздушных Сил, командует войсками ПВО Московского военного округа. Много сил и энергии отдает сейчас этот талантливый военачальник подготовке частей и соединений нашей противовоздушной обороны. Этот род войск — наиболее сложный и ответственный. Он вооружен новейшей боевой техникой, впитавшей в себя все передовые достижения отечественной науки и техники. Жизнь здесь рассчитана порой не по секундам, а по десятым долям секунды. Днем и ночью стоят воины ПВО на страже нашего мирного голубого неба, под которым живут и трудятся миллионы советских людей.

О воинах противовоздушной обороны образно говорят: у них ключи от неба. Точное и справедливое определение!

Главнокомандующий войсками ПВО страны, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза Павел Федорович Батицкий имеет самое прямое отношение к этим ключам.

Свое шестидесятилетие П. Ф. Батицкий встречает в расцвете сил. Так пожелаем же ему новых больших успехов в решении сложных и важных задач.

Генн. СЕМЕНИХИН

Н. ТОЛЧЕНОВА

Поездка с гастролями, пожалуй, всегда представляет собой своеобразный час пик для любого творческого коллектива, становясь в его жизни таким периодом наивысшего напряжения, когда все ранее созданные духовные ценности проходят как бы дополнительную — и порою решающую — проверку.

О высокой степени напряженности московских гастролей Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина судишь хотя бы по тому, что его спектакли — кстати сказать, почти все аншлаговые — играются на двух сценах. Москвичи и гости столицы смотрят их в Малом театре и Театре оперетты.

Думается, острое чувство современности можно считать наиболее характерной чертой гастрольных постановок, несмотря на столь же заметное тематическое, жанровое и стилевое их разнообразие. И рождается современность не из натужных модерных ухищрений — они чужды этому коллективу,— а благодаря постоянному глубинному проникновению мастеров театра, режиссуры и актеров в главные жизненные цели героев, в скрытый мир их помыслов, их чувств.

Полнота психологического решения и становится залогом сценического успеха — вне зависимости от того, обращает ли театр свой (а значит, и наш!) заинтересованный, ищущий взор во времена, давно минувшие, как в спектаклях «Нахлебник», «Перед заходом солнца», «Болдинская осень»; переносит ли, как в «Артеме», в эпоху революционных битв; или знакомит с людьми сегодняшними, как в постановках «Человек и глобус», «Жизнь Сент-Экзюпери», «Дело, которому ты служишь», «Час пик»...

Радуясь новым встречам со своими всегдашними любимцами, публика оказывает самый восторженный прием Н. Симонову, Ю. Толубееву, В. Меркурьеву, Б. Фрейндлиху, А. Борисову, И. Горбачеву, Н. Ургант, Л. Штыкан, Г. Инютиной, Ю. Родионову, А. Соколову... Да разве можно перечислить всех прославленных артистов одной из старейших русских сцен, продолжающих и развивающих ее замечательные традиции!

Краткая рецензия точно так же не дает возможности рассказать обо всех интересных впечатлениях, которыми обогащают зрителя гастрольные ленинградские спектакли. Их много; они свежи и ярки. Но об одной работе пушкинского театра, на мой взгляд, просто необходимо сказать несколько подробнее.

Это пьеса Ежи Ставинского «Час пик» в постановке А. Музиля.

Как известно, истина познается в сравнении. И, может быть, именно стремление сравнить ранее виденную в Москве, в театре на Таганке, постановку польской пьесы с ленинградской трактовкой «Часа пик» и приводит на спектакль такое множество публики...

Забегая вперед, скажу сразу: от подобного сравнения ленинградцы ничуть не проигрывают. Напротив. Серьезная, творческая работа всего постановочного коллектива над раскрытием сокровенного внутреннего смысла образов произведения Ежи Ставинского как раз и сделала эти образы такими значительными, содержательными, усилила их нравственный посыл.

Час пик... Час величайшего напряжения. Час проверки — окончательной и необходимой — всех твоих человеческих возможностей,— он может наступить в жизни каждого из нас. Наступить так же внезапно, как случилось это у Кшися Максимовича. В спектакле ленинградцев его блистательно играет Игорь Горбачев.

Я пробую вспомнить, кто же играл эту роль в театре на Таганке, и с ужасом обнаруживаю полный провал в памяти... Сознаваться в подобном не очень-то приятно. Но причина более чем ясна... От шумного, сумбурного, нарочито-невнятного таганского спектакля память хранит — как самое впечатляющее — одни лишь неясные очертания фигуры актера, с трудом вскарабкавшегося на огромный раскачивающийся маятник часов...

Спектакль-цирк, спектакль-буффонада начисто утратил большой и серьезный смысл происходящего, донося в целости и сохранности до потрясенного зрителя лишь отдельные «остренькие», эпатирующие реплики...

Ленинградский театр, поставив инсценировку, сделанную А. Музилем, ничуть не скрывает от нас того, что наш современник директор Максимович — личность весьма неприглядная. Человек вроде бы окончательно «закрутившийся» в погоне за чинами, за личным успехом, он потерял друзей, семью, близких... Но жизнь, столь жестоко проучившая его, все же оказалась милостивее к нему, чем он сам рассчитывал. Милостивее не потому, что страшное заключение врача о неизлечимой болезни Максимовича — канцер — было ошибочным. А потому, что хороших людей — даже в жизни Максимовича — гораздо больше, чем казалось Максимовичу. И если даже постараешься забыть о том, как сыграл Максимовича И. Горбачев,— все равно этого не забудешь.

Преуспевающий циник, работающий в своей конторе давно уже по инерции, без всякой внутренней отдачи, порхающий по жизни ловкач и ловелас — таков Максимович у И. Горбачева. В первом действии в зал от него прямо-таки исходят живые, ощутимые токи самодовольства, самовлюбленности... Весь он сияет, точнее сказать, лоснится, выхоленный, плотный, отутюженный... Душевный жирок эгоизма, благополучия именно и делает «героя» таким непроницаемым, невосприимчивым к душевному состоянию других людей... И вплоть до самой встречи с врачом Максимович, созданный талантом артиста, существует в этаком удобнейшем для него, комфортабельнейшем духовном вакууме...

Тем жестче встряска, полученная «героем».

Тем глубже и мораль спектакля, тот нравственный урок, без которого — как бы глубоко ни был он скрыт в любой и остросовременной и в старой, классической пьесе,— не может быть театра, не может быть искусства сцены вообще.

Ленинградский театр оставляет возможность нравственного возрождения для Максимовича... Я слышала, как некоторые зрители, покидая театр после долгих аплодисментов, начинают спорить о судьбах героев.

А разве не для этого и возник на сцене самый разговор о часе пик, заставляющий зрителя задуматься, быть строже и взыскательнее — прежде всего к самому себе...

ХАТА

По хате кот бродил в тоскливой лени,
Лохматые в углах толпились тени,
Старела хата, стала тесновата,
И у нее вдруг народилась хата.

И новую с восторгом принимали,
Ее в кирпич и в шифер пеленали,
По-молодому все в ней обновлялось,
Вот только имя старое осталось.

Пропахшее соломою и глиной,
Черемухой и ягодой калиной,
Поверьями, дымком и тишиною,
Душистым хлебом, миром и войною.

Ее две кровли от грозы и пыли —
Соломенная с шиферной — прикрыли,
И рос теперь я в хате за двойною,
За каменной и глиняной стеною.

И мать моя белила стены ныне
Весенним синим небом Украины.
Но снилась мне в мечте моей крылато
Уже не эта — будущая хата.

* * *

Под ветром южным отошла пурга,
Подтаяли среди зимы снега,
И зажурчала ручейков семья...
И все ж в весну не верила земля.

Туманы шли по всем фронтам зимы,
Чернели всюду склоны и холмы,
Сквозь облака струило солнце медь,
Но травы не решались зеленеть.

И ветви яблонь не тянулись ввысь,
Они терпеньем зимним запаслись,
Чтобы шуметь листвою ясным днем
На той планете, где мы все живем.

Весна еще сверкнет своим лучом,
Надеждою, и солнцем, и теплом,
И за морем прокатится грозой,
И песнею, и всей своей красой.

ДВА ГОРОДА

Накинули плащом два города
Себе на плечи небосклон,
В ночную степь выходят молодо,
Гоня такой ненужный сон.
Их площади
с огнями-гроздьями,
Казалось, тоже обнялись,
И выси молодыми звездами
Для будущих веков зажглись.
И, дымкой легкою повитые,
Льют аромат из темноты
На клумбах площадей
омытые
Ночными росами цветы.
Все ладилось
одной судьбою,
Переполох в душе
затих,
И море
в ласковом прибое
Шумит отныне
для двоих.
Два города с одною думой
Хранят одну и ту же тишь:
Тот,
по которому иду я,
И тот,
в котором
Ты не спишь.

Перевел с украинского
Юрий САЕНКО.

Одесса.

А. ЛЕБЕДЕВ,
действительный член Академии художеств СССР

МАСТЕР ПОРТРЕТА

Е. А. Кацман. АВТОПОРТРЕТ, 1970 год.

«Кацман — какой подвижной, полный святого беспокойства художник!»
Илья Репин.

Евгению Александровичу Кацману восемьдесят лет. Более полувека его кисть и карандаш безраздельно служат народу, строительству коммунизма.

С первых дней Октября и до сегодняшнего дня художник неустанно работает у мольберта.

«Великая Октябрьская революция взволновала художников грандиозностью событий и поставила перед ними великие цели,— говорит Евгений Александрович, вспоминая о далеком времени.— Сразу встал вопрос о том, как же отразить в живописи, скульптуре, графике идеи коммунизма. Кто же художник революции? Что делать? И как делать? Хотелось быть полезным революции». И он становится одним из первых художников, с радостью встретивших бурю Октября. Вся предшествовавшая жизнь готовила его к этому. Сын бедного харьковского ремесленника, он рано узнал невзгоды и голод. Через брата-большевика и его товарищей познакомился с нелегальной литературой, участвовал в ученических забастовках.

В 1918 году художник был избран кандидатом в члены ЦК Всерабиса и являлся председателем первого бюро ИЗО Мосгубрабиса. В 1919 году он сделал для праздничного оформления Красной площади большой портрет Маркса, который был помещен на Кремлевской стене в праздник Первого мая.

Евгения Александровича давно волновала мысль создать портрет В. И. Ленина, которого художник не раз слышал и видел во время выступлений. Но создать портрет вождя при жизни с натуры ему не удалось.

В 1936 году живописец создал в технике пастели замечательное произведение, изображающее Ленина в Мавзолее.

Кацман — портретист. Им создана галерея портретов строителей коммунизма. Если бы можно было разместить и обозреть ее в хронологической последовательности, перед нами раскрылась бы живая и наглядная история нашей страны, предстал бы облик нескольких поколений передовых советских деятелей. На этих портретах, с удивительной правдой передающих облик человека, отличающихся большим сходством, изображены революционеры-большевики, выдающиеся деятели партии и Советского государства, передовые рабочие, колхозники, интеллигенты, воины... Лучшие из этих портретов озарены проникновением художника в глубь характера, они раскрывают внутренний мир человека трудовой и боевой доблести, патриотического подвига.

Одна из важнейших особенностей творческого метода Кацмана-портретиста — работа только с натуры. Художнику не свойственна репортерская быстрота. Он обычно долго рассматривает и изучает человека, о многом с ним переговорит, узнает его жизненный путь, привычки, составит представление о его характере, прежде чем приступит к созданию портрета. Только после многих сеансов рождается произведение, в котором изображение человека перерастает по силе обобщения в образ-тип, где индивидуальное и типическое сливаются воедино.

Одним из наиболее значительных полотен в портретной галерее, созданной живописцем, стал портрет Ф. Э. Дзержинского. Он написан с натуры.

«С бьющимся сердцем шел я к Дзержинскому,— читаем мы в книге воспоминаний Е. А. Кацмана «Записки художника». — Большая, очень большая комната. Прямо против дверей, у самой стены, письменный стол с телефонами, за которыми я и увидел Дзержинского... Мы вдвоем, здороваемся.

По предложению Дзержинского я сажусь около письменного стола.

— Может быть, можно обойтись без портрета, уж очень я занят,— говорит Дзержинский. Он рассматривает меня.

— Ваш портрет необходим для военной выставки. Я постараюсь вас мало беспокоить и поскорее кончить.

Смотрю на утомленное лицо, на совершенно особенные глаза, покрасневшие от бессонницы, но полные внутреннего горения. Вижу, что Дзержинский устал...

По-видимому, Дзержинский заразился моими деловыми переживаниями.

— Хорошо,— говорит он. — Приходите сюда и работайте. Только я тоже все время буду работать... Что нужно, чтобы облегчить вам работу?

— Очень немного, посидите специально для меня.

— Хорошо, я буду вам позировать...»

В течение тринадцати сеансов художник писал портрет Феликса Эдмундовича в его служебном кабинете в ГПУ. Несмотря на огромную занятость, сильное переутомление, Дзержинский не только позировал художнику, но и живо интересовался его работой, разговаривал с ним.

«Однажды,— вспоминает теперь Евгений Александрович,— во время сеанса, откинувшись от письменного стола, глядя на меня, Дзержинский говорит:

— Вы знаете, для меня сегодня такой счастливый день. Мы на Александровском вокзале открыли столовую на тысячу четыреста человек. — И лицо у него стало детски-радостным».

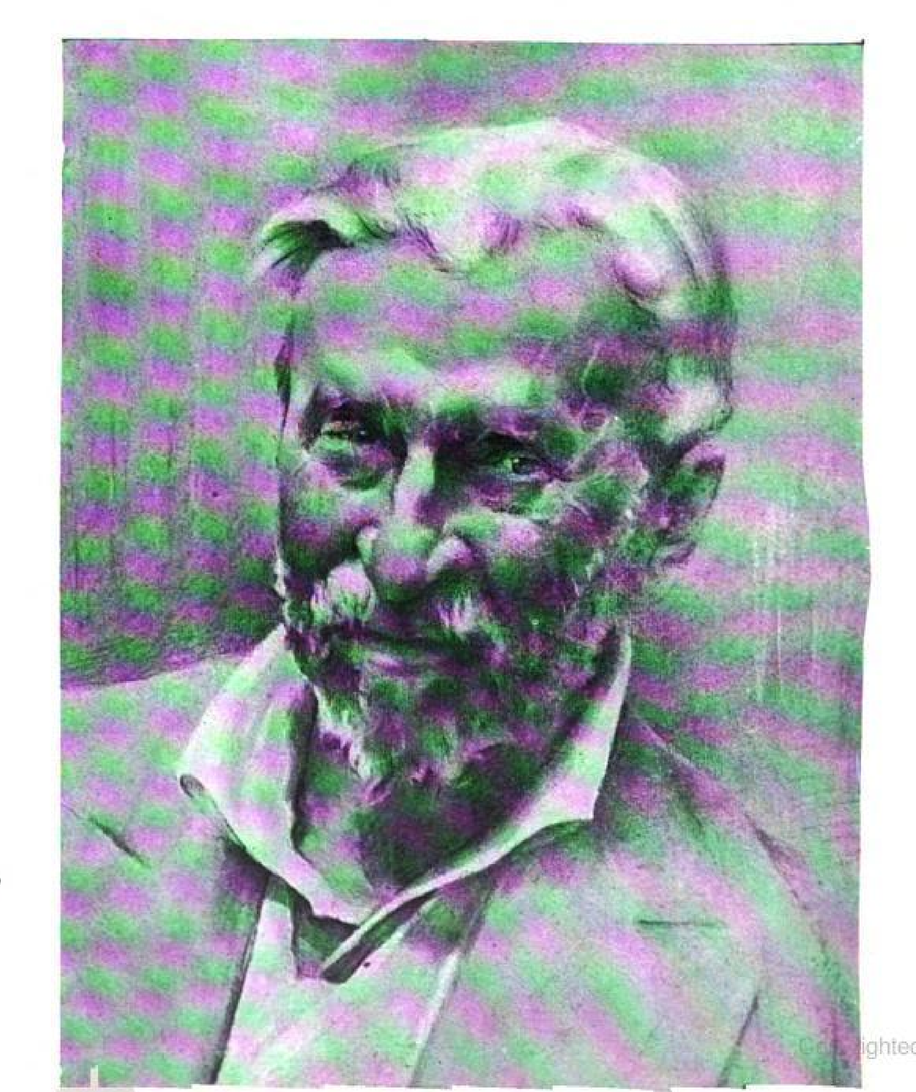
На написанном тогда портрете Феликс Эдмундович изображен сидящим за письменным столом и на мгновение оторвавшим взор от бумаги. Выразительный, полный глубокой мысли взгляд покрасневших, утомленных глаз обращен вперед. Сосредоточенное лицо говорит о сильном характере, железной воле, огромной духовной напряжен-

Е. Кацман. СЛУШАЮТ. СЕЛЬСКАЯ КОМЪЯЧЕЙКА.

Государственный Музей Революции СССР.

На развороте вкладки: КАЛЯЗИНСКИЕ КРУЖЕВНИЦЫ.

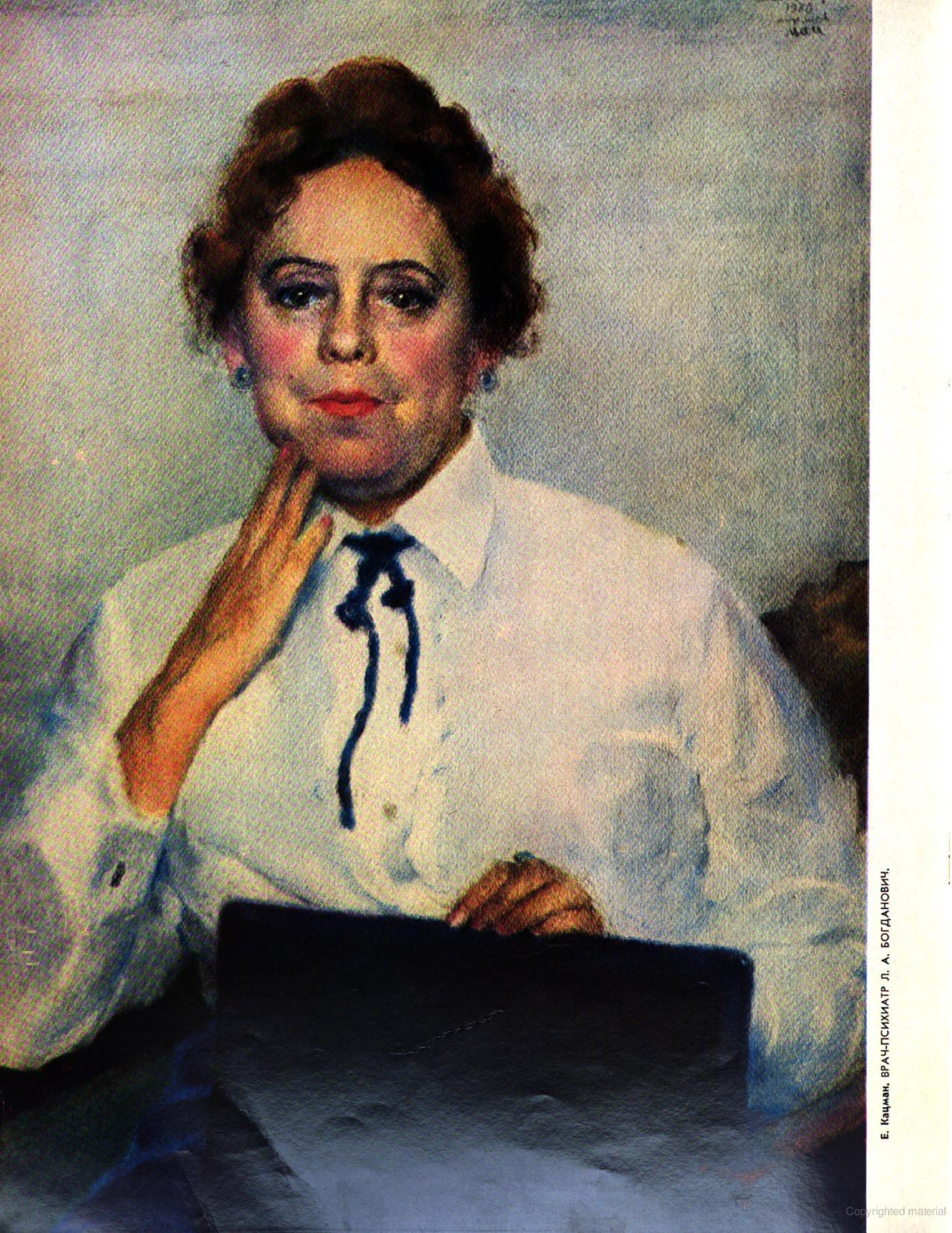
Государственная Третьяковская галерея.

ПОРТРЕТ И. Е. РЕПИНА.

Е. Кацман. ВРАЧ-ПСИХИАТР Л. А. БОГДАНОВИЧ.

ности. В костюме, позе, жесте, во всей скромной до аскетизма обстановке выражаются простота и строгость характера, еще больше подчеркивающие высокую интеллектуальность Дзержинского.

Портрет Ф. Э. Дзержинского исполнен художником в технике масляной живописи. В дальнейшем Евгений Александрович работает преимущественно в технике сангины, цветных карандашей, пастели.

Портрет М. С. Ольминского, исполненный пастелью, поражает глубиной раскрытия характера революционера и заставляет вспомнить тех древних мудрых стариков-патриархов, преисполненных отцовской думы о человеческом благе, которых всегда было немало в русском народе и которых любили, слушали и шли за ними старые и молодые. Благородное лицо, обрамленное мягкими седыми волосами, с легкой, чуть заметной улыбкой на губах, выражает кристальную душевную чистоту, исключительную доброту этого человека, его расположенность к людям. Вместе с тем напряженный взор умных глаз говорит о том, что перед нами не добрейший, всеëлюбящий и всепрощающий, расслабленный интеллигент, а сильный, волевой, твердый, уверенный человек, хорошо знающий свою дорогу, умеющий не только любить, умеющий и ненавидеть.

В те же годы была исполнена мастером, также на основе непосредственной работы с натуры, серия портретов советских военачальников: О. И. Городовикова, С. М. Буденного, В. К. Блюхера, С. С. Каменева, А. И. Егорова, К. Е. Ворошилова и других.

Портрет К. Е. Ворошилова — одно из высших достижений художника. Климент Ефремович, изображенный в рост, стоит уверенный, собранный, подтянутый и смотрит на зрителя открытым, внимательным взором. Лицо и фигура выражают внутреннюю, пружинящую энергию, силу, решительность и в то же время вдумчивость, прозорливость и большую собранность. Тональная живопись, чеканная четкость рисунка, точность пропорций, ясность силуэта, уверенная моделировка формы придают всему произведению черты скульптурной величавости и артистического изящества.

Когда в Москву возвращались челюскинцы, Е. А. Кацман встретил их уже за несколько сот километров от столицы. Так был создан портрет Героя Советского Союза В. С. Молокова. В годы Великой Отечественной войны художник исполнил овеянный романтикой портрет Героя Советского Союза А. Васильева. Затем он выезжает на фронт, где пишет портреты партизан, только что вернувшихся из немецкого тыла.

Еще в первые послереволюционные годы живописец создает значительный образ рабочего. В 1922 году Евгений Александрович увлек за собой группу московских художников и стал работать на Московском чугунолитейном заводе — бывшем Устрийцева, где написал ряд портретов рабочих-литейщиков. В 1931 году им были исполнены групповые портреты рабочих и работниц Коломенского паровозостроительного завода, а в 1935 году — портрет А. Х. Бусыгина. Если сопоставить те ранние портреты рабочих с портретом знатного рабочего Игоря Левашова или портретом Нины Золотовой, члена бригады коммунистического труда автозавода имени Лихачева, написанными Е. А. Кацманом в 1958 и 1959 годах, то бросятся в глаза огромные изменения, происшедшие за минувшие годы в самом облике представителей советского рабочего класса.

«Она,— рассказывает художник о Золотовой,— умна, энергична, скромна, начитанна и, главное, полна душевного здоровья... Она бригадир бригады коммунистического труда... Очень хорошо сказал один писатель: «Раньше мы представляли себе Героя Труда «косая сажень и грудь колесом», а сейчас трудовые подвиги совершают хрупкие девушки и юноши. И в этом сила коммунизма: не отдельные люди, а весь народ совершает трудовые подвиги»... Я стремлюсь сделать прекрасного бригадира бригады коммунистического труда.

Она во время сеанса вдруг делается красавицей, она как бы грезит. О чем? Кто ее знает, но это... состояние я и стремлюсь передать».

Изящество рисунка, гармоничность колорита, построенного на сочетании зеленовато-желтых и голубоватых цветов, грациозность позы — все способствует правдивой передаче тонкого, возвышенного и сложного образа нашего прекрасного современника — строителя коммунизма. Есть в портретной галерее, созданной Кацманом, и представители советского крестьянства — «Слушают. Заседание сельской ячейки», «Председатель комбеда»,— запечатленные в 1925 году. Но особенно много в этой галерее портретов деятелей отечественной культуры и науки. Это писатели и поэты, композиторы и ученые.

Особая страница в творчестве живописца — советские дети. Его пленяет непосредственность, искренность, наивность, увлеченность юного поколения наших граждан, и он хорошо сумел это передать в картинах «Встреча челюскинцев», «Дети на солнце», «Сено убрано», «Умелые руки», «Вести с фронта».

Групповые портреты современников у Евгения Александровича нередко перерастают в жанровую картину, не только запечатлевшую образы советских людей, но и раскрывающую характерные стороны их общественной жизни и быта: «Ходоки у М. И. Калинина», «Калязинские кружевницы», «Чтение Конституции». Умение показать в простом и будничном большое, новое, социалистическое содержание: единство партии и народа, радость социалистического труда — одна из замечательных черт творчества художника. При этом произведения, выполненные с мастерством, всегда ясны, строго передают форму, понятны и доступны самым широким кругам зрителей. Мастерство, художественная завершенность и простота сливаются в них воедино. И все эти качества постоянно совершенствуются в творчестве живописца.

Работы художника 20-х, а отчасти и 30-х годов основывались преимущественно на линейно-пластическом решении. Линия строила контур, а светотень моделировала форму изображаемых предметов, лиц, фигур. Цвет играл подсобную роль. Он обычно наносился сверху на готовый рисунок, подцвечивал, оживлял работу. Художник прибегал в портретных произведениях обычно к нейтральному фону. Человек изображался в условной среде, без предметов и реального окружения. Это наглядно видно на портретах Е. М. Ярославского, М. И. Калинина, М. В. Фрунзе, Д. Бедного и других. Однако упорная, повседневная работа, страстное стремление к совершенствованию художественного языка, к постижению жизненной правды обусловили эволюцию творческой манеры художника. Подчеркнутая линейность и жесткость изображения уступают место более живописной и мягкой трактовке формы. Теперь уже цвет, тон строят форму. Люди изображаются в реальной обстановке, нейтральный фон исчезает. Появляется более глубокое пространство, воздушность. Некоторая скованность и застылость изображаемых фигур и лиц сменяются удивительной естественностью, непосредственностью поз, жестов, выражений лица. Статика образов преодолевается, уступая место покоряющей жизненной трепетности передачи натуры, как, например, в портрете Нины Золотовой или портрете врача-психиатра Л. А. Богданович.

Живописец работает с жадностью, азартом, вдохновением, волнуется, переживает, напряженно ищет лучших решений. Ему не свойственна самоуверенность. Часто взыскательный мастер меняет начатое, исправляет, а то и по многу раз возвращается к одной и той же модели, создавая на протяжении лет несколько портретов одного и того же человека, стремясь к более выразительной характеристике жеста, позы, лица.

Евгений Александрович — один из организаторов и руководителей Ассоциации художников революционной России (АХРР), сыгравшей роль в развитии советского изобразительного искусства. АХРР сплотила передовые, реалистические художественные силы для правдивого изображения победоносного революционного преобразования страны, раскрытия героики советской жизни, показа строителей социализма.

В 1926 году по инициативе И. И. Бродского, при содействии А. В. Луначарского состоялась поездка советских художников — Е. А. Кацмана, И. И. Бродского, П. А. Радимова, А. В. Григорьева в Пенаты к И. Е. Репину. Тогда Пенаты находились на территории, принадлежавшей Финляндии. Группе советских художников-ахрровцев было поручено ознакомить великого русского художника с жизнью и достижениями Советского Союза, пригласить его вернуться на Родину и оказать ему материальную помощь. Эта встреча упрочила связи великого реалиста с Родиной, способствовала дальнейшему утверждению и развитию в советском искусстве традиций гениального Репина, популяризации его творчества. И сам Илья Ефимович говорил тогда: «Этот день исторический, счастливый день в моей жизни...»

...Окончив перед революцией Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где его учителями были такие замечательные реалисты, как А. Е. Архипов, С. В. Малютин, А. М. Васнецов и К. А. Коровин, Евгений Александрович сознательно стремится продолжать и развивать традиции реализма, в первую очередь традиции великой русской реалистической школы XIX—XX веков. Еще на студенческой скамье он выступил как страстный противник антиреалистических, модернистских направлений в искусстве, рассматривая их как выражение деградации буржуазного общества. С тех пор на протяжении многих лет художник неустанно выступает против упадочного буржуазного искусства и его влияния на творчество отдельных советских художников. В этой смелой и принципиальной борьбе он проявил себя как страстный трибун и пропагандист советского изобразительного искусства, яркий полемист, напористый боец за позиции жизненной правды в искусстве.

Е. А. Кацман — участник многих крупнейших художественных выставок в нашей стране и выставок советского искусства за границей: в Италии, Англии, Швеции, Дании, Польше, США... Его работы находятся в Третьяковской галерее, Музее В. И. Ленина, Центральном музее Советской Армии, Музее Революции СССР и других. И повсюду они свидетельствуют о крепчайшей связи творчества этого художника с советской действительностью, звучат гимном в честь строителей социализма.

Восемьдесят лет — возраст немалый... Но Евгений Александрович Кацман, народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР, все еще по-юношески живой и деятельный человек. Трудно найти кого-либо более подвижного и увлекающегося, чем 80-летний Кацман, когда речь идет о мероприятиях общественной и художественной жизни. Если организуется поездка художников для работы на заводы, в колхозы, проводится ли юбилей И. К. Айвазовского в Феодосии, отмечается ли 125-летие И. Е. Репина в Пенатах или открывается выставка живописи в Ногинске — одним из первых и с большим энтузиазмом туда едет Евгений Александрович. Он наделен редкой энергией, поразительной любознательностью, читает горы книг, газет и журналов, живо комментирует прочитанное, не пропускает ни одной художественной выставки, выступает на дискуссиях, творческих конференциях, собраниях, обсуждениях работ своих коллег. С огромной заинтересованностью он отмечает новые таланты, радуется появлению каждого значительного художественного произведения. Когда речь заходит о судьбах советского искусства, Евгений Александрович особенно загорается и темпераментно участвует в обсуждении поднятых вопросов, высказывая интересные и оригинальные мысли, защищая принципы реализма и прежде всего социалистического реализма.

Его характеру не свойственны пассивность, равнодушие, спокойствие. Он горячо откликается на события жизни, горит, бурлит, полон инициативы и творческих планов. Нет, обычное понятие «старость» к Евгению Кацману неприменимо.

Степ
Степа

Михаил ГОДЕНКО

Впереди медленно плыли четыре склоненных, обшитых золотой бахромой знамени. По их кумачу текли вниз черные ручейки муаровых лент.

За знаменами — четыре малиновых подушечки. На первой прикреплен орден Ленина, на второй — орден Красного Знамени, за ним — Красной Звезды и дальше, на четвертой,— четыре медали с разноцветными лентами на единой колодке.

Чуть отступя, покачивалась темно-вишневая крышка гроба с черной бахромой по верхней кромке.

За крышкой двигался длинный гроб. В гробу — он, Степан Степанович. Стриженая голова, иссиня-белое лицо, такого же цвета кисти рук. Они большие, тяжелые, но выглядят легкими. Гроб Степана Степановича подпирали плечами шестеро крупных мужчин. Все они почти одинакового роста. Шли слаженно. Гроб возвышался над плотным потоком людей.

Идти было трудно. Стояла непролазная февральская грязь. Раскисшая предвесенняя земля засасывала, рвала сапоги с ног. Над головами быстро проносились жидкие тучи, роняя студеную морось на плечи людей, на деревья, заборы, черепичные крыши.

Приглушенно стонал духовой оркестр. Когда он утихал, слышались грудные причитания матери, высокие, резкие вскрики жены. Шумно плакала, повисая на руках подруг, сестра умершего — Мотря. Плакал Ваня, одиннадцатилетний сын Степана Степановича. В лице Вани с удивительной точностью повторились черты отца.

Не плакал только брат Степана Степановича, рослый, с темным, обветренным лицом молодой мужчина в стеганке. Он шел вплотную за гробом, держа фуражку в правой руке.

Проводить Степана Степановича вышло почти все село.

* * *

Мы с ним увиделись года три назад, когда я впервые после долгого перерыва приехал в родное село. Познакомились как-то в воскресенье в Доме культуры за партией домино. Игра велась «на мусор» или «навылет»: проигравшая пара уходила из-за стола, уступая место стоящей на очереди. Мы сели вместе. Поняли друг друга, что называется, с первого хода. По его энергичным движениям, по возбужденному лицу я видел, когда «играет» он, и старался не «брать на себя», а просто подыгрывать. В каком-либо другом заходе, почувствовав мою напористость, он не перехватывал инициативы, «работал на меня». Мы выигрывали партию за партией легко, шутя. Он подтрунивал над противником:

— Не трать, куме, силы, сидай на дно!

Я смотрел на его воскового цвета лицо, на испарину, что выступала над тонкими бровями, видел, как часто он, прикладывая платок ко рту, глухо покашливает, и удивлялся: откуда у него столько азарта, энергии?

В начале новой партии он, улыбаясь, спрашивал:

— Хлопцы, а капустой запаслись?

Это значило: быть вам козлами.

Когда его хвалили, он отводил похвалу в мою сторону:

— Я с моряком играю. А моряки поражений не знают. Так, Балтика?!

Кстати сказать, я уже был человеком, что называется, сухопутным, демобилизовался еще в первый послевоенный год, но это сейчас не имело значения.

Виделись мы только по воскресеньям. В понедельник утром он уезжал автобусом или попутной машиной в город. Работал на заводе, в отделе кадров.

Было у него два желания: построить хату и купить машину, хотя бы «Москвич». Хата нужна до зарезу, потому что жить у тестя — дело нелегкое. Машина тоже нужна: каждый вечер ездил бы домой, всего ведь восемнадцать километров.

Строить хату — дело хлопотное.

Но к осени селяне любовались его хатой:

— Стоит, як квиточка!

Он отшучивался:

— Хороша хата, да малы дверчата.

А хата была такой, как и многие в селе. Внутренняя сторона стены — саманная, наружная — кирпичная, в один кирпич. Окна и двери обрамлены выступающим кирпичным карнизом. Правда, хата Степана Степановича была какой-то особенно веселой. Веселость эту придавали ей окна размера чуть большего, чем обычные, шиферная белая крыша да крашенные в голубое рамы, двери и причелок. Хата чисто побелена, карнизы вокруг окон подведены синькой.

Злые языки пытались навести тень на его

АН

НОВИЧ

Рассказ

Рисунок И. МИХАЙЛИНА.

плетень. Где, мол, столько денег взял человек. Но все это напрасно. Он по инвалидности получает немало: майор ведь. Да зарплата. Жена его в суде секретарем работает, тоже кое-что получает. У матери Степана Степановича сад что лес. Яблок — возами вози. Продавала, добавляла. Она одинокой живет. Муж давно ее бросил. Из-за этого Степан Степанович и в ссоре со своим отцом. Но все-таки, когда строилась хата, отец приходил, помогал: рыл траншею под фундамент, глину месил, саман носил. Тут и теща, тут и тесть. Словом, сообща поставили хату. Так что зря балакают...

* * *

Во второй раз мы с ним встретились в начале лета, когда цвели белые акации. Я был в отпуску. Он тоже не работал: нездоровилось.

Однажды вечером сидели на крыльце его нового дома. Сквозь деревья сада пробивались золотые иглы предзакатного солнца, прямо перед нами зеленели слабые лозы винограда, слева, с соседнего двора, слышно было, как теща Степана Степановича писклявым голоском созывает кур.

Сидели молча. Он тяжело, хрипловато дышал. Вдруг, вспомнив что-то, ударил широкой, белой ладонью по острому колену.

— Пойдем завтра по рыбу?! Ты знаешь, яки коропа ходят в ставку? Як поросята! Га?

До этого молчаливый, уставший, он совершенно преобразился. Лицо заулыбалось, глаза засветились. Совсем другим стал Степан Степанович.

На рассвете, прихватив с собой хлеба, сала и зеленого луку, мы торопились, малоразговорчивые, позевывая, к ставку. За лесной полосой с возвышенности он открылся вдруг весь. В его темноватой спокойной воде отражались розовые, перистые, очень высокие облака да нависающие над ним громадные дикие камни противоположного берега. Было тихо-тихо. Вдруг вода закипела, пошли всплески. Я думал, ветер налетел. А Степан Степанович не обманулся, он понял: то коропы играют, улов будет. От волнения стиснув зубы так, что на скулах выступили белые желваки, он заторопился, разматывая на ходу белую волосяную леску. Потом снял зачем-то рубашку, остался в синей выгоревшей майке. На руках его не то от волнения, не то от прохлады выступили крупные пупырышки-сироты. Его состояние передалось и мне. Я поспешно отщипнул теста, покатал его в пальцах, посадил катышек на крючок, поплевал на него, как положено истинному рыболову, и закинул в воду, шепча про себя: «Ловись, рыбка, маленька и велика!»

Но пыл мой вскоре пропал. Коропы играли, а клеву не было. Я начал было болтать, но он посмотрел на меня такими глазами, что я осекся на полуслове. Зло махнув рукой, он процедил сквозь зубы:

— Иди куда-нибудь подальше. Не мозоль мои очи!

Подложив под себя рубашку, Степан Степанович поудобней уселся на серо-желтом камне, ссутулился над удочкой. Большие острые его лопатки резко выпирали из-под майки.

* * *

Каждая встреча проходила по-новому.

В этот раз я приехал в начале февраля. Первое, что услышал, было:

— Друг твой совсем никудышный.

В этих словах чувствовались боль и участие. Все, с кем бы я ни говорил, жалели Степана Степановича, вздыхали и непременно ругали «перевалку»:

— Она его угробила. Надо же было с ней связываться?!

«Перевалка» — перевалочный пункт. Находится километрах в пяти от села. Вниз по течению реки стоит зеленый хутор. Возле этого хутора раскинулись поливные огороды. Тут, на хуторе, заводские рабкоопы держат своего человека. Он принимает капусту, баклажаны, морковку. Отправляет их в город. Дело, конечно, не сложное, но хлопотливое. Иногда приходится дежурить сутками, ночевать на топчане в хатке-землянке. И не выспишься как следует и не поешь вовремя. Здоровому человеку что! А Степана Степановича подкосило...

Во дворе стоял «Москвичок» старого выпуска. На передних крыльях вмятины, ржавые царапины. Хромированные планки облицовки были местами обломаны. Ваня, открыв правую крышку капота, протирал синей тряпкой двигатель. Я заглянул через его плечо в мотор и подумал: «М-да, не золото... Ну, аллах с ней, все-таки машина! Расстраивать хозяина своими замечаниями не буду».

Он лежал на низкой кровати в новой штапельной пижаме. Лицо у него очень желтое, чуть отечное. Длинные ноги в простых коричневых носках подняты высоко, под них чего-то намостили.

Мать Степана Степановича, худая, легкая в движениях женщина с темным морщинистым лицом, пригласив меня сесть, поспешила на кухню, чтобы не мешать мужской беседе.

Ему было трудно говорить, но, опередив меня, он спросил о машине:

— Видел?

— Так, вскользь...

— Не хитри. Агрегат слабый. Но я из него часы сделаю... Подняться бы! Оцэй февраль, оцэй туман пережить бы!..

Со мной он всегда старался говорить порусски. Когда бывал спокоен, это не составляло труда. Когда же возбуждался, переходил на украинский или сыпал вперемежку.

Тяжело выдыхая каждую фразу, рассказывал:

— Лежал в Мелитополе, в госпитале, два месяца. Госпиталь специально наш: для помятых на фронтах... С разных краев хлопцы. Разные хлопцы. Морфиниста видел... Влез он в окно аптеки — обокрал ее: ампулы взял. При мне впрыснул морфий. Шприц при себе носит. Веселый стал, бедолага, як наче заново родился. Каже, вы, дураки, мучаетесь, а я не хочу... Похоронили его... Многих похоронили... Тоска!.. Дал жинке телеграмму: забери! Лучше дома... Приехала вот этой машиной.— Он кивнул за окно, во двор.— А за рулем Ваня. Понял, Ваня! — Степан Степанович даже на локтях приподнялся, лицо его оживилось. Заметно было, что он гордится сыном.— Я его еще летом натаскал, когда ездили на «перевалку». Ходить я совсем не мог: ноги распухли колодами. Врач говорит, палочки уже в кровь попали, в почки попали — оттого и отеки. Ото ввалюсь в машину на заднее сиденье... Ваня, говорю, на хутор!..

Я почти выкрикнул:

— Дался тебе этот хутор!

— А ты бы усидел?.. Нет, хлопец, все мы, солдаты, такие. Скажешь, еще якийсь бы год прожил?

И сам себе в ответ слабо махнул рукой, не поднимая ее, одной кистью.

— Возьмешь паспорт от машины, купишь мне резину. В Москве, говорят, дают. Совсем разутые колеса. Скаты до ниток протерты. Да, еще лодку привезешь, надувную, чуешь? Я тут натрапил на один ставок... Ой-ой-ой!.. Рыбы — греби лопатами!..

Вошла, громко поздоровавшись, жена Степана Степановича Вера Николаевна. Включила свет.

— Что в темноте?

Глазам стало больно. Он жмурился, отворачивал лицо к стене. Она потерла щеки ладонями, забросив за уши выбившиеся пряди волос. Отколола, опять уложила косу калачиком, прихватила ее шпильками. Улыбнулась. Ей, похоже, нравилось, что муж сегодня такой оживленный. Видимо, подумала, что это я его так растормошил, потому посмотрела на меня с благодарностью. Взгляд задержался на мне дольше обычного. Но это, может быть, мне только показалось. Мужчинам, особенно в моем возрасте, всегда кажется, что женщины смотрят на них как-то по-особому.

В середине февраля туманы стали тяжелее. Степан Степанович ничего не ел, трудно дышал. Мы закутали его в одеяла и на носилках отнесли в больницу.

В палате он мне сказал:

— Надувная лодка, бачишь, не потребуется...

И, не дав возразить, добавил:

— Три дня осталось... Не могу так больше и не хочу!

С этих пор жена уже не отходила от него ни на шаг.

* * *

Он когда-то много рассказывал о фронте, о друзьях своих, о боях, в которых пришлось участвовать. Особенно запомнилась одна атака.

...Он сам не помнит, что с ним, куда бежит, зачем? Знает одно: надо бежать. Какая-то могучая сила заставила опереться на прочный выступ, выдолбленный в глиняной стене окопа, подбросила над бруствером, поставила во весь рост. Он выхватил из кобуры наган и, не оглядываясь, успел заметить, как, горбясь, словно падая вперед головой, его солдаты выпрыгивали из окопов — вся рота, взвод за взводом, отделение за отделением, боец за бойцом. Все произошло в какие-то секунды, но ему показалось, что рота поднимается неимоверно долго, так долго, что задохнуться можно в ожидании.

И он побежал. Он угадал подсознательно, что вот именно сейчас и есть тот момент, когда необходимо вскочить на ноги и бежать. До этого и после — было невозможно.

Он чувствовал, как горячо дышат и слева

Степан ЩИПАЧЕВ

Из дневника

ДЕНЬ

Еще не завтракал.
Писалось.
Не знаю, так ли хороша,
но с кончика карандаша
строка к строке
сама бросалась.
Пускай в одном размере строфы,
пускай, лишь плавно б речь текла.
Они, как полевые тропы,
где солнечная полумгла,
где всё — и четверги, и среды,
и прочие теснятся дни.
Раздумий беглые заметы
перебираю. Вот они.
Россия за века привыкла
к штормам двенадцати морей
и, знамя трудовое выткав,
пошла под ним лицом к заре.
Я вижу лет минувших чащи
и к будущему перевал...
Строфе расшатанной все чаще
я предпочтенье отдавал.
Но как-то вышло:
глянул,
снова
привычно тянет лемеха
к знакомой пахоте стиха,
добро — стиха не прописного.

* * *

Иду.
Прогулка много значит,
когда несешь бессменный труд.
Минул погодинскую дачу,
а там — плотина, сонный пруд.
Сияет молодое лето
со знаком солнца на челе.
Проходят дни за днями следом.
Пройдет и этот в том числе.
Но он в росе еще: не допил
ее с тычинок, лепестков.
Пусть кто-то этот день торопит,
взбираться солнцу нелегко.
Оно, лучами все заполнив,
по круче неба золотой
взберется, знаю, только в полдень
к сверкающей вершине той,
где дух переведет немного —
хоть от жары в глазах красно —
и дальше
хоженой дорогой
пойдет светить.
Для всех одно.
О солнце! Тронь мои седины
с той неподкупной высоты!
Народы все семьей единой —
завидую! — увидишь ты.

Сегодня людно. Воскресенье
уже вошло в свои права.
Плотину многоглавой тенью
пересекают дерева.
Склонились вербы. Дальше клены
да и дубы теснятся в ряд,
а между ними просветленно
на воду домики глядят.
Напротив — пляж, вернее, пляжик.
Там женский визг и плеск воды.
Воображение доскажет,
какие на песке следы.
Святое лета откровенье,
его истомы сладкий плен,
где мини-юбочки в мгновенье
спадают с девичьих колен.

Деревня. Пыльная дорога
уводит к лесу прямиком
той улочкою неширокой,
где каждый домик мне знаком,
где на меня и псы не лают,
труся немножко стороной,
а если лают, то желают
побыть в компании со мной.
Один несмело позади
с подбитой лапой ковыляет,
похоже, из породы лаек
с подпалинкою на груди.
В моих глазах теплеет жалость,
и с лаской тянется рука,
чтоб им от радости визжалось,
а не от палки и пинка.

и справа. Он слышал, как гулко гупают сапоги по твердой, чуть заметенной снегом, сдавленной морозом луговине. Он видел пучки огня, еле заметные синие пучки вражеских пулеметов. Они неумолимо приближались, покачиваясь, летели ему навстречу.

Он, замполит, поднял роту сам. Решение пришло неожиданно и быстро, как только донеслось с фланга, где находился командир: «Капитана Семнгорова убило!» Это и был для него сигнал к атаке. Он понял, что если сейчас не поднять людей, не кинуть их, разгоряченных, вперед, может произойти непоправимое. Весть о гибели командира обойдет окопы, обдаст холодом, надломит у иных волю, спугнет уверенность. И он подал сигнал к атаке.

Он почувствовал: пуля прошила грудь навылет. Холодом вошла выше соска и горяче вырвалась под правой лопаткой. Вскинутая вверх рука с наганом вмиг занедужила, упала вдоль тела. Он перебросил наган в левую руку. Вот уже прыгают его бойцы в окопы первой линии обороны противника, словно проваливаясь сквозь землю, вот уже утихают выстрелы. И только человеческие голоса слышны, хрипловатые, отдаленные голоса.

Тело его сделалось легким и неощутимым. Споткнувшись, упал на колени, боднул головой землю, перевернулся, откинулся навзничь. Шинель распахнулась — полы вразлет. Коченеющими руками сгребал тощий снежок, смешанный с землей и сухими былками травы, подгребал к себе, пытался нагрести на грудь, на то место, где щемило и жгло.

Его подобрали только утром. Подобрали не санитары, а уже солдаты похоронной команды. И удивились: «Живой!..»

Долго кочевал по госпиталям и выздоравливающим командам. Поставили на ноги, даже в строй поставили. Казалось, все хорошо, все по-прежнему. Только нет. Кашлять он начал с тех пор.

* * *

Бывает, люди, болея, могут бредить, терять сознание, не узнавать родных. Но перед самой кончиной приходит успокоение, рассудок проясняется, речь становится внятной, ровной, уходящий зовет к себе близких, прощается и завещает.

Об этом я думал, стоя в совсем изменившейся комнате Степана Степановича. Кровать и стулья вынесены, овальное зеркало, висящее в простенке, и зеркальная дверца шкафа завешены темной тканью. На сдвинутых двух столах, головой в угол, как бы перечеркивая своим длинным телом комнату, лежал он. В изголовье стояла ветвистая темно-зеленая роза. В комнате было холодно, неуютно.

По правую руку от покойного сидела мать. Склонившись над ним, она вслух рассказывала кому-то о сыне, о своей любви к нему, о своей печали. Женщины шумно всхлипывали, слушая ее.

Вера Николаевна стояла с другой стороны, положив ладони на голову Вани. Она пока не плакала. Большое горе, как видно, не сразу доходит. Еще сегодня утром Степан Степанович говорил с ней. Она еле расслышала, вернее, поняла по губам его слова:

— Прости... Не жила ты со мной, а мучилась...

— Не треба, Степа, не треба, любый, не говори так!

Он забылся. Потом силился позвать:

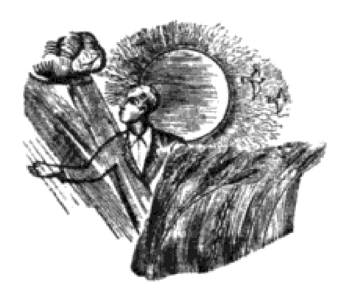
— Ваня... Вань...

В прихожей, немного в стороне от людей, закрыв лицо ладонями, стояла теща Степана Степановича. Шепотом разговаривали соседки.

Во дворе собирались музыканты. Их белые трубы холодно поблескивали в свете серого дождливого дня. Эти инструменты привез из Запорожья сам Степан Степанович, когда еще был председателем сельсовета.

На высоком кирпичном крыльце стоял, опираясь на палку с резиновым набалдашником, директор Дома культуры. Серая его фуражка была скомкана и засунута в карман короткого полупальто. Прядь светловатых волос свисала на ухо. Крупные капли падали с этой пряди на рыжий цигейковый воротник. На левой руке его тускло краснела траурная повязка.

ЛЕТНИЙ

Гравюры на дереве
Ю. КОСМЫНИНА.

* * *

Все лес и лес.
Вдыхаю свежесть,
понять пытаюсь тишину.
Местами лес уже разрежен,
местами вводит в гущину,
где пресновата, сладковата
земли грибная духота.
То снова — сосны в два обхвата,
то снова — елей теснота,
что не таят свои приметы:
зелено-темные на вид,
они похожи на ракеты,
нацелившиеся в зенит.
Вдруг донесется издалёка
гармошки всхлип и голоса.
Дышу свободно, воздух легок.
Куда иду — не знаю сам.
Есть в шишках солнечная сухость.
Я поднял, разломил одну.
Чуть-чуть доносится до слуха:
как будто трогают струну.
То чуткий ветер ходит в соснах,
перебирая их едва.
Он слышен мне, но не осознан.

Поляна. Смятая трава.
Тут поневоле жёлчным станешь.
Где целый мир сверкал в росе,
лежат консервные жестянки,
клочки засаленных газет,
бутылки, головы селедок.
Похоже, тут в полдневный зной,
кто на подъем бывает легок,
сидел с дружками в выходной.
До злости больно за природу.
Кричу в стихах. Но что стихи!
Проймешь ли ими тех уродов,
что к красоте земной глухи.
А красота — она наивна.
И можно ли —
в лугах, в лесах —
вот так ее...
Она под ливнем,
как женское лицо в слезах.
Пускай на всех меридианах
росинкой каждою с куста
и каждой каплей океана
сияет людям чистота.

* * *

Несчетно в мире мест нездешних.
Поди узнай, где их конец.
Почтовый ящик, как скворешник,
хранит тепло людских сердец.
Все знают почтальона Лиду.
Как ни увидишь, все спешит.
Вот и сегодня у калиток
велосипед ее шуршит.

Прочел письмо. Конверт потрогал.
Взглянул в окно на свой забор.
Пылит нагретая дорога,
моя соседка с давних пор.
Она березам белотелым
соляркой черною чадит,
раскрытых окон не щадит.
Соседства лучшего б хотелось.
Но это к слову. Что об этом!
Не для того пишу дневник...
Тянусь к сегодняшним газетам.
Глазами к полосе приник.
Скользнул по рубрике
последних
событий прожитого дня,
но от забот колхозных
летних
они не отвлекли меня.
Уж между строчек ходят тени,
и не поднять от них лица.
Плывет на зное ржи цветенье,
его душистая пыльца.
Волнами катится пшеница,
под теплым ветром шелестит.
Она еще не золотится —
ее июль позолотит.
Там будет все в свой срок
не крайний:
и над хлебами облака
и краснобокие комбайны
из голубого далека.

Еще не стал русоволосым
чуть оперившийся овес.
Не у него ль, как в горле слезы,
роса студеная от звезд?
И кукурузе не годится
робеть: пусть в полный рост
встает,
чтоб можно было заблудиться
в зеленых сумерках ее.
В траве цикады, как в припадке.
Звенит и воздух и трава.
Стручки гороха — их лопатки —
еще наметились едва.
Сады сосут земные соки,
и соки солнца пьют они...
Газетные сухие строки,
не скрою, сердцу не сродни.
И я порой хулю газеты,
да их и есть за что хулить.
Сегодня ж говорю: не сетуй!
С них веет аромат земли.

Вошла жена. На стол накрыли.
Зевнула дверь. Мелькнул порог...
Поэзия имеет крылья,
и я ищу крылатых строк.
Мне душу дни не обокрали.
Слова не меркнут на губах.
Опять родное Зауралье
меня зовет бродить в хлебах.

Переделкино.

Из открытой двери донесся выкрик матери:

— Ой, та як же тяжко отвыкать, ой, та як же тяжко привыкать!..

Медленно и тихо зазвучали трубы. Конюх успокаивал, держа под уздцы двух дрожащих всем телом серых лошадок, которые были запряжены в дроги. Дроги — на всякий случай.

* * *

В передней и светлице поставлены столы, покрытые разномастными клеенками. За столами — человек сорок да еще столько же теснилось в сенях и топталось во дворе, дожидаясь своей очереди, чтобы помянуть покойного.

Закусывали молча. Разговор начался только после третьей рюмки. Отец Степана Степановича сидел на красном месте. Он пил, но тарелка холодца перед ним стояла нетронутой. И вот он поднялся, вытер ладонью рыжие снизу усы и, трудно дыша, попросил тишины:

— Сказать хочу... Написал мне Степа с позиций, когда первую награду получил. Первое письмо написал. До этого в раздоре мы с ним жили. Писал: получил я орден и тебя, батько, вспомнил. Хоть какой ты ни на есть, а все-таки батько!.. И учил ты меня, вспоминаю, по-простому: то налыгачем, то чересседельником. Да я и не обижаюсь. Бачишь, выучил. Человеком я стал. Стыдиться за сына не будешь.— Отец всхлипнул, жестким пальцем снял слезу со щеки, продолжал: — А мне те слова будто червоный уголь в душу! Бросил же я вас, сынков, еще подростками. Мать выкохала вас, в люди вывела, не я. Нема у меня радости, нема!..— Он уронил маленькую белую голову на большой черный кулак.

Совершенно по-новому посмотрели люди на этого всегда беспечного, беспутного человека. Никто никогда не подозревал в нем ни сердца, ни души. Только смерть сына заставила его открыться.

Я шел с поминок домой. Накрапывал дождь, но мне было жарко. Расстегнул фуфайку. Шел наклонясь. Но видел перед собой не раскисшую дорогу, а совсем другое.

...Вот яма, не в меру глубокая, не в меру длинная. На дне ямы, в противоположной стороне, виднеется угол старого полуистлевшего гроба. Рядом с ямой, на земле, подзелененной робкой травкой, на носилках с шестью высокими ножками, в цветах лежит он. У изголовья знамена. Подушечки с наградами положены по бокам, на бумажные цветы. Говорили речи, подолгу подыскивая слова. Звучал гимн. Пять охотничьих ружей двумя залпами грохнули в сырое небо. Через головы людей ветер нес обгорелые пыжи, почувствовалась кисловатая гарь.

Казалось, яма сама по себе, а он, Степан Степанович, сам по себе. Она где-то там, а он с нами: мы видим его, говорим о нем, думаем о нем. Он не дышит, не двигается, но все равно участвует в нашей жизни.

Но вот заколотили крышку. Подвели под низ гроба веревки. Люди еще плотнее сгрудились у ямы.

Зачем его туда? Почему так жестоко?

Казалось, гроб опускали не по воле людей.

Молодица, стоявшая сзади Веры Николаевны, оттянула черный барашковый воротник ее пальто и высыпала за шею горсть могильной глины: обычай. Это чтобы вдова не так убивалась.

Мать из последних сил закричала, обращаясь к похороненному сыну:

— Ой, та на шо ж тоби така тэмна хата?!.

Этот крик стоит в ушах моих. Но, кроме него, я слышу тихие, спокойные слова головы сельсовета, сказанные в час прощания:

— Война его убила... Он был солдатом. Знал холод, знал голод. Там он заболел, в сыром окопе... Пулей его не взяла, так недугом извела, через столько лет доконала...

Не хотелось верить, что это именно война протянула свою холодную руку сюда, в этот дождливый февраль, и взяла моего друга.

Я думаю о Степане Степановиче. Вижу: сидит он на серо-желтом камне, склонясь над удочкой, из-под синей, выгоревшей добела майки выпирают его большие, острые лопатки.

Владимир БОЛЬШАКОВ

Средних лет человек в ермолке с глубоко запавшими глазами фанатика позирует в окне нью-йоркской синагоги, что расположена напротив здания советского представительства при ООН. На стене ее надпись на иврите и на английском:

«Услышь плач угнетенных» (псалом 102—21). И только на английском: «Еврейская община в Советском Союзе».

Этот снимок появился в американском журнале «Лук» 29 ноября 1966 года вместе со статьей «Время евреев России истекает». Человек в ермолке — махровый сионист, американский раввин Артур Шнейер — был ее автором. Статью в «Луке» он составил по тому же принципу, что и надпись на стене своей синагоги: цитаты из библии вполне уживались у Шнейера с привычными антисоветскими штампами и обычным сионистским витийствованием по поводу «антисемитизма» в Советском Союзе и «насильственной ассимиляции». Я, наверное, не вспомнил бы о статье Шнейера, как не хотели вспоминать о нем самом люди, чьим доверием он злоупотребил, находясь в Советском Союзе, если бы не одна деталь. «Меня привела в Россию,— писал Шнейер, обращаясь к советским гражданам еврейского происхождения,— забота о моих братьях-евреях. Мы, евреи,— одно тело, одна душа. Когда вы смеетесь, смеемся и мы. Когда вы плачете, плачем и мы. Вы не забыты. Вы не покинуты. Каждый еврей ответствен за своего брата. Будьте сильными, и будем укреплять силу друг друга...»

щин лежали у дороги, дымились разрушенные бомбами госпитали и крестьянские хижины, мечети и церкви. Все это, почти до мельчайших деталей, напоминало то, что происходило во Вьетнаме, и хронику времен второй мировой войны. Разве что у гитлеровцев не было напалма. Но почерк был тот же.

Иерусалимский комментатор тоном, не терпящим возражения, вещал:

«Израиль нуждается в рабочих руках, которые могут заменить мобилизованных членов сельских поселений, промышленных предприятий, административных учреждений. Добровольцы, желающие ехать в Израиль, должны быть готовы выполнить любую работу, куда бы их ни послали, в течение по крайней мере четырех месяцев...»

Параллели напрашивались сами собой. Библейские формулировки американского рабби Шнейера стали в передаче «Голос Израиля» политическими формулировками, а сентенция пророка Самуила — «будем укреплять силу друг друга» — приглашением к пособничеству израильской агрессии. С тех пор не раз на всех языках звучало и звучит в эфире это приглашение.

И по сей день с неизменными антисоветскими заклинаниями сионистские бонзы созывают евреев со всего мира на кровавый шабаш агрессии.

На этом пиру в жертву империалистическому Молоху, единственному богу, на которого всегда молились сионисты, отдают пушечное мясо для новых территориальных захватов во имя создания «Великого Израиля» от Нила до Евфрата. Ради этого — а вовсе не из религиозных чувств и не от любви к своим «братьям по крови» — приглашают евреев со всего мира в капиталистический Израиль. На каждого еврея, независимо от его убеждений, от того, в какой стране он живет, фюреры современного сионизма хотят взвалить ответственность за совершенные ими преступления на Ближнем Востоке. И все это делается под прикрытием иудейских афоризмов вроде того, что «евреи — одно тело, одна душа» и «каждый еврей ответствен за своего брата».

Этот снимок был сделан совсем недавно в Газе. Так израильские захватчики хозяйничают на чужих землях.

Фото ЮПИ.

ФАРИСЕЙСТВО НА К

Прошло немногим более полугода, и я вновь услышал разглагольствования об «общности евреев» — на этот раз в передаче «Голос Израиля», вещавшего на русском языке.

«Никогда все евреи, под влиянием каких бы различий в культурных, экономических, социальных, политических условиях они ни находились,— слышался голос иерусалимского диктора,— старые, молодые, богатые и бедные, не ощущали так сильно связь с Израилем, центром, к которому тяготеют все народные сердца и который всех их объединяет и роднит».

Это было 17 июня 1967 года. Едва минула неделя, как Совет Безопасности, осудив израильскую агрессию против арабских стран, добился прекращения огня на Ближнем Востоке. Но война не закончилась. Израильская военщина, опьяненная удачей блицкрига, готовилась к новым авантюрам. Уже были отданы приказы о строительстве военных поселений на захваченных у арабов землях. Уже появились в раскаленной пустыне первые концентрационные лагеря для военнопленных. Даяновские громилы взрывали дома в арабской части Иерусалима, аннексированной Израилем, в том самом «городе пророков», откуда шла эта передача...

Мирные жители под дулами автоматов переправлялись через разрушенный мост, обезображенные напалмом трупы детей и жен-

С тех пор, как их изрекли впервые, прошли тысячелетия, но афоризмы эти не канули в Лету. Их извлекли из пыльных фолиантов, возвели в идеологию, в законы вновь созданного государства Израиль. Они стали непременными атрибутами глобального политического блефа сионистов, узурпировавших право говорить от имени всех евреев, не имея на то ни морального, ни исторического, ни философского основания.

Они отождествляли сионизм с понятием «еврейство», а государство Израиль — с ими же выдуманным понятием «всемирная еврейская нация». Любую критику в свой адрес они теперь называют не иначе, как антисемитизмом, а любое противодействие агрессивной политике Тель-Авива — погромом.

Кто же эти люди, именующие себя «братьями всех евреев», стремящиеся стать духовными наставниками всего человечества? Кому они служат? Каков их послужной список?

Основные вехи сионистского движения — от 1895 года до наших дней — достаточно хорошо известны, так же как суть сионизма, его идеология и практика.

Наиболее точное определение дал сионизму еще в 1903 году В. И. Ленин, когда писал в своей работе «Положение Бунда в партии», что «сионистская идея — совершенно ложная и реакционная по своей сущности».

Ложь сопровождала сионизм с самого момента его возникновения как идеологии. Реакционная сущность его проявилась уже в самых первых практических шагах сионистов, предложивших свои услуги английским колонизаторам. С тех пор сионизм неоднократно менял подданство, но никогда не изменял своего политического лица, оставаясь верным слугой мирового империализма.

Ловко используя библейскую терминологию, сионисты перенесли имя древнего племени «израиль» на всех евреев, как живущих в Израиле, так и за его пределами. На этой зыбкой основе, а также на мифе об извечном братстве евреев, противопоставлявшемся «извечному антисемитизму неевреев», и была создана концепция «всемирной еврейской нации» и близкая к ней «теория» о «дуалистическом патриотизме евреев», их «двойном гражданстве». Суть этих инструктивных «теорий» сводилась к тому, что каждый еврей, где бы он ни жил, прежде всего гражданин Израиля, то есть подданный всемирной сионистской корпорации, а уже потом — гражданин «страны изгнания».

Полемизируя с сионистами, израильские коммунисты в своих тезисах «Еврейский вопрос и сионизм в наши дни», одобренных XVI съездом Коммунистической партии Израиля, писали:

«Марксисты всегда отвергали реакционную, не имеющую ничего общего с реальностью сионистскую теорию о существовании якобы «мировой еврейской нации», о том, будто евреи во всем мире, живущие в разных странах и при разных режимах, представляют единую нацию, несмотря на то, что не имеют экономической общности, общей территории, культуры, общего языка и общих обычаев. Верующие евреи имеют лишь общую религию».

Идея «всемирной еврейской нации» предельно несостоятельна. И тем не менее это основа основ идеологии и практики сионистов. «Национальный очаг», подчеркивал один из основоположников сионизма Ахад Гаам, был необходим им лишь как «мо-

ральный фактор». Другой сионистский «пророк», Л. Пинскер, заявлял, что «о всеобщем переселении народа нельзя, конечно, и думать». «Периферия» — евреи диаспоры — куда важнее для сионистов, чем «национальный очаг».

«Израиль граничит со всем миром, со всем человечеством»,— говорится в брошюре «Израиль — еврейское государство», изданной на русском языке в Тель-Авиве. Вдумайтесь в эту фразу. Что это, как не кредо новых претендентов на мировое господство? Эти претензии воплощены в сионистской доктрине в весьма специфической, нельзя не признать, современной форме. Сионисты понимают, что сейчас уже невозможно заполучить мировую власть с помощью термоядерного оружия: двух средней мощности водородных бомб вполне достаточно для того, чтобы уничтожить такую страну, как Израиль. Поэтому в отличие от всех претендентов на мировое господство всемирная сионистская корпорация сделала ставку не только на завоевание «жизненного пространства» — этим предоставлено заниматься Тель-Авиву.

У сионистов существует своя собственная, весьма далекая от науки картография. Ее основоположники в лице Герцля и Жаботинского и современные «корифеи» вроде Бен-Гуриона, Бегина, Даяна и Голды Меир довели до совершенства умение не столько рисовать карту Ближнего Востока, сколько ее перекраивать.

Более полувека назад сионистский идеолог Л. Пинскер писал в своем труде «Автоэмансипация»: «Нам ничего не нужно, кроме полосы земли, которая перешла бы в нашу собственность...» Государство Израиль было создано согласно плану разделения Палестины, принятому ООН в 1947 году. Казалось бы, что еще надо! Но аппетиты сионистов росли, как у той вздорной старухи из сказки Пушкина

о рыбаке и рыбке. Все эти территориальные захваты Израиля сопровождались неизменными надрывными ламентациями о необходимости «защиты жизней» израильских граждан и «скромными» просьбами: «нам ничего не нужно, кроме... еще одной «полосы земли».

Весьма уместно вспомнить, как совсем недавно правящая верхушка Израиля всячески открещивалась от заявления министра без портфеля Х. Вейцмана, который в марте этого года заявил иностранным журналистам: «То, что вы называете оккупированными территориями, я называю Израилем». Может быть, открещивались сионистские лидеры в Тель-Авиве от слов Вейцмана вовсе не потому, что разыгрывали из себя голубую невинность, а потому, что понятие «Израиль» для них еще нечто большее территориальной? Что ж, если припомнить, что говорят сионистские «картографы», станет ясно, что нынешние «границы Израиля — это далеко не предел аппетитов правящей клики страны.

Бывший премьер-министр Израиля Бен-Гурион в одной из своих «лекций» по сионистской картографии говорил студентам: «Карта (Израиля) не является картой нашей страны. У нас есть другая карта, которую вы, студенты и молодежь еврейских школ, должны воплотить в жизнь. Израильская нация должна расширить свою территорию от Нила до Евфрата».

Однако, как мы уже подчеркивали, завоевание «жизненного пространства» — не единственная цель всемирной сионистской корпорации. Сами по себе эти захваты были бы невозможны без той мощной поддержки, которую оказывают Израилю крупнейшие империалистические державы и действующие внутри них сионистские организации.

Сионисты обладают огромным политическим влиянием. В их руках сосредоточены миллиарды долларов, они контролируют восемьдесят процентов американских и международных информационных агентств, услугами которых пользуются газеты и журналы почти во всех капиталистических странах.

Такие позиции сионистам удалось захватить тоже не сразу, хотя здесь мы имеем дело с завоевателями несколько иного рода.

Обратимся к статистике. В 1900 году в Нью-Йорке было 25 ежедневных газет, в 1920-м — 13, 1930-м — 11, 1940-м — 9, 1950-м — 7, 1964—1965 годах — 6. Сейчас в Нью-Йорке продолжают выходить лишь две ежедневные утренние газеты: «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк дейли ньюс» и одна вечерняя — «Нью-Йорк пост». Все они, как и выходящая в Париже «Интернэшнл геральд трибюн», принадлежат сионистскому капиталу. «Как правило,— пишет в своей книге «Оборотная сторона медали» Альфред Лилиенталь,— почти все без исключения газеты, радио и телевидение США пропагандируют произраильскую, сионистскую точку зрения». То же самое происходит и в других странах Запада.

Искусно «направляя» информацию, сионисты смогли наладить глобальное «промывание мозгов». Правда о преступлениях сионизма против человечества, в том числе против евреев, тщательно скрывается, замалчивается. В США, например, сионисты скупают и уничтожают целые тиражи книг, правдиво рассказывающих об их преступных действиях, о положении на Ближнем Востоке. Поэтому многим так трудно разобраться в идеологическом лабиринте современного сионизма.

Сионизм — это не только идеология, система организаций и практика крупной еврейской буржуазии, это еще и образ мыслей.

Сионистские «пророки», как и все претенденты на мировое господство, не смогли обойтись без теории «высшей расы». В их фразеологии — это «богом избранный народ».

«Сионисты,— писал американский журналист Моррис Кохен,— разделяют в ее основе идеологию антисемитов, делая при этом лишь иные выводы. Вместо тевтона у них еврей, представляющий наиболее чистую и высшую расу».

Концепция «богом избранного народа», который сионисты прочат в духовные пастыри и правители всего человечества, не только совпадает с нацистской расовой теорией, но и приводит к аналогичным последствиям. Внешние проявления расизма в том же Израиле настолько обнажены, что авторы многих сравнительных исторических исследований волей-неволей вспоминают о мрачных временах фашизма.

Наивысшей кастой считаются так называемые «сабра», уроженцы Палестины, выходцы из семей первых переселенцев-евреев из Европы. Европейцы — «ашкенази» — котируются выше, чем выходцы из стран Среднего Востока — «сефарды». На положении «неприкасаемых» находятся «черные евреи» — выходцы из африканских стран. Ко всему прочему, в этих группах есть свои «подгруппы». Евреи из США — «полноценнее», чем из Англии, из Англии — выше на ступеньку, чем из Польши, из Польши — «благороднее», чем еврей из Ирака или Египта. И так далее.

Что же тогда говорить о тех, кто не еврей — «гой» — по сионистской терминологии,— но живет в Израиле?! Или о тех, кого по новым израильским законам не признают евреем (10 марта 1970 года принят такой закон кнессетом. Теперь в Израиле к «богоизбранным» может принадлежать только тот, у кого мать — еврейка или кто исповедует иудаистскую религию).

Отношение к «гоям» в Израиле и на оккупированных территориях то же, что и у нацистов к «неарийцам». Террор, погромы, уничтожение целых арабских деревень и поселков, расизм, апартеид — все это взято на вооружение сионистами не сегодня, а еще до того, как было юридически оформлено право государства Израиль на существование.

9 апреля 1948 года вооруженные отряды сионистов из профашистской группы «Иргун» вырезали 250 арабов — мужчин, женщин и детей в деревне Деир Яссин. Руководил этой операцией нынешний министр в правительстве Голды Меир, М. Бегин. Эта деревня стоит одной из первых в списке палестинских деревень-мучениц. Там же числятся деревни Казаз, Саламех, Сарис, Кастал, Кафр Касем... Сотни, тысячи палестинцев были расстреляны и замучены сионистами. Около полутора миллионов арабов — результат трех израильских агрессий — были согнаны с родных земель, стали беженцами.

«Богом избранный народ» был избран сионистами для грязных дел.

«Если нашим мечтам о сионизме обречено умереть под выстрелами наемных убийц, а наши усилия по созданию ему будущего приведут к тому, чтобы произвести на свет новую банду гангстеров, достойных нацистской Германии, многие, подобно мне, должны будут пересмотреть свою позицию, которой мы так последовательно придерживались в прошлом. Если и есть какая-то надежда на мирное и успешное будущее сионизма, эти подлые действия (имеются в виду террористические акты сионистских банд.— **В. Б.**) следует прекратить, а те, кто за них ответствен, должны быть уничтожены — под корень». Эти слова принадлежат человеку, который был наитеснейшим образом связан с сионистами — сэру Уинстону Черчиллю. Он произнес их 17 ноября 1944 года, выступая в палате общин.

С тех пор много воды утекло. Вернее, крови, пролитой сионистами. Гневная филиппика Черчилля не помешала им устроить резню в Деир Яссине. Да только ли там! И причина здесь вовсе не в том, что Черчиллю или тем, кто сменил его, равно как и иным американским президентам, нравились методы действий сионистов. Скорее, они вызывали у них отвращение, но над всем брали верх общие классовые интересы, которые всегда точно совпадали у империализма и сионизма. Так же как в свое время совпали с целями сионистов и планы фашистов. «Сионисты,—писал немецкий журналист Ганс Хене,— восприняли утверждение нацистов в Германии не как национальную катастрофу, а как уникальную историческую возможность осуществления сионистских намерений».

Известно, какой трагедией обернулся этот позорный альянс. Но для сионистов — это всего лишь эпизод, а не веха. Их, как абсолютно точно сказал в свое время американский журналист Моррис Эрнест, «меньше всего тревожит проблема человеческой крови, если это не их кровь».

Вскоре после того, как стало известно о кровавой резне, устроенной сионистами в Деир Яссине, известный сионистский идеолог Артур Кестлер заявил, что «кровавая баня, устроенная там, была психологически решающим фактором в массовом исходе арабов из Палестины».

Через двадцать с лишним лет после этого сионистская камарилья в Израиле оправдывала теми же словами — необходимостью оказать «психологическое воздействие» на арабов, поколебать их решимость в борьбе с израильской агрессией — набеги на чужие территории, бомбардировки Абу Заабаля и кровавое преступление в Бахр эль-Бакре.

Наглость израильских правителей, конечно же, не беспочвенна. Тель-Авив ощущает мощнейшую поддержку Вашингтона и сионистских организаций во всем мире, и именно этим объясняется демонстративное нежелание Израиля выполнить резолюцию Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года и его политика перманентной эскалации вооруженных провокаций против соседних арабских стран.

Недавнее нападение израильских войск на Ливан, вызвавшее всеобщее возмущение, еще раз продемонстрировало, что именно Израиль и поддерживающие его империалистические круги повинны в том, что нет мира на Ближнем Востоке. Комментируя вооруженные провокации Израиля против арабских стран, итальянское агентство ОП заявило 18 мая этого года: «С тех пор как много лет назад вспыхнула борьба в Палестине, положение на Ближнем Востоке и, что еще важнее, в средиземноморском районе ухудшается все больше и больше. Это наносит увеличивающийся ущерб многим странам, и хотя они могут проявлять беспристрастное понимание дела Израиля в точных рамках, определенных ООН (которые Израиль, однако, не намерен соблюдать), они не могут идти дальше и одобрять правительство Тель-Авива, когда оно проводит опрометчивую политику милитаризма и агрессии.

Правители Тель-Авива берут на себя тягчайшую ответственность перед своим народом, который, возможно, трагически поплатится за безответственность тех, кто втянул его в темные авантюры».

Стратеги и тактики этих темных дел хорошо известны. Всемирная сионистская корпорация, превратившая Израиль в цепного пса американского империализма на Ближнем Востоке, идет по тому же пути, которым некогда шел фашизм. История ничему не научила сионистских лидеров. Их звериный антикоммунизм и одержимость идеей мирового господства — первопричина тех преступлений, свидетелями которых стало сегодня человечество. Но они не останутся безнаказанными. Главарям сионизма придется нести за них ответ так же, как их духовным близнецам — нацистам, повешенным в Нюрнберге.

Горячая пора

Владимир ПОЛОВИНКИН

С ЗАСТЕНЧИВОЙ УЛЫБКОЙ ЧЕЛОВЕК

Мы на одном учились факультете,
Я помню, как неловок и несмел,
Он за какой-то сектор в студсовете
Под посвист нашей критики краснел.
Был добряком.
Нисколько не печалясь,
Последний рубль отдать он мог взаймы.
И так само собою получалось:
Ему все тайны поверяли мы.
А в день, когда кой-кто с набором справок
Молил послать в большие города,
Сказал он тихо:
«Я не знаю, право,
Мне все равно.
А вам видней — куда...»
Наверно, мир и в самом деле тесен.
В краю лесов, в краю великих рек
Мне встретился товарищ и ровесник,
С застенчивой улыбкой человек.
Внизу клубятся брызги над прораном,
Поток бушует, камни шевеля.
Идет товарищ гребнем котлована,
Как капитан вдоль борта корабля.
А котлован грохочет и дымится.
В движенье весь. Горячая пора!
И подбегают, сбросив рукавицы,
К товарищу лихие шоферa.
И с высоты своей многоэтажной
Над самою стремниною реки
Ему кричат о чем-то очень важном,
Да не пойму о чем, крановщики.
Он шепчет мне, как будто извиняясь:
«Тут некогда. Потом поговорим...»
Пускай же кой-кого уколет зависть,—
Он счастлив здесь.
Он здесь необходим.

ОТКРОВЕНИЕ

Мне этот мир в горячке будней дорог,
Хоть, может быть, закон его жесток:
Жить надо так, чтоб каждый день был долог
Чтоб каждый день был короток, как вдох.
Чтоб трудными делами долог был он.
И краток, потому что уйма дел.
Чтоб времени сегодня не хватило,
Но пожалеть об этом не успел.
Чтоб завтра, встав, почувствовал такое,
Как будто должен подвиг совершить,
Покой тогда, когда не до покоя,
Когда минутой сто́ит дорожить.

ЕНИСЕЙ

Нет, не грустью вечного покоя
Енисей прекрасен в поздний час.
Далеко внизу он, но какою
Силою повеяло на нас!
Не шумит, не буйствует впустую,—
Наделен недюжинной душой.
Но ворочаются грозно струи
Под серебряною чешуей.
Не они ль в неистовстве разлива
Пробивали камень этих стен?
И трепещут кедры над обрывом
На двухсотметровой высоте.

г. Горький.

ТАЙНА

Ю. СБИТНЕВ

Фото А. БОЧИНИНА.

Помните, у замечательного нашего поэта Владимира Луговского есть в стихах такая строчка: «Снова, как в детстве, зяблик запел»?

С песней зяблика приходит на землю Весна. Еще по снегу ее приход оповестила синица. Рассыпала вокруг звонкие смешинки, развесила под каждым окном, под каждой стрехой, на каждой веточке радостные колокольчики. Заиграли они, зазвенели, разбудили вешние ручьи, дали им голос.

Запел зяблик — проснулся лес. В один теплый, тихий день словно мягкой зеленой дымкой окутало деревья, дохнула в лицо молодой свежестью земля. И от этой песни первого звонкоголосого певца стало на сердце молодо. Откликнулся зяблику лес, грянул многоголосым птичьим хором, шумом листвы, шелестом трав. Тайной откликнулся.

Однажды мой товарищ — математик, очень серьезный и занятой человек, посвятивший всю свою жизнь формулам, вычислениям, каким-то сверхсложным понятиям чисел, спросил меня:

— А ты знаешь, где живут тайны?

— Тайны?..

— Да, да, тайны. Обыкновенные тайны.

— Вероятно, в твоих формулах, числах...

— Нет, я не об этом. Мой сын недавно сказал мне совершенно определенно, что тайны живут в лесу. Я понял его заявление, как упрек. Понимаешь, ни разу не ездили мы с мальчишкой в лес. То есть, конечно, выезжали летом на дачу, были у моря, валялись на пляжах подмосковных рек. А вот так, чтобы побродить по лесу, полазить по чащобам, пройти от одного перелеска к другому, этого не было.

Мой товарищ помолчал, потер нервными, худыми пальцами уже изрядно поседевший висок, это у него такая привычка, и добавил:

— Прикинул я в уме, сколько сам в лесу не был. Попробовал подсчитать, и веришь, взбунтовались против меня цифры. Не смог решить этой вот математической задачи. Получил уж слишком неутешительный ответ. Давненько не был. Честно — давно. В общем, выкроил два дня, с трудом выпросил, работы по горло, и двинули мы с сыном в лес. Ты думаешь, эта поездка мне радость принесла? Не тут-то было. Отдохнул, конечно, здорово, в два дня на квартал целый зарядился. А вот радости не получилось. Грустно. Как вошли в лес, тут и началось грустное. Сын закружил, забегал, то травку какую-то несет, то цветок, то коряжину, то птицу какую-то увидит, то услышит что-то. И посыпались на меня его: почему? Зачем? Отчего? Кто это? Что это? А чье это гнездо? А что это за птица? А чем это пахнет?..

Понимаешь, эта самая информация лесная задачу за задачей ставит. А я ни на одну из них ответить не могу. Не буду же я на каждую травку отвечать, что это-де пырей или лопух. А на каждый цветок — что это одуванчик. Ландыш я, конечно, знаю, но он, как назло, не попадается. И выходит, что я перед сыном неуч.

— Не обязательно же каждому быть знатоком трав, птиц...— попробовал успокоить я своего разволновавшегося не на шутку товарища.

— Знатоком, да. Но все-таки мало-мальски понимать-то надо. Надо. Ведь со всем этим весь наш род столетия и столетия жил. Понимал! А я вот не понимаю. Куда же это годится? Под каждым кустом, под каждой былинкой тайна. Где это только сын вычитал: тайны живут в лесу.

Вспомнился мне этот давнишний разговор, когда я рассматривал фотографии Анатолия Бочинина, публикуемые в этом номере. И вспомнилось еще очень многое.

В один из садовых поселков пришел из лесу лисенок. Крохотный, худой, едва на лапках держится. Что уж произошло в лесу, какая трагедия заставила искать зверька корма и защиты у людей — неизвестно. Но факт, что зверь пришел к людям, а это бывает очень и очень редко. Вышел лисенок из леса к хорошим людям. Его накормили, как говорится, обогрели. Не стали ни сажать на цепь, ни прятать в клетку. Так он и жил целое лето, обласканный людским вниманием, благо, что на тех садовых участках не было собак. «Гостил» то у одного «садовника», то у другого. Придет к калитке, тявкнет — ему несут еду. С рук пищу брал, с ребятишками играл. Целый день, особенно в выходные, бегает от одного участка к другому. На ночь уходит в лес. За лето вырос, к сентябрю шубу себе справлять начал, к зиме готовился. Зиму он не встретил. Уже поздней осенью на одну из дач приехала веселая компания...

Устроили на лисенка охоту. Убили. Зачем?

— А лиса — вредное животное.

Убили маленькую красивую тайну леса, да еще руководствуясь, по-моему, одной из глупейших формул, что живут по лесам полезные и вредные звери и птицы.

В доме у меня живет бельчонок. Хрумкает орехи, садясь на задние лапки и смешно помогая себе передними, пристраивая орешек на зуб. Лихо щелкает, словно деревенская модница подсолнухи. Спит, прикрывшись пушистым хвостом. У него хвост, как у солдата шинель: «Шинельку под голову, шинельку на голову, шинельку под бок, шинелькой прикрылся». Часами неотрывно можно следить за зверьком, словно интересную книгу читаешь.

У бельчонка имя есть — Кузька, он на него уже и откликается. Но есть у Кузьки и своя печальная судьба.

В конце нынешней зимы подле нашего дома все чаще и чаще стали появляться следы белки. В голодный февраль звери всегда ближе подходят к человеческому жилью в надежде найти какую-нибудь пищу. Пришла к дому и белка. На белчьих сбежках стали мы рассыпать орехи, кусочки яблок, сухую ягоду. Зверек сначала относился к этим дарам осторожно: нет ли какого подвоха? — но потом привык и собирал гостинцы каждодневно.

Где поселилась белка — узнать зимой так и не удалось. Зверек этот никогда не оставляет к гнезду следа. Идет домой поверху, перепрыгивая с одного дерева на другое. Дом — тайна. Зато весною тайна раскрылась. И, раскрывшись, снова стала тайной. Белка поселилась в большом скворечнике. Почему? Тайна. В скворечнике она вывела бельчат. А в мае, когда еще у Кузьки хвостик висел, как у крысы, а не пушился султанчиком и не был он еще Кузькой, белку убили мальчишки из духового ружья. Убили еще одну тайну нашего русского леса. Зачем? Тут уж не скажешь — вредная. Хотя, руководствуясь этой формулой, можно убить и съесть лебедя. «Убили... потому что просто стреляли», «Просто ходили по лесу...», «Хотели сделать чучело для школьного музея природы»,— ответ самого находчивого.

А вот еще одна тайна. Одна судьба, только со счастливым концом. Судьба гнезда. Точно такого же, которое наш читатель видит на цветной вкладке.

Меж двух берез рядом с тропинкой по весне появилось гнездо. Нет, это еще не было теплым, ловко сработанным, сухим, искусно завершенным птичьим домиком. Птицы только-только начали вить его. Работали они с утра до вечера. Таскали в клювиках сухие былинки, гибкие прутики, мох, готовили раствор, скрепляя венец за венцом. Потом оглаживали, охорашивали свой дом, обсиживали его, пока наконец не появилось в нем пять голубеньких в коричневую разводочку яичек. Не сразу села на эти яички самочка. Она перелетала с ветки на ветку, пела над гнездом, радовалась и только тогда, когда всласть напоила лес своим голосом, отдала себя всю великому таинству — новой жизни.

Птенцы вывелись скоро. Были они большеротыми, желтыми, голыми комочками. Беззащитно бился в них крохотный родничок жизни. И надо было видеть, как защищала их мать, кидая себя под ноги забредшей в лес собаки, котам-охотникам и, наконец, подлетая к самому лицу человека — возьми меня. Все пять птенцов выросли, все пятеро неуклюже вывалились из родного гнезда и завозились в подросшей траве. У них уже есть перья, они уже могут недолго подержаться в воздухе. Только нет пока еще хвостов, да смешно топорщится на головках младенческий пух.

Сейчас в лесу поет иволга — солнечная птица. Поет светло и радостно. Ее гнездо подвешено, как детская зыбка, на тоненьких былинках меж белых березовых ветвей. В нем тоже скоро будут птенцы. Поэтому так радостны, так светлы тайны русского леса. Но погибнет гнездо, и та же иволга заплачет долго-долго на закате солнца, и посекутся ее перья, так похожие на золотые лучики солнца.

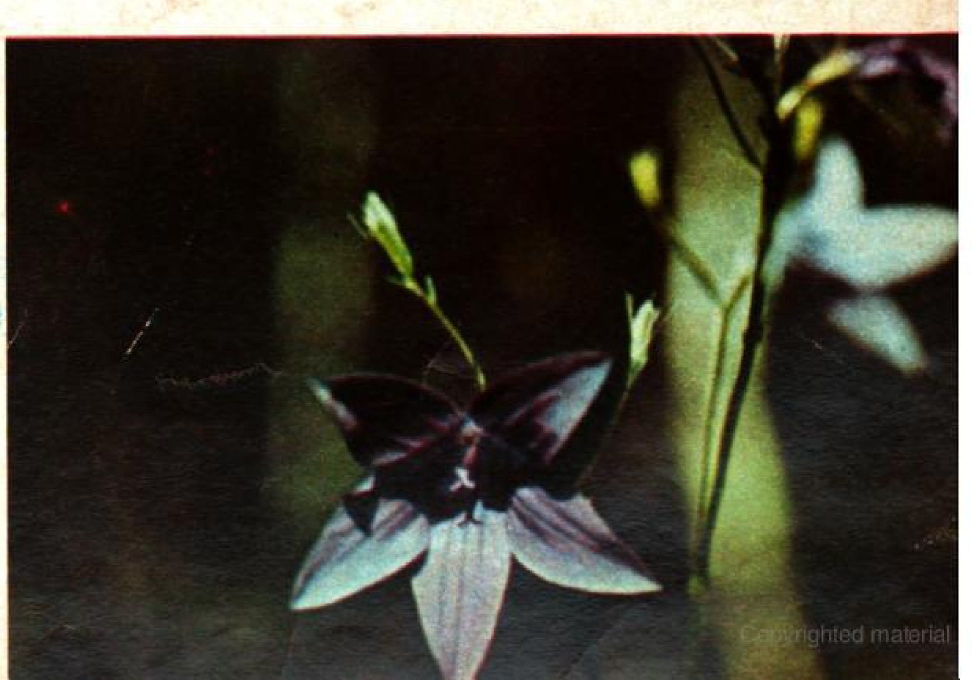
Где-то плачет иволга,
Схоронясь в дупло.
Только мне не плачется —
На душе светло.

Ради душевного света, ради большой радости человека, не нарушившего ни разу в жизни тайны русского леса, написаны эти строки и сделаны эти фотографии.

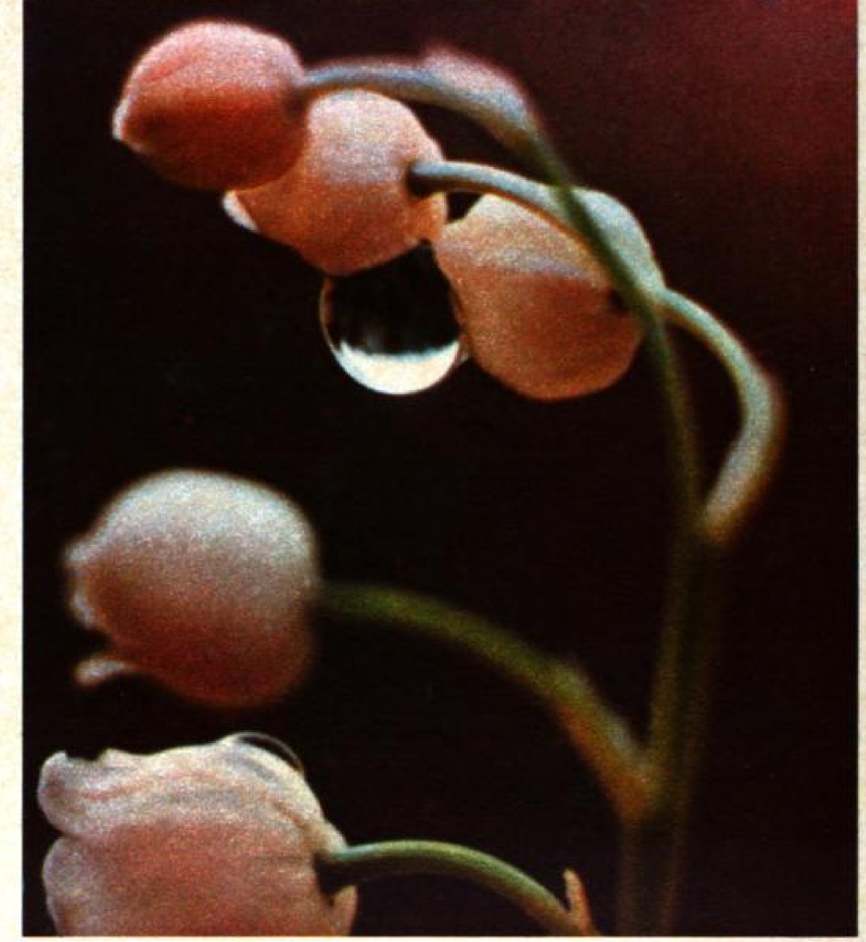

РУССКОГО ЛЕСА

СТРАННАЯ ПОЭМА ПУШКИНА

ПОПЫТКА НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ

Олег ШМЕЛЕВ

Из всех поэм Пушкина, пожалуй, наименьшего внимания критиков и истолкователей (а с ними, естественно, и обыкновенных читателей и почитателей поэта) удостоен «Тазит». Это легко объяснить: поэма осталась неоконченной. Вместе с тем — и по той же причине — ни одна пушкинская поэма не дает литературоведам такой широкой возможности для самых различных толкований, как «Тазит».

«Тазит» заслуживает того, чтобы прочесть его еще раз как можно внимательнее, ибо это — очень странное творение.

Но прежде чем соваться в воду, всякому неискушенному исследователю полезно вслед за нашим маститым ученым — доктором филологических наук, членом-корреспондентом АН СССР Д. Д. Благим повторить его справедливые слова, произнесенные им по поводу своих собственных изысканий, связанных с «Тазитом»: «Конечно, все только что сказанное (в нашем случае — то, что будет сказано) не более как гипотеза, но вместе с тем гипотеза, логически вполне допустимая». И еще я должен сказать в свое оправдание следующее: если Д. Д. Благой считает возможным прямо отождествлять пушкинского «Тазита» с гоголевским «Тарасом Бульбой», исходя из заманчивого, но недоказуемого предположения, что Александр Сергеевич по всегдашней своей доброте уступил Гоголю сюжет неоконченного «Тазита»,— если принимать таковые гипотезы, то никакие другие не должны считаться недопустимыми.

Какие же странности присущи «Тазиту»? Их две, и вот в чем они заключаются.

Странность первая.

Критика совершенно четко выделяет в творчестве Пушкина романтический, или так называемый байроновский, период, конечной вехой которого были «Цыганы». Деление это, как давно признано, крайне условно. «Цыганы» написаны в конце 1824 года, меж тем как полутора годами раньше, в мае 1823-го, Пушкин начал свое реалистичнейшее творение — «Онегина», а в 1821 году сочинил озорную безбожную «Гавриилиаду». Но романтический цикл поэм существует, и, начавшись «Кавказским пленником», в «Цыганах» он кончился. После «Цыган» прошло пять с лишком лет, и вдруг Пушкин приступает к «Тазиту» — произведению на романтическую «кавказскую тему». Почему опять Кавказ, опять экзотика, опять страдания непонятой души?

Всего проще и, казалось бы, логичнее заключить — как и сделали литературоведы,— что «Тазит» навеян поездкой Пушкина в действующую русскую армию, шедшую с боями на Арзрум: ведь начат «Тазит» сразу по возвращении поэта с Кавказа.

Но подобный способ доказательства («После этого — значит, вследствие этого») давно и навсегда отвергнут как несостоятельный.

Нет, равнять поэтического «Тазита» с отрывком из очерково-документального «Путешествия в Арзрум», который Пушкин опубликовал тогда, было бы слишком грубо. Не так все просто, как кажется на первый взгляд.

Но главное, не такое романтическое состояние переживал тогда Александр Сергеевич. Все его существо было поглощено мыслями о женитьбе на Наталье Гончаровой. А женитьба эта, столь страстно желанная, представлялась ему нерешенной, предположительной, всё еще висело в воздухе. К этому прибавлялись денежные и многие другие затруднения, и он испытывал острую неуверенность в себе (впервые в жизни), сильно нервничал. При таком душевном состоянии от поэта еще можно было бы ждать «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», но романтические напевы?! Это совершенно непонятно.

* * *

Так как ниже речь пойдет о предметах столь прозаических и низменных, что они могут кому-то показаться недостойными памяти гения (а сказать о них необходимо, ибо они имеют прямое отношение к делу), мы в оправдание себе приведем высказывание П. П. Вяземского, современника Пушкина. Он считал, «что откровенность не может вредить Пушкину и что приторные и притворные похвалы и умалчивания недостойны памяти великого человека. Заслуга Пушкина перед Россиею так велика, что никакие темные стороны его жизни не могут омрачить его великого и доброго имени».

Второе обстоятельство, заставляющее считать «Тазита» и отношение к нему Пушкина странными, еще более необъяснимо, чем первое. Почему поэт не закончил «Тазита»? Что помешало Пушкину, написавшему и перебелившему 260 стихов — это составило 8 пунктов поэмы из 14 запланированных,— что помешало довести замысел до конца?

Пушкин был профессионал в высшем смысле этого слова. До 1830 года, когда отец выделил ему часть Болдина с двумя сотнями крепостных душ, единственным средством существования для поэта был его литературный труд. Жалованье, которое он получал, служа по Министерству иностранных дел, можно в расчет не принимать: оно было мизерным. Да к тому же Пушкину усердно помогал тратить деньги его младший брат — легкомысленный добряк и гуляка Левушка. Да и карты, карты... Болдинские души были сразу же заложены в опекунский совет. Само Болдино находилось в таком плачевном состоянии, что подряженный было Пушкиным опытный управляющий-немец бежал оттуда в ужасе чуть ли не на другой день.

О том, как плохи были его денежные дела в те времена, говорит хотя бы записка к неизвестному лицу (скорее всего, удачливому карточному партнеру, может быть, В. С. Огонь-Догановскому): «Я буквально без гроша. Прошу Вас подождать день или два».

Пушкин, по его собственному признанию, писал для себя, а печатал для денег. Он не мог позволить себе роскоши сочинять стихи для того, чтобы класть их в ящик — навсегда или до лучших времен. Если написанное им не печаталось, так только по запрету цензуры.

Об отношении Пушкина к этому вопросу говорят хотя бы следующие собственные его свидетельства.

Когда Жуковский в отсутствие Пушкина попытался опубликовать «Бориса Годунова» и получил высочайший отказ, Александр Сергеевич писал Бенкендорфу (7 января 1830 года): «Так как я человек не богатый, то мне чувствительно лишение суммы, тысяч в пятнадцать рублей, которые могла бы доставить моя трагедия, и мне было бы горько отказаться от обнародования труда, который я долго обдумывал и которым наиболее доволен» (подлинник по-французски).

А вот письмо Нащокину в Москву: «Здесь имел я неприятности денежные: я сговорился было со Смирдиным и принужден был уничтожить договор, потому что Медного Всадника цензура не пропустила. Это мне убыток. Если не пропустят Историю Пугачева, то мне придется ехать в деревню».

Всю свою жизнь, со дня окончания лицея и до самой смерти, Пушкин жил в долгу. Редко когда он мог, получив гонорар и расплатившись с горячими, не терпящими отлагательства мелкими долгами (в рассуждении, что крупные подождут), оставить себе на домашние расходы 500 или 1000 рублей. Всю жизнь у Пушкина было так: от того, сколько строк он сочинит сегодня, зависело, что он будет есть и пить завтра. Когда он писал «Тазита», над ним висело до 30 тысяч рублей частных долгов.

Интересно в свете этого сравнить отношение Пушкина к двум его неоконченным произведениям — «Тазиту» и «Езерскому». Пятнадцать онегинских строф «Езерского» Пушкин, если можно так выразиться, не пожелал списать с баланса. Он использовал их в «Родословной моего героя». Тем непонятнее небрежение к «Тазиту».

И еще более удивительно выглядит оно в свете того факта, что через полгода после брошенного в ящик стола «Тазита» пришла знаменитая, благословенная, несмотря на свирепствовавшую холеру, болдинская осень. За три месяца (да из них еще надо исключить время, по-

траченное Пушкиным на две неудачные попытки прорваться через карантины в Москву и на другие хлопоты) поэт сочинил «две последние главы Онегина, восьмую и девятую, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400), которую выдадим anonyme; несколько драматических сцен или маленьких трагедий, именно: Скупой Рыцарь, Моцарт и Сальери, Пир во время чумы и Дон-Жуан. Сверх того написал около тридцати мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все... написал я прозою пять повестей» (из письма к Плетневу).

Надо отметить, что «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери» и «Каменный гость» были давним замыслом, относившимся еще к 1826 году.

Спрашивается: неужели Пушкин при таком подъеме духа не нашел вдохновения и времени для того, чтобы в Болдине окончить «Тазита», сочинив еще каких-нибудь 150—200 строк?

Все изложенное усугубляется тем обстоятельством, что Пушкин нигде ни единым словом не обмолвился о работе над «Тазитом». А между тем крупные свои вещи он никогда не замалчивал перед друзьями.

* * *

XIX век был изощрен в употреблении иносказаний. Пожалуй, самыми характерными в этом смысле были 80-е годы, когда вспышка реакции после покушений на царя заставила пишущих говорить эзоповым языком даже в тех случаях, когда осуждение порядков не поднималось выше уровня квартального надзирателя. Умение пишущих высказывать свои мысли между строк равнялось способности читающих читать между строк эти мысли.

Вторая четверть XIX века мало чем уступала по части иносказаний восьмидесятым годам.

Тот факт, что письма перлюстрировались, заставлял людей быть настороже и принуждал прибегать к различным видам шифра.

Литераторы пушкинских времен не испытывали затруднений, когда им необходимо было, сохраняя внешнее приличие и обходясь «без личностей», в литературных спорах изничтожить противника или отдать должное единомышленнику. Все самым широким образом пользовались нарицательными именами — античных героев и авторов, исторических личностей, героев литературных произведений и, конечно, мифов и библии. Гоголя Пушкин называл Панько, Александра I — Тиберием, Баратынского — Гамлетом, Муравьева — Бельведерским Митрофаном, Аракчеева — Нероном, Шаховского — Аристофаном, Жуковского — Тиртеем, Аглаю Давыдову — Данаей, Карамзина — Тацитом и т. д. и т. п.

Д. Д. Благой говорит: «Пушкин иронически относился к распространенному в нашей литературе XVIII века чисто рационалистическому и весьма поверхностному приему наделять героев искусственными фамилиями-характеристиками «злонравного» или, наоборот, «добродетельного» ряда, к которому автором относилось то или иное выводимое им лицо, о чем заранее и давалось знать читателям». А десятью строчками ниже Благой признает: «Однако у больших мастеров слова даже этот наивный прием мог приобретать своеобразную выразительность и необходимый художественный эффект... К подобному приему значащих имен прибегал порой даже зрелый Пушкин».

Пушкин в соответствии с задачей изменял характер намека и степень его прозрачности. Булгарина, например, он называл то Фигляриным, то Флюгариным. И это обстоятельство необходимо отметить, ибо «Булгарин — Фиглярин — Флюгарин» — пример, доказывающий, что Пушкин ценил этот простой прием — наделять персонажей своих эпиграмм и стихотворений искусственно сконструированными именами, в самой семантике которых уже содержится характеристика. Вспомните хотя бы графа Нулина.

И еще одно соображение. На Руси множество фамилий образовалось из прозвищ. А прозвища давались по характерным приметам человека — касались ли они внешности, нрава, способностей, местожительства или каких-то обстоятельств жизни.

Самого Пушкина за отличное владение французским языком в лицее звали Французом. В Бессарабии какой-то каламбурист приклеил ему кличку Бес арапский. И Пушкин сам всегда любил давать прозвища.

К чему все это говорится?

Я не скрываю своих намерений. Мне нужно доказать, что Пушкин имел в виду под именем Тазита себя самого.

С этой целью попробуем доказать, что поэма — прямое отражение мыслей поэта о его собственной жизни и судьбе, то есть что «Тазит» — иносказание.

Неизвестно, как Пушкин собирался назвать свою поэму. «Тазит» — название условное. При первой публикации она была названа «Галуб» (от неправильно прочтенного Жуковским имени отца — Гасуба; ошибку эту обнаружил С. М. Бонди в 1930 году).

Но что за имя Тазит?

Ни у кого из кавказских народов такого имени нет.

В наброске имен для героев поэмы есть Тазишь. Был также Танас. Некоторые исследователи считали, что на одном из северокавказских наречий это слово означает «меньшой сын».

З. Г. Османова производит это имя от персидского «тазе», то есть свежий, новый, молодой (слово это есть и в азербайджанском языке). Такое решение вопроса как нельзя лучше отвечает концепции, которая считает конфликт между Тазитом и его отцом конфликтом между новым и старым. Г. Ф. Турчанинов в статье «К изучению поэмы Пушкина «Тазит», опубликованной в 1962 году в журнале «Русская литература», говорит по этому поводу: «В отношении имени «Тазит» эта точка зрения автора не вызывает никаких возражений».

Почему же «никаких», если сам же Турчанинов несколькими строчками ниже приводит самое серьезное возражение: «У нас нет данных о том, что поэт знал персидский и арабский языки». Толкование Тазита как производного от персидского «тазе» не более правомерно, чем любое другое толкование.

Возникает вопрос: зачем Пушкину понадобилось заменить окончание «шь» на «т»? Безусловно, не для облегчения рифмовки: ему одинаково легко было рифмовать и Тазита и Тазиша.

Настораживает также то обстоятельство, что Пушкин никогда — ни до, ни после «Тазита» — не употреблял столь явно «синтетических» имен. Если в стихах у него идет речь об Испании — имена испанские, если о Литве — литовские. И вдруг почему-то в поэме о Кавказе появляется Тазит — имя, сконструированное искусственно.

Сама собой напрашивается догадка: Тазит поразительно созвучен Тациту. Можно предположить, что, если бы Пушкин дописал свою поэму и если бы она была опубликована, все, кто его близко знал, считали бы эту букву «з» не более как бесхитростным камуфляжем.

Вообще, когда думаешь о Пушкине и его исторических трудах, тень Тацита неотступно витает где-то совсем рядом.

«...не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоем месте! — есть правило гения» — эти слова Карамзина Пушкин всегда помнил.

Пушкинскую «Историю Пугачевского бунта» Белинский считал «пером Тацита писанной на меди и мраморе!».

Великолепно разработал тему «Пушкин и Тацит» И. Д. Амусин еще в 1941 году.

Тацита поэт знал со времен лицея, и, как утверждает И. Д. Амусин, «уже из лицея Пушкин мог вынести высокое представление о Таците».

Среди передовых людей пушкинского времени Тацит пользовался огромным авторитетом. Декабрист Якушкин признавался: «В это время мы страстно любили древних: Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие были у каждого из нас почти настольными книгами». Если учесть, что среди декабристов у Пушкина было множество друзей, то не требуется доказывать, что он относился к Тациту не менее уважительно.

Пушкин с момента первой опалы — и, безусловно, под влиянием Тацита — сравнивал Александра I с Тиберием, тиранию которого Тацит так беспощадно рисует в своих «Анналах». В письме к князю П. А. Вяземскому из Одессы от 25 июня 1824 года Александр Сергеевич сетовал: «Я поссорился с Воронцовым и завел с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбою в отставку. Но чем кончат власти, еще неизвестно. Тиверий рад будет придраться».

Тацит способствовал формированию республиканских воззрений декабристов. К этому следует добавить, что популярность Тацита увеличивалась крайней нелюбовью к нему Наполеона. В «Замечаниях на «Анналы» Тацита» Пушкин отмечал: «С таковыми суждениями не удивительно, что Тацит, бич тиранов, не нравился Наполеону».

В черновом наброске записки «О народном воспитании», составленной Пушкиным по поручению Николая I, есть такие рекомендации: «Не таить от них республиканских суждений Тацита, великого сатирического писателя, впрочем опасного декламатора (имеется в виду то, что Тацит обучался в риторической школе искусству декламации.— О. Ш.) и исполненного политических предрассудков».

Отметим, что себя самого Пушкин тоже считал сатирическим писателем. А о том, какое двусмысленное значение придавал он словечку «впрочем», говорит следующее извлечение из его автобиографических записок: «Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слова Истории («Истории Государства Российского».— О. Ш.) Карамзина. Одна дама, впрочем, весьма почтенная, при мне, открыв вторую часть, прочла вслух: «Владимир усыновил Святополка, однако не любил его...» «Однако!»... Зачем не «но»? Однако! Как это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?»

Пушкин мог найти много общего между собой и Тацитом.

Великому римскому историку претила идея абсолютной монархии. Республиканец по убеждениям, Тацит не верил в простой народ как в общественную силу, он исповедовал идею господства аристократии, идею аристократической республики. Пушкин видел миссию русского дворянства в посредничестве между народом и царем.

Он писал своему другу князю П. А. Вяземскому 10 июля 1826 года: «Бунт и революция мне никогда не нравились». А в апреле 1834-го в письме к жене высказался иронически: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка (сын) будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет».

Тацит сделался в буквальном смысле слова настольной книгой Пушкина в декабре 1824 года, когда поэт приступил к работе над «Борисом Годуновым». И. Д. Амусин отмечает: «Пушкин, обращаясь к античности, проделывает, в сущности, то же самое, что делали все радикальные и передовые люди его времени, для которых античность играла и познавательную и утилитарно-политическую роль». И дальше: «Чтобы научиться смотреть на жизнь в перспективе, Пушкину надо было оглянуться назад; в этой связи интересовали его и «Анналы» Тацита».

Углубившись в изучение истории восшествия Годунова на престол, Пушкин должен был сразу же обнаружить поразительное сходство в судьбах Бориса и Тиберия.

Борис и Тиберий — узурпаторы.

На руках Бориса — кровь малолетнего Дмитрия, сына Ивана Грозного; Тиберий приказал вер-

ному центуриону убить юного Агриппу Постума — главного своего соперника, внука обожествленного императора Августа.

Дмитрий был удален по настоянию Бориса в Углич. Агриппа Постум был изгнан дедом на остров Планазию.

Вскоре после убийства Агриппы Постума появился Лжеагриппа — это был Клемент, раб убитого, внешне очень похожий на своего повелителя. Против Бориса выступил Лжедмитрий — Григорий Отрепьев.

«По совершенно справедливому замечанию М. М. Покровского,— пишет Амусин,—этот рассказ Тацита о Лжеагриппе прямо просится в рамки «Годунова».

Тиберий долго морочил сенат, притворно колеблясь, принимать или не принимать императорскую власть. У Пушкина в «Борисе Годунове» Шуйский отвечает на вопрос Воротынского «Как думаешь, чем кончится тревога?» цинично, но верно:

Чем кончится? Узнать не мудрено:
Народ еще повоет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится...

Приведем еще один случай прямой переклички.

У Тацита:

«А в Риме тем временем принялись соперничать в изъявлении раболепия (перед Тиберием) консулы, сенаторы, всадники. Чем кто был знатнее, тем больше он лицемерил и **подыскивал подобающее выражение лица**, чтобы не могло показаться, что он или обрадован кончиною принцепса (Августа) или, напротив, опечален началом нового принципата; так они **перемешивали слезы и радость**, скорбные сетования и лесть».

У Пушкина в сцене на Девичьем поле, когда народ узнает о венчании Бориса на царство:

Один
Все плачут.
Заплачем, брат, и мы.
Другой
Я силюсь, брат,
Да не могу.
Первый
Я также. **Нет ли луку?**
Потрем глаза.
Второй.
Нет, я слюней помажу.
Что там еще?
Первый.
Да кто их разберет?
Народ.
Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис!

И еще одно немаловажное соображение.

В трехсложном полном имени римского историка — Публий (или, по другой версии, Гай) Корнелий Тацит — первое слово — личное имя, второе — родовое, а третье — суть cognomen, то есть прозвище. Tacitus в переводе означает — тайный, неоглашаемый, о котором не говорят. У римлян была богиня Tacita — богиня молчания.

Это как нельзя лучше отвечало тайным замыслам Пушкина, когда он искал подходящее имя, чтобы зашифровать себя в герое поэмы.

Все сказанное дает право думать, что Пушкин, конструируя имя Тазит, рассчитывал на то, что оно для читающего будет прямо ассоциироваться с Тацитом, а стало быть, с ним самим, Пушкиным.

* * *

А теперь постараемся, обрушив на все вышеизложенное канонические суждения самой авторитетной критики о «Тазите» и противостоя им, постараемся или отбросить собственные соображения как негодные, или защитить их.

«Тазит» был опубликован посмертно в 1837 году. Белинский в 1838 году поставил его в ряд тех сочинений, которые говорят «о новом, просветленном периоде художественной деятельности великого поэта России, об эпохе высшего и мужественнейшего развития его гениального дарования». В 1846 году, сравнивая две так называемые кавказские поэмы — «Кавказский пленник» и «Тазит», критик говорил о «великом прогрессе» и отдавал бесспорное предпочтение «Тазиту». «Словно в разные века и разными поэтами написаны эти две поэмы!» — восклицает он.

Белинский, не зная об имевшихся в бумагах Пушкина планах «Тазита» (их было три), гениально угадал, что поэма должна кончиться трагически— смертью героя.

Однако нам важно отметить, что великий критик в разные времена прочитывал и ценил Пушкина по-разному.

В 1834 году он писал: «Тридцатым годом кончился или, лучше сказать, внезапно оборвался период **Пушкинский**, так как кончился и сам Пушкин».

В 1836 году Белинский уже прямо говорил о «закате таланта», о том, что у Пушкина осталось только «одно уменье владеть языком и рифмою».

И вот слова, сказанные в 1839 году: «Великий, неужели безвременная смерть твоя непременно нужна была для того, чтобы мы разгадали, кто был ты?»

Отметим для себя, что первое высказывание критика о «Тазите» сделано в 1838 году, то есть годом раньше, чем было произнесено это «разгадали».

Пушкина, право же, не убудет, если мы немного приземлим «Тазита», то есть попробуем связать его с чисто человеческой судьбой поэта.

Первый биограф Пушкина, П. В. Анненков, которому вдова поэта передала в 1851 году весь архив и право его издания, утверждал, основываясь на двух найденных им планах «Тазита», что «вся драма должна была объясниться и закончиться христианством». В подтверждение этого Анненков ссылался на «Путешествие в Арзрум» — именно на то место, где Пушкин говорит о значении миссионерства для обуздания враждебных России племен, о просветительской роли христианства.

Но прочтем внимательно отрывок из «Путешествия» (который не вошел в первую публикацию и на который ссылается Д. Д. Благой), и мы увидим, что делать из него подобные выводы — значит прибегать к явной натяжке, выдавая желаемое за действительное.

«Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено. Что делать с таковым народом? Должно однако ж надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание евангелия».

Обратите внимание: перечисляя **практические меры** для усмирения горцев, Пушкин ставит **евангелие после самовара.**

Изложив преимущества живого слова проповедника перед «мертвыми буквами» книг и попутно кольнув священников, блистающих велеречием в великолепных храмах, поэт дает ироническую характеристику собственным воззрениям на религию: «Предвижу улыбку на многих устах. Многие, сближая мои калмыцкие нежности с черкесским негодованием, подумают, что не всякий и не везде имеет право говорить языком высшей истины».

Разве можно после всего сказанного выше сделать, подобно Анненкову, вывод, будто Пушкин намеревался превратить «Тазита» в поэму о христианстве? Надо отдать должное Анненкову: он не очень-то настаивал на своей правоте.

По-видимому, прав Г. Ф. Турчанинов, написавший в уже цитировавшейся статье: «Мы должны заметить прежде всего, что у таких исследователей поэмы, как П. В. Анненков, Н. О. Лернер и В. Л. Комарович, не было оснований говорить о христианстве героев пушкинской поэмы — Тазита и его воспитателя».

И, наконец, такое толкование поэмы убедительно опровергается противоречием, которое С. М. Бонди увидел и отметил еще в 1930 году. Он писал:

«В поэме Пушкина ярко показано то жестокое сопротивление, которое противопоставляет горская среда евангельским идеям в лице их носителя Тазита— «черкеса-христианина». Столкновение христианства (этого якобы «более сильного, более нравственного» средства) с традиционным духом черкесского народа протекает в поэме в порядке тяжелого морально-бытового конфликта и (судя по ее программе) должно получить трагическое разрешение. Так в Пушкине художник-реалист вступает в противоречие с мыслителем и политиком».

Вот два плана, написанных Пушкиным для «Тазита» (третий повторял девять пунктов второго плана):

Обряд похорон.
Узденъ и меньший сын.
I день — лань — почта, грузинский купец.
II день — орел, казак.
III день — отец его гонит.
Юноша и **монах.**
Любовь, отвергнутый.
Битва — **монах.**

Этот план был Пушкиным забракован. Работал он по второму:

1. Похороны. 2. Три дня. Черкес христианин. 3. Купец. 4. Раб. 5. Убийца. 6. Изгнание. 7. Любовь. 8. Сватовство. 9. Отказ. 10. Миссионер. 11. Война. 12. Сраженье. 13. Смерть. 14. Эпилог.

Итак, мы видим, что сначала критика построила в толковании «Тазита» совершенно определенную концепцию, а затем сама же обнаружила в ней неразрешимые противоречия. По мнению критики, мысли Пушкина о христианстве никак не увязываются с замыслом поэмы.

Именно это обстоятельство некоторые критики считают и причиной незавершенности поэмы.

Г. Ф. Турчанинов утверждает, что поэма не была закончена «по совершенно очевидным мотивам». Суммируя свои доводы, он заключает так:

«Глубоко в сердце молодое
Тяжелый врезался укор.
Тазит сокрылся — с этих пор
Ни с кем не вел он разговора.

Но под отеческую сень
Не возвратился сын изгнанный.

Совершенно естественно, что подобный конец поэмы не мог удовлетворить поэта, так как он не утверждал торжества идеи преобразования черкесов, расходился с замыслом поэмы».

Но позвольте, ведь и данный конец поэмы и общий ее замысел — целиком в руках самого поэта, он волен все менять, как ему угодно. Правомерно ли видеть причину незавершенности произведения в том, что конец поэмы, придуманный самим Пушкиным, не соответствует его же замыслу?

Иное мнение высказывает Д. Д. Благой.

«Почему же все-таки Пушкин не продолжал и не закончил одного из самых глубоких по проблематике, в нем заключенной, и самых совершенных по художественному воплощению своих произведений, причем **действительно оборвал работу на пункте «Миссионер»**? (подчеркнуто мною.— О. Ш.). Думается, что действительным «ключом» к этому является как раз та развернутая и целиком посвященная теме миссионерства запись Пушкина, которая имеется в его путевых записках, но в «Путешествие в Арзрум», безусловно по соображениям цензурного порядка, не была включена».

Но это доказательство страдает существенной слабостью. Ведь Пушкин осуществил **только восемь пунктов** плана. Он **оборвал поэму, дойдя до пункта 9-го — «Отказ».** А «Миссионер» — 10-й пункт. Отдельные стихи 9-го пункта остались в черновиках.

Окончание следует.

ПОВЕСТЬ

Сергей ВЫСОЦКИЙ

Рисунки И. УШАКОВА.

СМЕРТЬ ТРАНЗИТНОГО ПАССАЖИРА

— Здесь! Вот он...— Полицейский раздвинул упругие ветки вишневых кустов. Дождевые капли зашелестели по листве. Покатились на землю, увлекая за собой розовые лепестки облетающих цветов.

Пожилой коренастый мужчина несколько секунд молча смотрел туда, куда показал полицейский. На траве лежал человек. Из-под небрежно брошенной пластикатовой накидки торчали его ноги, обутые в мягкие домашние туфли. Вода собралась в складках накидки, стекала тоненькой струйкой на светлые брюки лежавшего, в воде плавали белые цветочные лепестки.

— Снимите,— кивнул коренастый.

Полицейский осторожно, чтобы не задеть за мокрые кусты, нагнулся. Снял накидку...

Человек лежал, уткнувшись лицом в густую влажную траву. Одна его рука была неловко подвернута, вторая, вытянутая вперед, впилась в землю. Седые растрепанные волосы потемнели от воды.

— Его экономка позвонила в полицию час назад, господин комиссар,— сказал полицейский. Он все еще держал пластикатовую накидку в руках, не зная, куда ее деть.

Коренастый усмехнулся:

— Да бросьте вы, Клод, эту тряпку.

— Я думал, господин комиссар...— Клод замялся на секунду.— Мало ли там что... Следы, может быть...

Лицо у него было совсем рыжим из-за обилия больших, ярких веснушек. И брови были рыжие. Комиссар подумал о том, что его рыжая, прямо-таки светящаяся физиономия никак не гармонировала с дождливой погодой.

— Какие следы, Клод...— с легким раздражением сказал он.— Я удивлен, что вы сами тут не управились. Обязательно надо было вытаскивать меня?! — Он вздохнул.— Если я буду таскаться черт знает куда из-за каждого самоубийцы...— Комиссар не договорил и с неприязнью посмотрел на седой затылок лежавшего.

— Перевернем его, Клод.

Они осторожно перевернули мертвого... На немолодом, изборожденном глубокими морщинами лице застыла гримаса боли. Пиджак был расстегнут, а на белой рубашке расползлось большое коричневое пятно...

Комиссар долго смотрел на мертвеца, словно пытаясь понять, что же заставило этого человека решиться на последний шаг.

— Кто он?

— Мишель Буроф, господин комиссар,— ответил Клод.— Из администрации фирмы «АБМ». Живет один. Экономка у него приходящая. Богатый человек, господин комиссар. Я заходил в дом...

— Какая странная фамилия,— сказал комиссар.— Буроф! Клод, вы пригласили экспертизу?

Клод кивнул.

— Странно, что он поперся из дому на дождь... Мне это показалось очень странным, господин комиссар.

— Сколько я вас знаю, Клод, вам все кажется странным,— пробурчал комиссар.— Может быть, человеку просто захотелось подышать свежим воздухом перед смертью?

Вечером в ресторане при отеле «Корона» Буров много выпил по случаю удачного завершения дел и теперь лежал в своем номере, чувствуя, как подступает головная боль. Надеясь отогнать ее, он закрывал глаза и пытался лежать расслабившись, ни о чем не думая. Но это не помогло. Буров хорошо знал, что спасти от головной боли его могут только сильнодействующие таблетки. Но таблеток не было, а ему не хотелось спускаться вниз и спрашивать их у сонного портье. В отеле стояла тягучая тишина. Лишь изредка с улицы доносился вой полицейской машины, спешащей куда-то по ночному Брюсселю.

Рядом, жалобно постанывая во сне, лежала девушка, с которой он познакомился в ресторане. Видно, ей снились очень плохие сны. Звали ее Лили, и больше ничего Буров о ней не знал. Лили говорила только по-шведски, а Буров совсем не знал шведского. Она отстала от какой-то большой и шумной компании, гулявшей в том же ресторане, и весь вечер провела с Буровым, мило резвясь, пока совсем не опьянела. Она была хорошенькая, но с чуть простоватым личиком, с несколькими веснушками под большими голубыми глазами. Друзья ее уехали, и Буров долго пытался дознаться у Лили, куда ее отвезти, но ничего добиться не мог. Она мотала головой и упорно повторяла одно лишь слово — «здесь».

Лили разметалась во сне и лежала, едва прикрытая легким одеялом. Около самой груди у нее была большая родинка, совсем как у Мадлен, бывшей жены Бурова. Только у Мадлен эта родинка была совсем черная, такая же черная, как и сама Мадлен. Бурову стало вдруг грустно и одиноко. Вот уже шесть лет исполнилось с тех пор, как Мадлен ушла от него и увела их маленького сына. Буров не мог понять, почему все так произошло: любовника Мадлен не завела — Буров знал, что до сих пор она живет одна, воспитывая их сына. Буров считал, что у них было все для счастливой жизни: он имел хороший доход, любил жену и сына. Ком-

мерческая деятельность, правда, бросала его в разные концы света, но это, как правило, были недолгие командировки, которые, кстати, так способствовали укреплению их бюджета и его положения в фирме.

Уход жены был неожиданным и непостижимым. То, что она в истерике кричала на суде о его черствости и эгоизме, Буров считал просто первыми попавшимися словами — они жили в согласии; во всяком случае, за восемь лет супружества Буров никогда не слышал от Мадлен ни упрека, ни жалобы. И вдруг... Буров возненавидел бывшую жену. Он не стал ездить на свидания с сыном, чтобы не встречать ее. Даже женщин, хоть как-то напоминавших Мадлен, он избегал.

И вот эта Лили... И такая знакомая родинка и грудь, как у Мадлен...

Голова болела все больше. И даже вчерашний успешный финиш с продажей партии счетнорешающих устройств уже не радовал Бурова. Чертова боль! И надо было столько выпить! Виновата эта девка с родинкой...

Буров никогда не позволял себе лишнего. Да и вообще пил редко.

«Старею я...— подумал Буров, и ему стало тоскливо.— Вот и в ресторане на воспоминания потянуло...»

...Он пришел в ресторан часов в восемь. Думал поужинать и пойти в номер, лечь спать. Но тут подвернулась эта Лили... Она сидела за соседним столиком и пялила глаза на Бурова. Судя по всему, девчонка уже изрядно выпила со своими молокососами-друзьями. Буров пригласил ее танцевать. Потом они сидели вместе, пили шампанское, слушали музыку. Верткий чернявый человек из оркестра объявил очередной номер. Не то «Белые лошади», не то «Белые лошадки». Лили захлопала в ладоши и потребовала виски «Белую лошадь». А Буров вдруг вспомнил детство и большую колхозную кобылу по кличке Авария. Она была совсем белая, без единого пятнышка, без единой подпалины, стройная, легкая. На такую бы вскочить и лететь полями да взгорками. Ее еще ни разу не запрягали в плуг. Мать Мишки Бурова возила на Аварии хлеб из соседнего села, где была небольшая пекарня. Буров любил ездить с матерью.

Лошадь бежала мелкой рысью по мягкой пыльной дороге, всхрапывая и косясь на седоков, словно приглашая их понестись вскачь. Вокруг было тихо, спокойно. В глухом еловом лесу, что обступил дорогу, не слышно было даже птичьего пения — только глухой цокот копыт. Лишь иногда тишина нарушалась, когда колесо телеги наезжало на утонувший в пыли камень. Телега подскакивала, звенели цинковые ящики, в которых возили хлеб. И снова тишина.

У пекарни витал аппетитный запах свежего хлеба. Пока дожидались своей очереди, весовщик, поздоровавшись с матерью, выносил горячую буханку.

— Поклюйте, чтоб не соскучиться,— всегда говорил он одну и ту же фразу.

Буров отламывал горячие хрустящие корочки с углов буханки — они были самыми вкусными — и ел.

Иногда мать давала монетку на мороженое, и тогда он бежал к магазину и покупал самое вкусное, что только существовало на свете,— холодное, желтовато-зернистое мороженое, зажатое между двумя хрустящими вафлями, на которых было написано женское имя. Или Мария, или Нина. Буров всегда с восхищением смотрел, как сердитая мороженщица залезала ложкой в круглую жестяную банку и, наскребая из нее, накручивала потом на чашечку хитроумного устройства мороженое, накладывала сверху вторую вафельку и выталкивала готовую порцию...

Раньше Буров почти никогда не вспоминал про «ту» жизнь. Все словно выветрилось из его памяти, отсеклось напрочь. Он старался не встречаться с русскими, жившими во Франции, а если и встречался случайно, то не испытывал никакого желания вести разговоры о прошлом. «Это меня нисколько не волнует»,— говорил он вежливо собеседнику. И был совершенно искренним. И вдруг...

«Неужели старею?» — с тревогой подумал он, глядя, как бегают по струнам пальцы дородной арфистки. Длинные, хищные, они цеплялись за струны, словно лапки гигантского паука за туго натянутые тенета паутины. Бурову показалось, что они существовали отдельно от арфистки — ее надменное сытое лицо было неподвижно, будто окаменело. Большие карие глаза смотрели сонно и безразлично. И только пальцы выдавали ее хищное существо.

...Зазвонил телефон. Звонок был негромкий, но Буров вздрогнул — так неожиданно он нарушил ночную тишину.

— Месье, вас вызывает Париж,— сказала телефонистка.

Буров ждал, удивляясь, кому это он понадобился среди ночи. В трубке слышалась тихая музыка, какие-то шорохи.

— Месье Буроф? — наконец спросил мужчина на другом конце провода, и Буров сразу узнал хрипловатый голос своего шефа, директора фирмы.

— Да, это я, месье Эмбер,— сказал он торопливо.— Что-нибудь случилось?

Еще днем Буров звонил шефу и доложил о том, что все дела в Брюсселе закончены, а сам он утром выезжает в Париж.

— Ничего плохого, месье Буроф... Просто вам придется утром лететь в Токио,— прохрипел директор.— Ближайшим самолетом — в семь. Машину оставьте в Брюсселе... Я понимаю, что у вас могли быть другие планы, но дело слишком большое...— Он помолчал немного.— Я могу положиться только на ваш опыт...— Он снова помолчал.— Если поездка окажется успешной, я буду рекомендовать совету директоров назначить вас начальником экспертного отдела...

У Бурова екнуло сердце, белая телефонная трубка запрыгала в руке. Он хотел сказать: «Благодарю»,— но не мог произнести ни слова.

— Паспорт с японской визой и подробные инструкции вам вручит мой секретарь на аэродроме,— продолжал Эмбер.— Он уже выехал... Чего вы молчите, Буроф? Алло...

— Я готов, месье. Я слушаю внимательно...— Буров передохнул.— Я очень польщен, месье...

— С богом! Из Токио дайте телеграмму...

Буров положил трубку и несколько минут сидел без движения, словно не зная, что делать. Потом посмотрел на часы. Было два часа ночи. Он позвонил портье, заказал такси на пять часов и попросил разбудить его в четыре. Оставалось два часа. «Надо хоть немного поспать»,— подумал он и удивился, что головная боль неожиданно прошла. «Спать, спать,— сказал он себе.— Времени подумать будет еще достаточно». Он выключил свет, лег, обнял Лили и прижался к ней. Но уснуть не мог. Беспокойные мысли лезли в голову, он ворочался, ворочался и снова зажег свет. Встал с постели. Прошелся по комнате, постоял у окна. На улице было темно. Дождь барабанил по стеклам. «Может быть, погода будет нелетной! — подумал Буров и поймал себя на том, что ему приятно думать так.— Что это я?»

Он сел за письменный стол написать в Париж экономке, которая вела все его хозяйство. Но на столе не было ни конвертов, ни бумаги. Буров открыл один за другим все ящики, но бумаги не было. Только пыль, забытые кем-то карандаши. Лишь в одном из ящиков валялась истрепанная книга, без начала и конца. Буров медленно стал ее листать. Это были какие-то письма, статьи, стенограммы выступлений. Ему на глаза попалось «Воззвание к французам».

«Мы по-братски предупредили Германию.

Германия продолжает свое движение на Париж.

Она стоит у ворот».

«Чье же это воззвание?» — подумал Буров. Он почти совсем не знал истории да и вообще читал от случая к случаю. Все больше детективы из дешевой серии...

«Может быть, де Голль?» Но тут же увидел дату: «Париж, 17 сентября 1870».

Он лег в постель и стал читать книгу, надеясь, что все-таки придет сон.

«Очень желательно, чтобы факт, о котором вы прочтете, не прошел незамеченным»,— писал неизвестный Бурову автор в статье «В защиту солдата».

«Солдат по имени Блан, фузилер 112-го линейного полка, дислоцирующегося в Эксе, только что приговорен к смертной казни за тяжкое оскорбление, нанесенное старшему в чине.

Объявлено, что в ближайшем будущем этот солдат будет казнен.

Эта казнь мне кажется невозможной.

Почему? Вот почему:

10 декабря 1873 года руководители армии, заседая в Трианоне в качестве верховного военного трибунала, приняли важное решение.

Они отменили смертную казнь в армии.

Перед ними стоял человек; то был солдат, самый ответственный из всех,— маршал Франции. Этот солдат в самый решительный час, когда совершалась катастрофа, дезертировал со своего поста; он бросил Францию наземь перед Пруссией; он перешел на сторону врага при самых чудовищных обстоятельствах: имея возможность победить, он позволил себя разбить...— Буров читал, и в нем проснулось любопытство, заинтересованность, чем же кончится эта история маршала, перешедшего на сторону врага, и солдата, оскорбившего старшего в чине.— Этот человек умертвил отечество.

Высший военный совет счел, что он заслуживает смерти, и объявил, что он должен остаться в живых.

Что же совершил военный совет, поступив таким образом? Повторяю, он отменил смертную казнь в армии.

Он установил, что отныне ни измена, ни переход на сторону врага, ни убийство родителей (ибо убить свое отечество — то же самое, что убить свою мать) не будут наказываться смертью...

...Бесспорно, многие соображения могли подсказать этим мудрым и храбрым офицерам необходимость сохранения смертной казни для военных. В будущем предстоит война; для этой войны нужна армия; армии нужна дисциплина; наивысшая форма дисциплины — честность; самая нерушимая форма субординации — верность знамени; самое чудовищное преступление — измена. Кому нанести удар, как не предателю? Какого солдата наказать, как не генерала?..

Моральная казнь, заменяющая казнь физическую, более ужасна. Доказательство: Базен...

...Оставьте этого человека в его бездне...

...Если хотят знать, по какому праву я вмешиваюсь в это прискорбное дело, я отвечаю: по великому праву первого встречного. Первый встречный — это человеческая совесть».

Буров бросил книгу на пол, погасил свет. Он лежал с открытыми глазами и думал о том, как же сложилась судьба этого солдата, давшего пощечину своему капралу. И кто это вступился за него, написав статью таким торжественным, возвышенным слогом? «Первый встречный — человеческая совесть... Красиво сказано,— подумал он.— Первый встречный... Красивая ложь... Совесть — это сам человек. Каков человек, такова и совесть. Они всегда в согласии, они всегда вместе. Остальное — красивая ложь».

Он думал и думал об этом солдате и решил, что все же его расстреляли. «Мало ли кто писал... Солдат — всего лишь солдат. Маршала могли и пощадить, но не солдата». Буров представил себе маршала на белом коне. «Почему на коне, и на белом? — тут же подумал он.— Это у матери была белая кобыла Авария, на которой мы ездили за хлебом».

Смутное осознание того, что все только что прочитанное имеет какое-то далекое отношение к его судьбе, вдруг одолело Бурова, но он тут же отогнал эту мысль. «Я не изменник,— подумал он,— у меня просто не было выхода. Таких, как я, тысячи, десятки тысяч». Буров усмехнулся: «Вот чертовщина. Чтой-то я?» Так и не уснул...

Утром он бодро вскочил, быстро собрался и, даже не взглянув на спящую Лили, вышел из номера. Расплатившись, Буров дал портье денег и попросил его помочь девчонке отыскать свой отель.

Но едва он сел в такси, бодрое настроение улетучилось. Зябко поеживаясь, он смотрел на темные пустынные улицы. Странное чувство испытывал Буров. Он понимал, что настоящая, большая удача выпала ему. Большой, редкий фарт. Сбывается давнишняя мечта, будет он теперь не просто хорошо обеспечен, а богат. Будет большим человеком, самостоятельным и независимым. И этому надо радоваться. Но радоваться по-настоящему он почему-то не мог.— Какая-то печаль лежала на сердце и мешала радоваться. Какая-то зыбкость и непонятное легкое раздражение владели Буровым. Ему было жаль, что пришлось так рано встать и уйти из своего теплого, уютного номера, от этой пустой, но такой уютной девчонки, разметавшей золотистые волосы на подушке. Бурова раздражало то, что сейчас приходится ехать в такси по темным холодным улицам, кутаясь в плащ, а потом дожидаться самолета, вступать в необходимые и в то же время ненужные разговоры с десятками людей. Ему не хотелось всего этого. Даже мысли о том, что придется все это делать, раздражали.

«Это первый признак старости,— в который уже раз подумал Буров.— Одинокой старости».

Гигантский аэропорт выглядел пустынным и заброшенным. Небольшие группы пассажиров терялись в огромном зале ожидания. У кассы Бурова дожидался Левель, секретарь шефа. Он был, как всегда, угрюм и немногословен. Передавая Бурову конверт с письмом шефа и паспорт, Левель буркнул:

— Мороки с этим паспортом было... Но уж если шеф решил, то своего добьется. Все сделали за полдня.

Буров подумал, что мороки, наверное, действительно было немало. И раз уж шеф добился всего, значит, ему это было очень надо.

Левель приподнялся на носках, окинул Бурова с ног до головы взглядом, словно оценивая, достаточно ли прилично он выглядит для поездки, и подал руку.

— Желаю удачи! Возвращайся на коне! А я устал безумно. Ехал всю ночь. Пора и отдохнуть..

Буров взял билет. У него еще оставалось время, и он зашел в бар выпить кофе. Не терпелось прочитать, что пишет шеф.

Бар был пуст и мрачен. Темно-вишневый ковер на полу, низкий, черный потолок создавали впечатление неуютной бездомности. За стойкой сидел ссутулившись один-единственный на весь бар посетитель. Да бармен, бубня себе под нос незатейливую мелодию, бесшумно орудовал бутылками, составляя коктейль.

Буров взгромоздился перед стойкой, попросил кофе и виски. Достал письмо шефа и только собрался вскрыть конверт, как его окликнул сосед:

— Вот так встреча! Вы ли это, месье?

Раздосадованный, что ему помешали, Буров оглянулся: соседом по стойке был Жевен, представитель одной парижской фирмы. Бурову нередко приходилось сталкиваться с этим респектабельным, несколько благообразным на вид, но удивительно пронырливым человеком. Фирма, которую представлял Жевен, тоже занималась компьютерами и была главным конкурентом фирмы, где работал Буров.

Буров не любил Жевена. Собственно, какихто серьезных, основательных причин у него для этого не было. Просто раздражение от того, что Жевен чуть больше преуспевал, что всюду у него были друзья, что держался он, как министр, и позволял себе снисходить до деловых советов Бурову. Это было невыносимо. К тому же, в этом он много раз убеждался, встреча с Жевеном была для него плохим предзнаменованием. А Буров верил в приметы...

— Вот уж кого не ожидал увидеть в такую рань, так это вас, месье Буроф.— Жевен приветливо улыбался, но Бурову показалось, что взгляд у него настороженный.— И, главное, в этом унылом Брюсселе, где парижане мрут от скуки!

Буров не торопясь спрятал письмо шефа в карман. Сказал:

— Мы всегда встречаемся с вами черт знает где. И почти никогда в Париже!

Жевен кивнул.

— Пути господни неисповедимы. Но я очень рад видеть вас, Буроф! Вы прекрасно выглядите. Время не берет вас!

— Что говорить о времени, месье Жевен.— Буров поднял стакан с виски.— Давайте лучше выпьем.

Они выпили.

— Вы далеко?— спросил Жевен.

Бурову совсем не хотелось говорить, куда он летит. Он ответил только:

— Да, на этот раз далеко... А вы?

— И у меня, месье Буроф, большой вояж. Еще виски?

Буров кивнул. Подумал: «Этот старый хрен никогда не скажет, куда и зачем едет. Ну и пусть подавится своими секретами».

Они выпили еще. Буров принялся за кофе, досадуя, что так и не прочитал письмо шефа. «Ну да ладно,— решил он.— Сейчас распрощаюсь с этим хлюстом и прочитаю...» В это время диктор объявила посадку на московский рейс. Буров посмотрел на Жевена. Их взгляды встретились. Жевен понял и рассмеялся:

— Нам объявили посадку, попутчик?

— Значит, и вы?— сказал Буров.— Забавное совпадение...

— Значит, и я,— подтвердил Жевен.— Но я не в Москву. Я дальше, в Токио...

— В Японии мы с вами еще не встречались... Ну что ж, я начинаю верить журналистам, что мир наш не так уж и велик.

Они расплатились и пошли на посадку. Жевен болтал без умолку, но Бурову казалось, что он расстроен. «Старой лисе не нравится моя поездка в Токио?— думал Буров.— Но почему? Значит, неспроста летят к японцам представители двух конкурирующих фирм...»

Как только самолет набрал высоту и погасили предупредительные табло, Буров пошел в туалет. В самолете народу было не так много, и Жевен сел рядом с Буровым, так что прочитать письмо шефа не было никакой возможности. Конверт был фирменный, и Буров не хотел привлекать внимание своего попутчика.

...Ничего неожиданного в письме шефа не было. Очередная сделка, правда, как понял Буров, очень выгодная. На этот раз с японской фирмой по производству полупроводников. И лишь небольшая тонкость: сделку надо было заключить в понедельник, иначе японцы вынуждены будут обратиться к представителям другой фирмы...

Он спрятал письмо и вернулся в салон. Жевен дремал, откинувшись на мягком кресле. На коленях у него лежала библия. Когда Буров садился, он открыл глаза, улыбнулся. Буров посмотрел на него с затаенной неприязнью. Подумал: «Небось, и он меня готов испепелить, а вот приходится улыбаться. Ну что ж, сегодня суббота. Завтра я буду в Токио. Жевену не на что рассчитывать, если он летит по этому же делу».

В салон вошла стюардесса.

— Дамы и господа, минуту внимания. Наш самолет через пять минут пересечет государственную границу Советского Союза.

Пассажиры оживленно задвигались, стараясь заглянуть в иллюминаторы. А там лишь громоздились одно на другое мощные ослепительно-снежные облака. Буров заметил, что нижний их слой был мрачно-синий, кое-где почти совсем темный.

— Мы летим на высоте девяти километров,— продолжала стюардесса.— Температура за бортом пятьдесят пять по Цельсию... В Москве сейчас плюс пятнадцать. Идет слабый дождь.

— Черт возьми, как некстати этот дождь,— выругался Жевен,— чего доброго, не дадут посадки, и мы упустим самолет. Вы же знаете, на Токио он летит только раз в неделю.

— Напрасно беспокоитесь.— Буров посмотрел на Жевена и улыбнулся — с таким огорчением глядел тот на стюардессу.— Сейчас и взлетают и садятся в любую погоду... Бросьте вы свою библию и давайте выпьем за наши успехи.

Он подозвал стюардессу, попросил виски. Через несколько минут она подкатила к ним тележку, заставленную бутылками, сигаретами, плитками шоколада.

Жевен со вздохом отложил библию и, глядя, как Буров кладет лед в стаканы, сказал:

— «Все труды человека — для рта его, а душа не насыщается».

— Хотел бы я знать, чем можно насытить вашу душу, Жевен? — спросил Буров.— Уж не за пищей ли для души летите вы в Японию?

— Наша фирма не так богата, чтобы оплачивать духовную пищу своим мелким служащим,— смиренно ответил Жевен.— Духовную пищу они ищут в библии, коллега. А в Японии я буду изучать патентное дело.

Буров усмехнулся и поднял стакан.

— За ваши успешные поиски, Жевен! И еще за то, чтобы они всегда проходили в стороне от моих.

«Эта хитрая лисица неспроста летит в Японию,— думал он, глядя, как Жевен тянет виски.— Все его разговоры про систему патентного дела не стоят выеденного яйца... Жевен не из тех, кто первому встречному расскажет о своих намерениях. Уж не летит ли он за тем же, за чем и я...»

— Скажите, Буроф, вы ведь русский. Какие чувства вы испытываете, бывая на родине?

— А я не бывал в России...

— С тех пор?

— Да, с тех самых...— ответил Буров и посмотрел в иллюминатор. Но там все так же клубились облака.

— И у вас никогда не появлялось желания побывать дома? — не отставал Жевен.

— Я никогда не был сентиментален,— усмехнулся Буров.— Мой дом там, где я живу. Уверен, что и вы, Жевен, предпочли бы иметь теплое гнездышко с десятком хорошо обставленных комнат у черта на куличках, чем развалюху у себя на родине? А?

Жевен засмеялся, но ничего не ответил, и Буров, глотнув виски, сказал:

— Все так думают, но только не все имеют смелость говорить это вслух.

— Вы что же, не верите в то, что существует любовь к родине? К месту, где человек родился, к стране, в которой он вырос и живет, к стране его предков и сыновей?

— Ах, месье! Зачем столько эмоций? — Буров иронически посмотрел на Жевена, так горячо принявшегося спорить.— Каждый верит в то, во что ему выгодно верить... Может быть, слово «выгодно» слишком грубо... Скажу тогда так: каждый верит в то, что помогает ему жить. Хорош бы я был со своей «любовью к родине», как вы выражаетесь, живя в вашей Франции. Да мне надо было бы еще двадцать пять лет тому назад повеситься на первом суку. Эта любовь не прибавила бы мне силы для борьбы за свое место в жизни, для борьбы с такими, как вы...— Буров развел руками, словно извиняясь и желая сказать: такова жизнь, месье Жевен, и мы должны принимать ее именно такой! Ведь никто, месье, не поделится добровольно тем, что он имеет, с другим человеком, а тем более с каким-то неизвестным беженцем. Даже тот, кто чтит бога или делает вид, что верит, не расставаясь никогда с библией...

Жевен усмехнулся.

— Удерживай язык свой от зла и уста свои от коварных слов... Вы сердиты на весь свет, Буроф.

— Нет. Я уже давно не сердит. С тех пор, как приобрел себе положение и достаточно средств. Озлобленными могут быть только обделенные.

Они замолчали. «Хорошо я отбрил этого ханжу,— подумал Буров.— Так ему и надо, пусть не лезет в чужую душу». Но тут же ему стало все безразлично — и этот надутый человек, и дождь в Москве, и все-все на свете. Он откинул кресло и закрыл глаза. В голову лезли всякие видения: то Лили, разметавшаяся в постели, с родинкой около груди, вдруг показавшаяся близкой и такой необходимой ему, то пальцы-пауки равнодушной кареглазой арфистки. Буров старался отогнать эти видения, старался думать о Токио, о том, как интересно будет ему в этом экзотическом городе, но никак не мог избавиться от них. Наконец он задремал.

Бурова разбудил бархатный голос стюардессы:

— ...будем садиться на запасном аэродроме.

В салоне поднялся шум. Пассажиры обеспокоенно переговаривались.

— В чем дело? — спросил Буров Жевена и тут только заметил, что лицо его попутчика искажено злобой.

— Вот свиньи! Москва не принимает из-за плохой погоды! У них там четыре аэродрома. Не везде же гроза! Вот вам и «при любой погоде».

— Но в чем же дело? И где этот запасной аэродром? — спросил Буров, с интересом глядя на озлобленного Жевена.

— Перед Москвой — грозовой фронт. И в Москве сильная гроза. Вот они и получили сообщение, что Москва не принимает. Предлагают садиться черт знает где. Русские просто перестраховщики... Какое им дело до того, что у людей могут быть срочные дела.

Как ни расстроен был и сам Буров, он не удержался от того, чтобы не съязвить:

— Но что вам беспокоиться, Жевен? Неделей раньше начнете изучать патентное дело в Токио, неделей позже... Или фирма ограничила вас во времени?

Жевен с такой ненавистью посмотрел на Бурова, что ему стало не по себе.

— Я пойду говорить с пилотами,— твердо сказал Жевен,— я скажу, что авиакомпании придется платить неустойку, большую неустойку за мое опоздание. Так не поступают деловые люди...

Он уже собрался идти, но Буров положил ему руку на колено.

— Жевен, но ведь мы не одни в самолете. Здесь женщины и дети.

— Что вам до этого? Пустите меня! — взвизгнул Жевен.— Вы ведь тоже летите не на прогулку...

Буров усмехнулся.

— Я слышу речь не мальчика, но мужа. Желаю успеха!

Жевен ушел. Сидевшая рядом немолодая дама, видимо, слышала их разговор. Она смотрела на Бурова испуганно.

— Месье, неужели это возможно?

— Что, мадам?

— Неужели он сможет повернуть самолет?

— Я думаю, он сделал бы это, если бы...

— Если бы...— как эхо повторила дама.

— Если бы это была не Россия. Русские действительно перестраховщики. Но если бы не пошел он, то я бы пошел, мадам!

Дама посмотрела на Бурова с ужасом.

Жевен вернулся вне себя и молча сел. Буров ждал, когда он успокоится.

— Они хорошие парни... Но русские отказались принимать.

Стюардесса объявила, что самолет идет на посадку, и попросила пассажиров пристегнуть ремни. Буров посмотрел в иллюминатор. Они входили в плотные, темные, зловеще темные облака. «Никак, и здесь дождь?» — подумал он.

В самолете стало темно, легкая дрожь пронизала его зыбкое тело. Буров взглянул в иллюминатор: темные клочья облаков проносились мимо, и Бурову показалось, что он слышит, как свистит ветер и скребут по обшивке вдруг ставшие жесткими облака. Самолет сильно тряхнуло. Потом еще раз... Заплакала девочка-негритянка. Мать стала успокаивать ее, нежно гладя и что-то быстро приговаривая по-испански. Она задернула занавеску и напряженно глядела на табло, где горели слова «НЕ КУРИТЬ, ПРИСТЕГНУТЬ РЕМНИ». В глазах у нее был испуг.

Месье Жевен замер в своем кресле, и только губы у него шевелились. «Наверное, молитвы читает,— подумал Буров злорадно.— Трусишка». Жевен снял руки с подлокотников и сложил на животе. На матовой коже подлокотников остался мокрый след от ладони...

Кабина самолета вдруг наполнилась ослепительным светом молнии, и сразу же раздался оглушительный треск. «Как глупо,— мелькнула у Бурова мысль.— Так не хотелось лететь...» Он почувствовал, что Жевен вцепился ему в локоть.

А уже в следующий момент Буров понял, что самолет катится по твердому полю аэродрома.

«Толчок я прозевал»,— подумал Буров, освобождаясь от рук Жевена.

Самолет остановился.

Гром гремел с прежней силой, чудовищный ливень хлестал по обшивке, на улице было темно, как ночью, но в салоне поднялась веселая суета. Стоял невообразимый гомон, кто-то всхлипывал, все наперебой делились впечатлениями.

— Ах, я думала, это конец,— говорила седая дама.— От испуга я не могла вспомнить ни одной молитвы...

— А я решил, что русские пустили в нас ракету,— сказал немолодой американец и нервно захохотал.

Жевен посмотрел на Бурова и, виновато улыбнувшись, сказал:

— Псу живому лучше, нежели мертвому льву.

Буров промолчал.

Стюардесса вышла из кабины пилотов и, помедлив несколько секунд, чтобы улегся шум, сказала:

— Мы сели в Ленинграде. Из-за плохой погоды придется ждать здесь до вечера... Погода, вы сами видите, какая...— Мило улыбнувшись, она кивнула белокурой головой на иллюминатор.— А в Москве еще хуже. Как только кончится дождь, вы сможете выйти из самолета, подышать русским воздухом.

Косые струи дождя зло хлестали в окна аэровокзала. Буров с удовлетворением, даже со злорадством отметил, что аэровокзал какой-то старомодный, темноватый и совсем маленький. Он невольно сравнил его с гигантскими постройками в Брюсселе, откуда вылетел три часа назад. «А Орли, Бурже... Все отстает она, матушка-

ПЛАМЯ

И. В. Курчатов.

Борис **ИВАНОВ**

Чувство гордости охватывает тебя, когда в конце фильма[1] звучат слова:

«Я счастлив, что родился в России и посвятил свою жизнь атомной науке Страны Советов. Я глубоко верю и твердо знаю, что наш народ и наше правительство только благу человечества отдадут достижения этой науки».

Скорбь и тревога сжимают сердце, когда в начале фильма видишь на экране похоронную процессию и слышишь:

«Ненастным зимним днем на Красной площади страна хоронила русского ученого, академика Игоря Васильевича Курчатова».

Между этими двумя эмоциональными точками проходит всего лишь пятьдесят минут, а перед глазами развертывается огромная жизнь человека, вместившая в себя целую эпоху отечественной науки. И тяжелая скорбь, охватившая тебя с первых траурных кадров, сменяется постепенно верой

[1] «Атомное пламя». Авторы фильма Г. Ершов, Б. Карпов. Производство Центральной ордена Красного Знамени студии документальных фильмов. 1970 год.

РАЗУМА

в бессмертие тех, кто отдал без остатка Родине и труд, и гений, и любовь. Нет, тлен не властен над этими людьми. Пройдут столетия, на место одних поколений станут другие, а имя его, дело его всегда будут с живыми рядом. Именно с таким оптимистическим чувством покидаешь зрительный зал. Именно поэтому свою рецензию я и начал с конца фильма.

В сложные годы истории русский народ всегда находил в своей среде богатырей, которым бывали по силам трудности и невзгоды, казавшиеся непреодолимыми. Таким сложным годом оказался для нас 1945-й. Почему? — спросит читатель. Ведь Советская страна только что одержала историческую победу над немецким фашизмом. Слава о мощи и мужестве ее армий гремела на всех континентах. Да, это так. Но в руках нашего союзника по войне, противника по мировоззрению, идеологии и окончательным целям борьбы — Соединенных Штатов появилась атомная бомба. В этот год они сбросили ее на города Хиросима и Нагасаки. В головах многих государственных деятелей Америки утвердилась мысль, что с сего момента им обеспечено полное политическое господство на мировой арене. И, конечно, главное острие этой силы они направят в сторону первой социалистической державы. Надо было выбить из неразумных голов эту мысль. Силой, которая могла бы это сделать, являлась советская ядерная бомба. Русским богатырем, взявшимся за ее создание, и оказался Игорь Васильевич Курчатов.

Фильм «Атомное пламя» посвящен подвигу этого богатыря, тому, как он делал «в своей работе, в жизни самое главное». Используя фотографии, документы, живые свидетельства соратников, друзей и близких Игоря Васильевича, постановщики показали, откуда есть, пошел и какими трудными путями достиг он поставленной цели.

А есть Игорь Васильевич из поселка Сим, который затерялся среди отрогов южноуральских гор. На экране уральский пейзаж: пологие горы, покрытые дремучими лесами; пыльная проселочная дорога; извилистая тихая речка в зеленых крутых берегах — строго красивое и неохватно безбрежное русское раздолье. Кстати, очень удачно, со вкусом используются в картине пейзажи, будь то виды городов, сельских или промышленных мест, связанных с судьбой Игоря Васильевича. Эти кадры, снятые одним из старейших кинооператоров, П. Касаткиным, не только дополняют подчас холодные в своей статичности фотографии, но и как бы оживляют их. Зрители забывают, что перед ними просто снимок из семейного альбома или из архива ученого. Также помогают выйти из рамок статичности и живые рассказы друзей и помощников Игоря Васильевича, умело, с тактом вкрапленные в фильм.

А пошел великий русский физик к вершинам науки по дороге грузчика, слесаря, через физико-математический факультет Таврического университета. Затем Ленинградский физико-технический институт. Работа, работа у приборов, в лабораториях, без отдыха, все глубже — в тайны атома. Игорь Васильевич отказывается от зарубежных поездок в Кембридж и Геттинген. Природные дарования, упорный труд вскоре приносят свои плоды. Он доктор физико-математических наук. Под его руководством в радиевом институте запускается циклотрон — первый в Европе ускоритель ядерных частиц. Растет авторитет Курчатова как физика-ядерщика.. Война. Осажденный Севастополь. С группой ученых-добровольцев Игорь Васильевич размагничивает в порту корабли, оберегая их от вражеских мин.

В это время к берегам Соединенных Штатов, далеких от взрывов снарядов и всполохов пожаров, стекаются виднейшие физики Европы, такие, как Сциллард, Тэллер, Ферми. Америка тайно от своих союзников ведет поиск с далеко идущими целями. Скорее, скорее. Средств не жалко.

Здесь авторы фильма довольно обильно используют иностранную кинохронику, придав тем самым своему талантливому произведению политическую злободневность, публицистический накал и художественную убедительность.

Советский Союз же один. Фашистские снаряды рвутся на нашей территории. Рушатся города, горят села на советской земле. Пришлось начинать чуть ли не заново. Курчатов собирает всех, кому была по плечу предстоящая работа. Трудно. Очень трудно. Нужно было связать воедино теоретические исследования, техническую работу, инженерную мысль, практическую организацию всех дел, чтобы начать наступление на атомном фронте.

Зритель видит Игоря Васильевича не только как исследователя, экспериментатора, но и как государственного мужа, организатора лабораторий, институтов, целых промышленных комплексов. Видит трудные пути к цели.

И цель была достигнута. В сентябре 1949 года мир узнал об испытании советской атомной бомбы. Был создан советский атомный щит. Политической монополии США, о чем так мечтали их недальновидные деятели, был положен конец. Мир вздохнул с облегчением.

Но атомная энергия не только бомба. Ее можно применить и в промышленности, на благо людей. Курчатов загорелся и этой идеей. «Это проблема человечная,— говорил он,— мы сделаем все, чтобы быть достойными любви и высокого доверия, которое питает к своим ученым наш советский народ и его Коммунистическая партия».

И проблема была решена раньше всех именно в нашей стране. Первая атомная электростанция. Первый атомный ледокол...

Последний раз Игоря Васильевича Курчатова видели в Большом зале Московской консерватории. Он слушал «Реквием» Моцарта.

Requiem eternam dona eis.
Покой вечный дай им.

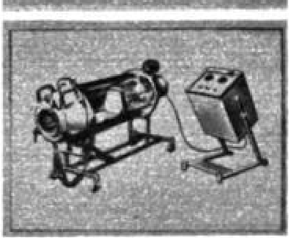
Предчувствие? Может быть. Фильм рассказал о вечной жизни. Пламя разума зажгло атом.

1958 год. В кулуарах сессии Верховного Совета СССР. И. В. Курчатов, А. И. Микоян и А. Н. Туполев.

По следам наших выступлений

Барокамера
Кравченко
активной
гиперемии

БАРОКАМЕРА — ЭКСПОНАТ ВДНХ

На Выставке достижений народного хозяйства СССР демонстрируется барокамера Кравченко активной гиперемии. Аппарат разработан Центральным конструкторским бюро «Механизация».

В официальном документе Министерства медицинской промышленности СССР особо подчеркнуты широкий диапазон действий и эффективность барокамеры в лечении начальных стадий сосудистых и других заболеваний конечностей, а способ лечения назван новым и перспективным.

В нашем журнале мы рассказывали о трудностях внедрения в медицинскую практику новой конструкции барокамеры, о препятствиях, которые ставят некоторые работники Министерства здравоохранения СССР на пути нового метода лечения (статьи «Барокамеры Василия Кравченко» и «Разговор не окончен»). Однако разговор о новом аппарате не окончен и по сей день: идут и идут письма наших читателей — больных и здоровых, пациентов и врачей. В редакции нет только писем из Министерства здравоохранения СССР. По существу, дело с барокамерой Кравченко не сдвинулось с мертвой точки.

Демонстрируя барокамеру на ВДНХ СССР, наша промышленность свидетельствует, что она готова удовлетворить запросы медицинских учреждений. Однако мало изготовить тот или иной инструмент, прибор или аппарат. Надо еще внедрить его в широкую медицинскую практику, сопроводив грамотной инструкцией, обучить врачей эффективно, со знанием дела пользоваться новым способом лечения. Очевидно, Министерство здравоохранения СССР к этому еще не готово.

Россия, как ни старается...» Буров прошелся по небольшому залу. У буфета, заставленного бутылками и яркими коробками конфет, толпился народ. Буров поинтересовался, берут ли франки. Франки принимали. Он выпил кофе с коньяком. Кофе был вполне приличным, а коньяк просто превосходным.

— Армянский? — спросил он у буфетчицы.

— Коньяк молдавский, месье,— ответила та по-французски и почему-то покраснела. Буфетчица была совсем молодая, чернявая, с большим красным бантом на затылке.

На бант Буров обратил внимание еще издали и неприязненно подумал: «И банты-то красные заставляют носить...»

Он подошел к окну и стал смотреть, как кидает ветер пригоршни дождя прямо в окна, как треплет потемневший флаг у выхода на летное поле.

«Как странно,— подумал Буров,— вот я и в России. А ничего не переменилось во мне, я не припал грудью к земле при выходе из самолета, не кинулся обнимать первых встречных земляков... И волнует меня сейчас только одно — успею ли я к самолету на Токио. Двадцать пять лет — это целая вечность, четверть века! За это время можно не только отвыкнуть, но и забыть навсегда... Пройдет несколько часов, и я преспокойно улечу в Москву. Несколько часов там... Но что мне Москва? Пустой звук. Я никогда в ней не был, не ходил по ее площадям. А в Париже я знаю каждую улочку, каждый садик. С ним связаны самые яркие воспоминания. Моя жизнь. Двадцать пять лет».

Жевен остановился рядом. С понимающей улыбкой посмотрел на Бурова. «Идиот,— подумал Буров,— решил, небось, что воспоминания меня одолели...»

— Наблюдаете родину? — спросил Жевен.

— Много тут понаблюдаешь! — Буров кивнул на окно.— Такой дождь может лить и в Париже. Там только побольше комфорта для того, чтобы его переждать.

— Пилоты говорят, что вылетим не раньше восьми вечера,— сообщил Жевен.— Меня успокаивает только то, что в Москве погода еще хуже и никто не летает... Русский «ТУ» никуда от нас не уйдет. Кстати, через полчаса обед. Русский обед, месье Буроф!

Буров промолчал.

Дождь вдруг стал стихать. Из серой пелены один за другим начали проступать силуэты самолетов. Они были разных марок. Но больше всего «ИЛов», «ТУ»... Вот и «Каравелла». Стройные, вымытые дождем, самолеты прижались к бетону аэродрома, готовые взмыть в небеса.

Потом стали видны дальние ангары, дома городской окраины, и вдруг Буров увидел большой холм, укутанный невысоким лесом, и купола обсерватории на нем. «Пулково,— узнал Буров,— Пулковские высоты». И еще: он не увидел, а скорее представил, почувствовал, как взлетает на холм ровная, словно стрела, дорога, делает зигзаг, огибая здания обсерватории, и мчится, мчится дальше на юг, через необозримые поля, перелески, рассекая деревушки со странными названиями, вроде Дони на Гатчину, на Лугу, к неприметной осиновой рощице на краю огромной мшары. И здесь в сторону от гудящего под колесами грузовиков асфальта отлетает мягкий, весь в колдобинах и лужах проселок, ведущий в тихую деревушку Бересть. Буров смотрел на Пулково и думал о том, сколько раз приходилось ему ездить мимо этих зданий. И в дождь и в солнечную погоду, когда с холма открывался перед тобой весь Ленинград, как на ладони.

Безотчетное желание выйти на шоссе и сесть в автобус, идущий в сторону Берести, вдруг овладело Буровым. Просто так — выйти и сесть. И ехать спокойно, ни о чем не думая. Смотреть по сторонам, запоминать, сравнивать... и оставаться равнодушным.

«Времени у меня много. Выйду — и в автобус. Надо только выйти. А там...— Буров усмехнулся.— Сошлюсь на особые обстоятельства в случае чего. Вот и дождь так кстати перестал».

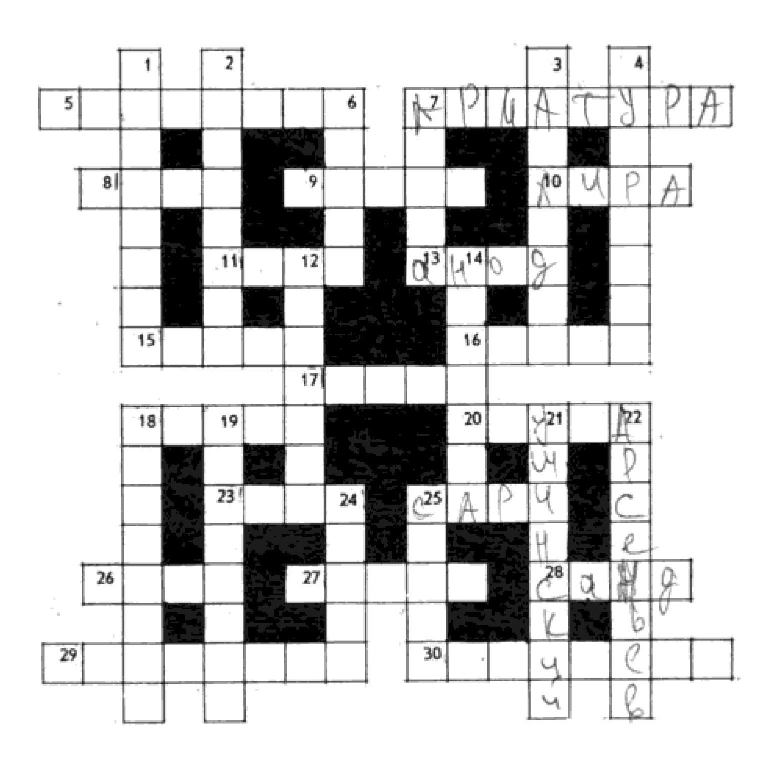
Он спустился на первый этаж и уверенно пошел прямо к проходу в небольшом барьерчике, около которого сидел дежурный с красной повязкой.

— Товарищ, вы куда? — спросил он Бурова, поднявшись со стула.

— Да я здесь, папаша,— улыбнулся Буров,— газетки, конфетки...

— Газетки-конфетки,— проворчал дежурный,— в следующий раз не выпущу. Обязательно лезут туда, где иностранцы. Как будто здесь медом намазано...

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Ударный музыкальный инструмент. 7. Каркас железобетонного сооружения. 8. Шахматная фигура. 9. Птица семейства ястребиных. 10. Денежная единица Италии. 11. Природное минеральное соединение. 13. Электрод. 15. Ансамбль из девяти музыкантов-исполнителей. 16. Стихотворный размер. 17. Система борьбы, самозащита без оружия. 18. Сорт яблок. 20. Река в Эфиопии и Сомали. 23. Пушной зверек. 25. Женская одежда в Индии. 26. Горная система в Южной Америке. 27. Вид гравюры. 28. Автор романа «Консуэло». 29. Изображение пространственных фигур на плоскости. 30. Верхняя часть колонны.

По вертикали: 1. Альпийская фиалка. 2. Опера Р. Вагнера. 3. Областной центр в Казахстане. 4. Римский поэт и философ. 6. Промысловая рыба. 7. Вулкан на острове Хонсю. 12. Повесть М. Горького. 14. Город в Приморском крае. 18. Актер, народный артист СССР. 19. Почтовое отправление. 21. Основоположник русской педагогической науки. 22. Исследователь Дальнего Востока. 24. Спутник планеты Сатурн. 25. Минерал, в состав которого входит свинец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали: 4. Оратория. 6. Портьера. 8. Инари. 12. Арена. 13. Австрия. 14. Вулкан. 15. Сноп. 17. Маска. 18. Дятел. 19. «Арлезианка». 20. Фобос. 22. Мокко. 23. Арфа. 25. Гривна. 26. Белград. 27. Гамак. 29. Осока. 30. Ансамбль. 31. Динамика.

По вертикали: 1. Газета. 2. Лисица. 3. Пролетка. 5. Мармелад. 7. Алеко. 9. Новосибирск. 10. Спартакиада. 11. Бистрица. 14. Ванкувер. 15. Схема. 16. Пиала. 21. Саврасов. 22. Магеллан. 24. Рампа. 27. Графит. 28. Кассио.

На первой странице обложки: Бортинженер, кандидат технических наук Виталий Севастьянов и летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза полковник Андриян Николаев в кабине космического корабля «Союз».

Фото А. Моклецова (АПН).

На последней странице обложки: Центр управления полетами космических кораблей. На экране — борт корабля «Союз-9».

Фото Н. Анимова (ТАСС).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 9/VI-70 г. А 00398. Подп. к печ. 23/VI-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1119. Тираж 2 200 000 экз. Заказ № 1655.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

СЧАСТЛИВЫЙ ДАР — МУЗЫКА

«Обещала не прощать»... Недавно прозвучала эта песня по радио в «Добром утре». Я слушал и вспоминал, как много лет назад мы встретились в Ростове-на-Дону с ее автором, Семеном Аркадьевичем Заславским; оперетта «Славянка» стала началом нашей большой творческой дружбы. Счастливый дар — музыка, способность проникать музыкой в сердца людей, современников — снискал композитору, отметившему в эти дни свое шестидесятилетие, широкую известность у слушателей, любовь исполнителей. С большим успехом исполняет песни С. Заславского Краснознаменный ансамбль имени Александрова; постоянно присутствуют произведения композитора в репертуаре хора Всесоюзного радио и эстрадного оркестра; песни о партии, об армии и, конечно, песни о родном Доне, на берегах которого прошли детство и юность Заславского.

Оптимистичный жанр оперетты близок по духу жизнелюбу Заславскому. Совсем недавно он написал веселую оперетту для детей «Не бей девчонок» — о мальчишеском благородстве; эту музыкальную комедию включил в свой репертуар Московский театр оперетты.

Николай ДОРИЗО

ЗНАЕШЬ...

Стихи Михаила **ПЛЯЦКОВСКОГО.**

Музыка Семена **ЗАСЛАВСКОГО.**

Помешаю ложкой в чашке
Золотой грузинский чай.
Ты мне письма шли почаще,
Добрым словом привечай.

Я живу, как будто в сказке —
Там, где кружит мошкара,
По соседству с морем Карским,
Возле рыжего костра.
Знаешь, по соседству с морем Карским,
Знаешь, возле рыжего костра.

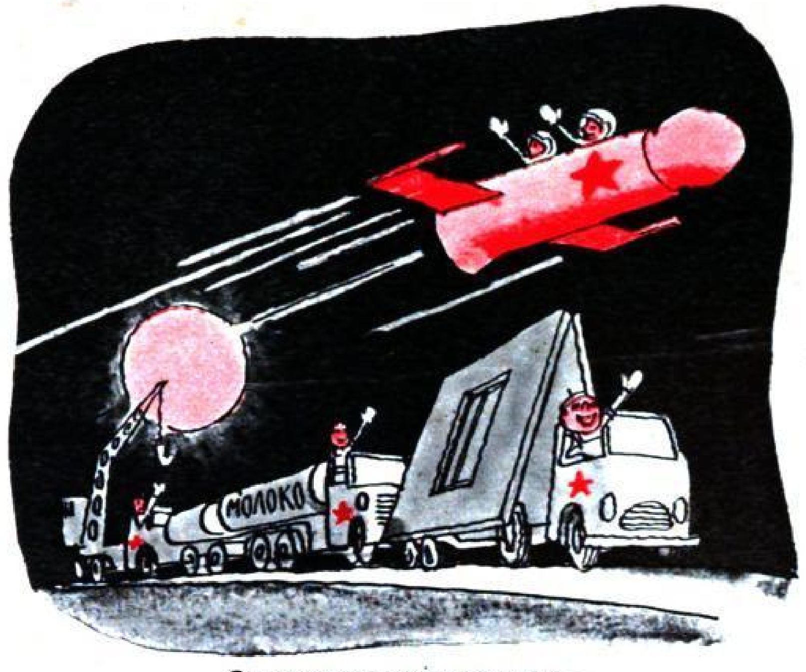
Гуси крыльями мне машут,
Стала мне вовсю своя
Тундра, полная ромашек,
Всякой рыбы и зверья.

На заре лицо умою,
Погляжу пяток минут,
Как по заспанному морю
Льдины белые плывут...
Знаешь, тут по заспанному морю,
Знаешь, льдины белые плывут.

А потом опять рассветы
Буду я встречать в пути.
Не волнуйся обо мне ты,
Если можешь, не грусти!

Понимаешь, эта тундра,
Этот Север — не пустяк...
Без тебя мне очень трудно,
А без них — нельзя никак.
Знаешь, без тебя мне очень трудно,
Знаешь, мне без них — нельзя никак!

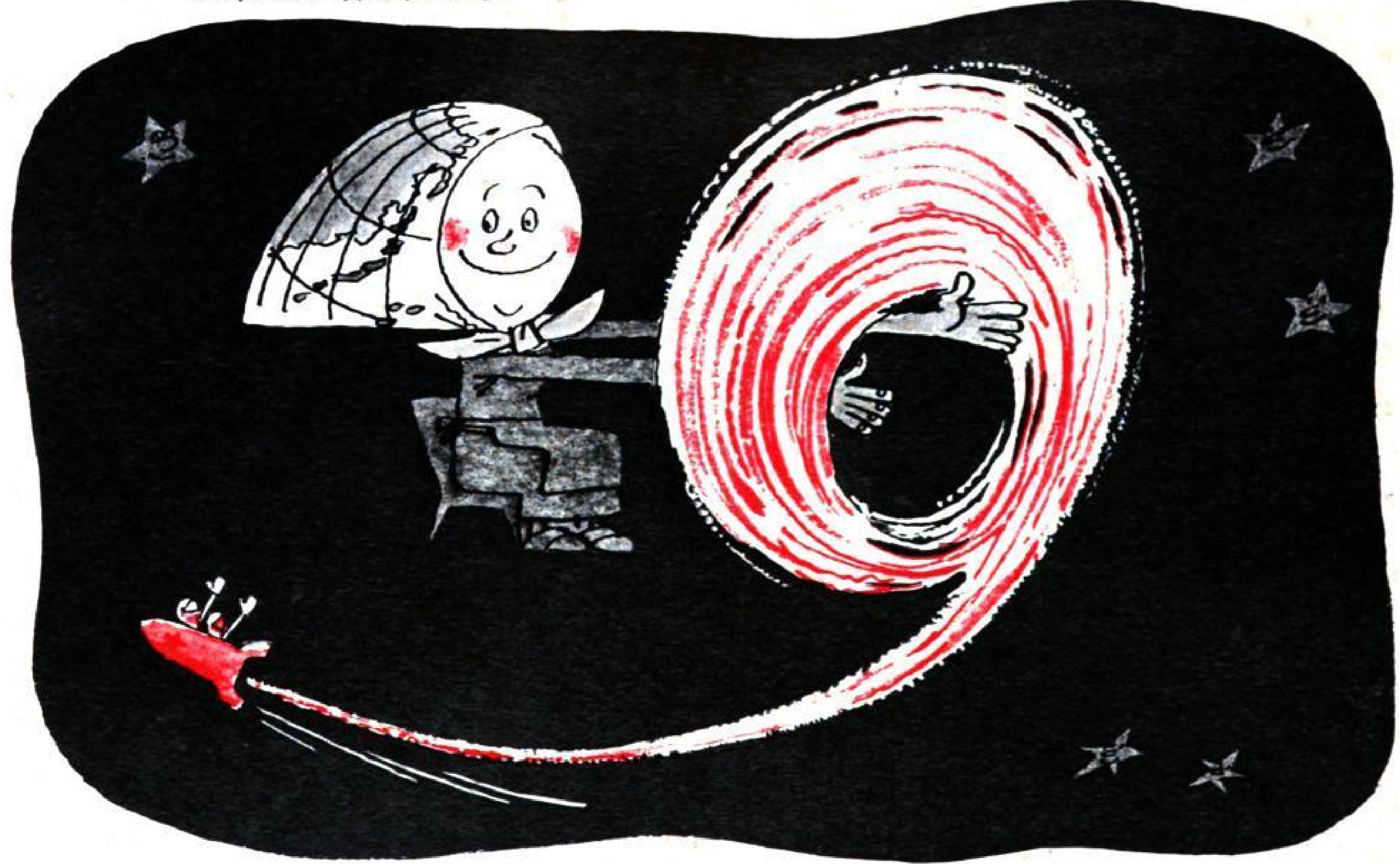
Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Заступили на трудовую вахту...

— А из космоса подземные кладовые как на ладони.

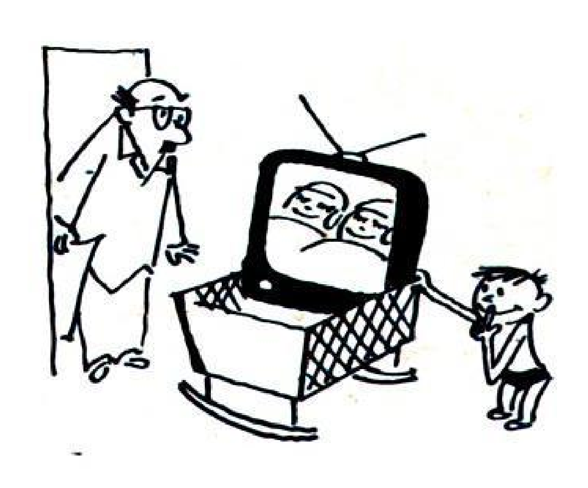
Старушка Земля:
— Вот молодцы, сколько витков накрутили!

— Буду привыкать к перегрузкам.

Партия проходила в условиях, близких к невесомости.

— Тихо, космонавты отдыхают...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.